

РЫЦАРЬ БЕЗ ПОЗЫВНОГО

Т
О
М
1

Т
О
М
2

Annotation

Мир, наполненный отважными рыцарями, благородными дамами, и невероятными приключениями ожидает кого угодно, но не вас. Для вас, товарищ старший лейтенант, у нас есть специальное предложение! После, всего лишь, двух лет службы наемником, вас ожидает умопомрачительная карьера тренера авантюристов в заштатном городке! Вы ведь всегда искали компании сопливых дураков и одноногого пьяницы? Мечтали снимать каморку в дешевом борделе и кормить клопов? Нет? Ну что же, не переживайте. Скоро все изменится...

Глава 1: Пот, песок, и гости

Запах пота, клубы пыли да блеск стали. Стоя на архаичной арене, я ощущал себя персонажем из псевдо-исторических фильмов. Ну, тех, что о благородных рыцарях, прелестных дамах да прочей мифической хренобратии.

И мне уже конкретно осточертело утирать липкий лоб в ожидании, пока невысокий, но чересчур смазливый парень закончит выпендриваться замысловатыми приемами. То припадая к песку, то прыгая кузнечиком, он уже в который раз пытался проткнуть мою грудь своей сраной булавкой. Ну, или как эта средневековая хрень зовется, рапира?

— Ты меня трахнуть хочешь или заколоть?! Отставить брачные танцы — рожай уже!

Приняв мои слова близко к сердцу, красавчик презрительно сжал губы и ломанулся в атаку. Дорогая сталь грозно переливается на солнце, звучно рассекает воздух и кажется до одури опасной. Лишь в последний момент осознание мелькает в глазах недомерка.

Гулкий стук крепкого дерева о дешевое железо, и от удара дубины в нагрудник парнишка забавно ахнув, кубарем покатился прочь. Несчастный едва начинает жадно глотать пыльный воздух, а за ограждением уже раздается протяжный стон инструктора.

Одноногий, усеянный шрамами старик, тыча в арену пальцем, закричал на притихшую группу учеников:

— Клянусь своей любимой флягой, следующий недоумок, осмелившийся притащить на занятия свою зубочистку, обнаружит ее у себя в заднице! Только гляньте на этого олуха!

Из толпы отделилась серьезно настроенная высокая барышня и, не дожидаясь разрешения, перемахнула через ограду. От ее обрезанного до пупка акетона и взмокших на солнце шортиков, мне стало еще жарче. Интересно, этот прикид — элемент психологической атаки или просто от недостатка мужского внимания?

Не дожидаясь команды, рыжая бесстыдница изобразила стойку и принялась за дело. Ловкость, с которой она орудовала длинным кованым шестом, приводила толпу в восторг. Полированное дерево будто искрилось в солнечных лучах, а грация, красота и скорость движений отзывались одобрительным ревом зрителей. Кажется, даже одноногий старик впечатлился.

Пожалуй, я бы и сам полюбовался на этот спонтанный стриптиз, но уж слишком солнце припекает.

Дождавшись, пока играющая на публику девушка вновь опишет широкую и вычурную комбинацию, я легонько ткнул дубиной. Восторг зрителей и задор противницы сменились гробовым ступором. Выбитый из рук шест ткнулся возле деревянного протеза наставника.

— Что!? Опять!? Бестолочи! Где надо действовать умом, напрягают только жопу! Все, закончили! Инвентарь на место, ограду чинить, сопли утирать. А мне надо еще выпить... — плюнув, он захромал деревянным протезом обратно в гильдию. — Не было печали, так предки поднасрали, ети их душу-мать!

Самое, блин, время! Еще немного и я собственным потом захлебнусь!

— Дыши полной грудью, ублюдок! — процедила дылда, нагибаясь за шестом и блестя на всю округу взмыленной филейной частью. — Аромат победы ты чуешь в последний раз!

— Ну и ладно... — пожал я плечами. — Буду дышать пафосом от твоего выпендрежа. Слушай, а ты не стриптизершей, случаем, подрабатываешь? Такое-то владение шестом...

Изогнутая бровь и холодный взгляд сигнализировали, что она нифига не поняла, но уже оскорбилась. Женщины, что с них взять? Лениво проведив взглядом её взмокшие шорты, я перелез через деревянную ограду и зажмурился от палящего солнца.

Недобитый любитель зубочисток жадно хлебал нечто из фляги, пока пара девчушек заботливо развязывала шнуровку на его тренировочном нагруднике. Рыжая дылда с шестом угрюмо осматривала свое оружие, а остальные лениво слонялись по двору, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Все как обычно. Подлый, безродный наемник явно оскорбляет взгляд сих достойных и охренительно важных авантюристов. Дебилы малолетние! Лучше бы они так драться учились, как презрение демонстрируют! А я-то, дурак наивный, думал, что хоть со своим собственным оружием они будут лучше управляться, чем тренировочным. Но хрен там плавал — одни понты на уме. Ну что за молодежь пошла?

Ай, ладно. Будто со срочниками никогда дел не имел...

Привлекая внимание, я звучно прочистил горло и демонстративно плюнул на песок учебной арены и как звучно высморкался. Мое нахальство и колхозные манеры заставляли женскую половину округлять глаза, а мужскую играть желваками.

Вроде, работает. Надо бы закрепить!

— В следующий раз вообще обоссу все нахрен! Телегу говна вместо песка вывалю, если снова халтурить будете! — небрежно почесав ширинку, чем вызывая целый хор шокированных девичьих стонов, я вразвалочку

отправился в гильдию.

Может, хоть теперь начнут стараться? Нельзя же прощать «вероломному наемнику» такие выходки?

Оскорбленно скрипнув, массивная дверь захлопнулась за спиной. Просторный зал, залитый светом из широких окон, как и прежде, встретил гомоном голосов, снующими официантками и запахом дешевого алкоголя. Скидки на пойло — одно из главных преимуществ жетона. Особенно для молодых и не шибко умных. Короче, всех.

— Все, что ли? — регистраторша сняла очки и отложила книгу на стойку. — Вам же за весь курс плачено!

— Технический перерыв. — я ткнул пальцем в инструктора, сидящего за столиком в обнимку с бутылкой. — У старика две отдушины: крепкие женщины да дешевое пойло. Или наоборот, хрен знает... Ну что, родная, выдашь жетончик страждущему?

— Подожди, неужто к нам решил?! — от удивления, она аж со стула подскочила.

— Решил! Чего бы и нет? Компашка — самый смак! Дебилы, писюхи, зазнавшиеся засранцы и алкоголики — будто снова в школе оказался! Поставить тумбочку и развесить портянок — на казарму потянет.

— Этот твой северный юмор... — закатила глаза девчонка. — Никак не пойму, где смеяться, а где плакать.

— Смеяться до, а плакать после. Ты бланк-то дашь или мне прямо на тебе данные заполнить? — я схватил со стойки карандаш и потянулся к ее груди.

Не то, чтобы я какой-то озабоченный, но в головах местных прочно закрепился стереотип — наемник должен быть: жестоким, вероломным да похотливым. С первыми двумя пунктами у меня туго, поэтому приходится нагонять последним.

Отшатнувшись, раскрасневшись и поругавшись, стройная брюнетка в синей униформе все же соизволила протянуть нужный бланк.

— Ты ведь знаешь, что...

— Вступая в гильдию, больше не смогу наниматься в вольные отряды и поступать на иную службу без разрешения, а также бла-бла-бла! Слушай, меня пять лет уставом трахали, дай хоть перекурить!

Оставив недоумевающую дамочку наедине с книжкой, я отошел к одному из многочисленных столиков. Официантки, что ушастые, что не очень, не особо-то спешили к здоровенной потной туше вроде меня. Так что анкету я заполнял в относительной тишине.

Имя, фамилия, второе имя... Иванов-Иван-Иваныч? Не-е-е... А! Себастьян Перейра, торговец черным деревом!

Род занятий? Подумав, я исправил «наемную службу» на «заполнение анкет» — так правдивей.

Место рождения... Ох, елки! Млечный путь, рукав Ориона! Там уже у местных дорогу спросят.

Рост, вес, подвид, владение оружием, боевыми искусствами, особые способности... Что еще за способности? Особых наклонностей много, а про способности не уверен.

В графе «дом/подданство» укажем сухопутные войска, а в «религии» — устав караульной и гарнизонной службы. По ночам, блин, снится!

Половая принадлежность? Старший лейтенант же!

Ближайшие родственники: прочерк! Согласие с правилами гильдии: прочерк! Уведомление об опасности предоставляемых контрактов: вообще гениталию нарисую!

Ладно, норматив на тупого наемника сдан на «отлично». Местные не прикопаются. Посетовав на отсутствие ошибок да излишнее мастерство письма, я вернулся к стойке регистрации в центре зала.

Очкастая брюнетка усмехнулась:

— Судя по хищному оскалу, анкета заполнена?

— По самые помидоры, а ты на очереди. Наслаждайся!

Девушка поправила очки и бережно приняла протянутый бланк. За чтением ее бровки пару раз сложились домиком, но протяжный вздох подсказал, что прикапываться не будет. Знает, что бесполезно!

Поднявшись с места и продемонстрировав колготки телесного цвета, она засемила к внушительному и откровенно пугающему станку. Вставив в него заготовку, регистраторша дернула рычаг. Станок заскрипел, ожил и тут же затих.

— Опять заклинил! Прошу прощения за то, что сейчас произойдет... — она сунула руку под стойку и, достав внушительную палку, с силой хрястнула по махине.

С ревом умирающего животного агрегат выплюнул жетон, и тот, очертив высокую дугу, звякнул прямо передо мной. «Себастьян Перейра, авантюрист округа Грисби. Ранг: бумажный.»

Хм, а мне казалось, что первым званием у них идет оловянный... Ну да ладно! Бумажный так бумажный — какая нахрен разница?

Я уже собирался уточнить о скидках на выпивку, но прервал серьезный вид регистраторши:

— От лица гильдии авантюристов округа Грисби, позвольте поприветствовать вас в наших рядах! Уверена, вместе мы сделаем наш город лучше! — фанатично протараторила она и замерла с драматично опущенной

головой.

То ли кланяется, то ли прилиплюю жвачку на туфлях высматривает. Странная у них тут гильдия...

— Ваши наспех залатанные развалины лишь звено бомбардировщиков улучшит. Если сперва напалмом шлифануть. Seriously, даже ворота не отремонтировали! Не фортификация, а пригласительный билет...

— Извините... Что? — девчушка недоуменно распрямилась, видимо, пытаюсь понять, что такое «бомбардировщик» и можно ли его есть.

Ну да, они же ничего технологичнее кувалды не видали. Опять заговорился...

— А ничего... Глаза у тебя красивые! Ладно, чао-какао! — я заметил, что инструктор, пошатываясь, засобирался во двор — У нас тут возвращение джедая нарисовалось! Пора опять этим падаванам показывать, почем на рынке рубероид!

Игнорируя недоумение девчушки, и выйдя во двор, я сходу запрыгнул на арену. Мелкий песок напекло не хуже задниц авантюристов, которые с кислыми минами слушали старую песню о главном в исполнении любимого наставника:

— Тайные техники и секретные приемы хороши лишь для заморских содомитов, которые, надушившись специями и отодрав друг-друга под хвост, приходят в цирк, гордо именуемых Колизеем! И следующий высерок, посмевающий превратить мой двор в театр одного дебила, будет до седых мудей стирать чужие портки да набивать соломой манекены! Ясно объясняюсь?! — заметив, что моя туша достаточно подрумянилась на песке, он скомандовал: — Следующий!

После недолгой заминки и приглушенных споров толпа извергнула из себя нечто невразумительное. Споткнувшись об канатную ограду и растянувшись на песке, нескладный паренек виновато улыбнулся. Поднявшись, выставив щит и отведя меч, прыщавое чудо приняло классическую стойку.

Мужская половина зрителей соревновалась в остроумии, а женская лишь разочарованно закатывала глаза. Парнишку они явно презирали.

— На меня смотри! — потребовал я. — Щит выше! Выше! Еще! Ты им подбородок прикрываешь, а не яйца! Да, вот так!

От удара дубиной он пошатнулся, что немедленно отозвалось всеобщим весельем да незамысловатыми пошутейками, но равновесие сохранил. И что важнее, затравленные глаза ни на секунду не упустили меня из виду. Хм, а парень-то молодец...

Серия ударов заставила доходягу прижаться к ограде. Но и только.

Смешки и ставки, сколько секунд продержится прыщавый, начинали утомлять. Несмотря на неказистый вид, этот пацан единственный из всей группы, кто хоть чего-то стоит. Ну, не считая дылды, но у той фора в виде задницы... То есть, роста!

— Хорошо! Теперь ты!

— Я-я?

Отлично, он еще и заикается. Все штампы собрал! На рекорд идет, засранец.

— Нет, блин, папа римский! Бей давай, пока дубину в сраку не засунул!

Облизнув засохшие губы, парнишка начал осторожно наступать, прощупывая мою оборону. Шаг, тычок, шаг влево и снова выпад... Да, котелок у него точно варит! Все эти никчемши за оградой уже ломанулись бы в атаку и тут же поцеловали песок. А этот понимает, что нельзя кидаться на опытного противника, — сперва прощупай!

Ай, ладно, я сегодня добрый, да и он явно заслужил...

Дождавшись очередного выпада, я как бы случайно зацепился локтем о щербатое лезвие. Блеснувшая из под рукава белая кожа и тонкая алая струйка заставила толпу застыть в немом исступлении. Чего не скажешь о наставнике. Позабыв про дорогую его сердцу флягу, он энергично затыкал пальцем в арену:

— Вот! Вот как надо, балбесы! Мотайте на ус! Осторожность, тактика, внимательность! И даже эта невоспитанная скотина познает вкус своей крови!

Это я-то скотина?! Ты че, дед, ты че?!

— И-извините пожалуйста... Я случайно. — поигрывая прыщами на солнце, парнишка виновато потупил взгляд.

— А надо специально! Дурилка картонная... Ладно, бросай щит — посмотрим, что у тебя по фехтованию. — я вылез за арену и взял со стойки затупленный меч из дешевого железа.

К концу дня прыщавый путался в ногах и тыкался носом в стены, но так и ни разу не пожаловался. Мужская половина раздраженно скрипела зубами, женская будто не замечала... И лишь одна плоскогрудая рыжуля во все зеленые глазища тарасилась на парня.

Полагаю, скоро у задротика появится подружка.

Разделавшись с дневными обязанностями и оставив сопляков убирать инвентарь, я с чистой совестью отправился в свой клоповник.

Горячая овсянка в деревянной миске смешалась с обильной порцией меда. Ой, не к добру такая щедрость...

— Так ты теперь авантюрист... — дыхнув кислым вином, женщина игриво потянулась к жетону.

Армейские привычки не позволяли носить его на шее, и он был закреплен на рукаве потрепанного гамбезона.

— А ты теперь шлюха. Как и вчера, впрочем. — я отсел чуть подальше, дабы всякие похотливые культяпки не тянулись к моим невинным ладошкам.

— Ну, не будь букой... — тетка надула потасканные губки и подвинула чарку с вином. — Лучше угостись да расскажи что-нибудь о себе. О своих приключениях, о наемниках, о битвах и победах...

От деревянного кубка веяло танковой тормозухой, а томные глазки похотливо переливались при свете лампы. Заправленный вонючим маслом кувшин на пару с печкой сонно освещали тесную кухню, заставленную побитыми лавками у исцарапанных столов. Кажется, фальшивые стоны, напряженное сопение, и пьяный хохот, раздавались отовсюду. Про шумоизоляцию в этом борделе не слышали.

Поглядев в залитые глазки ударницы постельного фронта, я отставил пустую миску:

— Сразу к делу: я свой свой хрен лучше в блендер засуну. Но за ужин спасибо.

— Как грубо... А твоя «блендер» может так? — она провела шершавым языком по обветренным губам.

Едва не перекрестившись, я быстро встал из-за стола, оставляя пару истершихся монет. Но мысли о жесткой койке и дырявом одеяле были развеяны пронзительным визгом в холле.

Да вашу мать!

— Какая досада... Возвращайся скорее! — женщина вновь повторила трюк с языком в надежде заинтересовать.

Но добилась ровно обратного — хрена лысого я вернусь!

Оставив старую блудницу с не менее потасканными монетами, я заспешил в коридор. Идея поселиться в борделе казалась неплохой, особенно когда вместо платы тебя просят лишь следить за порядком. Но кто же знал, что каждую ночь здесь открывается филиал дурдома? Небось, опять какие-нибудь караванщики бузу устроили...

Пнув дверь ногой и увернувшись от истошно визжащей шлюхи, я ворвался в холл:

— Ну, выпил, ну трахнул, — буянить-то зачем?! Ох, нифига себе!

Вместо очередных нищих забулдыг я увидел пару крупных мужиков, увлеченно тычущих клинками в незнакомую блондинку. Словно соревнуясь в яркости с красными плащами нападавших, из под темной накидки незнакомки блестели светлые полированные доспехи. Решительно отбиваясь, она не уступала мужикам ни в скорости, ни в силе.

Все это вкупе с обнаженными дорогими мечами и выверенными движениями говорило одно: караванщиками тут и не пахнет.

— Ну-ка нахрен! Катитесь на улицу разбираться!

Три пары глаз удивленно уставились на меня. Походу, четвертого они не ждали. Тот, что постарше, брезгливо плюнул:

— За твое нахальство, землеша... — процедил седой, медленно обходя противницу. — Я спрошу позже, а пока... Скройся с глаз, тварь безграмотная!!!

Чего хамить-то сразу?

— Какой я тебе землеша, дядя?! А ну пошли в жопу отсюда! Тебя, белобрыся, это тоже касается!

Поигрывая свежей раной на щеке и, не отвлекаясь от противников, блондинка лишь сильнее стиснула меч. И не зря.

Рассчитывая на внезапность, второй незнакомец ткнул клинком куда-то ей за спину. Молниеносно парировав выпад, бронированная блондинка быстро оттеснила врага на исходную.

Из-за красивых доспехов блеснула чья-то светлая головка. Приглядевшись, я удивленно заметил зареванную девчонку. Мелкая такая, будто еще подросток, но толком не понятно. Попискивая от каждого звука, она в панике цеплялась за плащ незнакомки. Ряженая в такой же темный балахон девчушка даже не догадывалась, как сильно мешает своей защитнице.

Поглядев то на мужиков, то на закованную в доспехи бабу, я обреченно вздохнул. Не знаю как местным, а мне устав не позволяет спокойно глядеть, как в детишек всякие мужики мечами тыкают. Военных преступлений мне и дома хватило.

У меня при себе нет оружия, не считая ржавого ножа, которым так удобно чесать задницу, а посему придется импровизировать. Схватившись за лестничные перила, я с треском вырвал увесистую балку:

— Ну че, пацаны, аниме?! — заорав во всю плотку, чтобы отвлечь мужиков от блондинки, я с ходу обрушился на того, что поближе.

Задор чуть поутих, когда отточенное лезвие едва не отсекло мою руку. Прикусив губу от напряжения, я едва-едва мог сдержать натиск седого. Его отточенные движения и скорость ударов не предвещали ничего хорошего.

Дурацкая была идея...

— В сторону, крестьянин! — воспользовавшись заминкой, блондинка бросилась вперед и подсекла засранцу ноги, тут же переключаясь на второго.

Ничего и не крестьянин!

Зарычав, словно зверь, раненый потерял равновесие, припав на ногу. Опустившаяся на голову балка завершила начатое. Ударив еще пару раз и убедившись, что мозги как следует растеклись по полу, я отбросил всплывшие картины прошлого и вспомнил про остальных.

Орошая стены собственной кровью, блондинка хваталась за шею, из последних сил отбиваясь от напиравшего парня. Девчушка за ее спиной продолжала мешаться под ногами.

Нет, так дело не пойдет! Единственная симпатичная девка на всю улицу, и ту убивают! Хоть бы подождал, пока телефончик стрельну!

Подскочив к мужчине, я поставил ногу на его длинный плащ. Не сумев совладать с инерцией, он забавно грохнулся на спину, мигот потеряв оружие. Но прежде чем я успел что-то сделать, девичий клинок уже вонзился в его глаз.

— Эй! Какого хрена?! Он же уже безоружный! Эй!

Вместо ответа кровожадная незнакомка наставила обагренное острие на меня. В голубых глазах читалась отчаянная решимость.

— Не... Подходи... — глотая каждое слово, она все сильнее и сильнее стискивала рану.

А вот и заслуженное «спасибо, что выручил»... Ух, бабы!

Я уже прикидывал, как бы половчее вмазать балкой по напыщенной роже этой неблагодарной гадины, но бьющая между пальцев струйка сделала свое дело. Пару раз моргнув, девушка не удержала равновесия и стукнулась о стену. Медленно оседая, она оставляла широкий алый след на неокрашенной деревянной вагонке. Заревев пуще прежнего, малявка кинулась к раненой, всеми силами стараясь унять кровь.

Мда, прикольно погуляли. И как мне ей жгут на шею накладывать?

— Да твою снежную задницу... — с лестницы на второй этаж раздались до боли знакомые и теплые сердцу слова. — Какого овса здесь творится?! Кто этот бардак будет убирать, а?!

Пожилая хозяйка борделя, уперев руки в жирные бока, недовольно осматривала место сражения, то и дело зыркая на меня пороссячьими глазками.

Я лишь пожал плечами. Сам бы хотел знать!

Глава 2: Сирь и леди

Сегодня солнце, наконец, сжалилось, и песок отдавался приятной прохладой. Над крышей массивного, трехэтажного здания гильдии, переливаясь в лучах полуденного света, пролетел ворох желтоватых листьев. На ум тут же пришли стихи Пастернака:

Осень. Древний уголок.

Старых книг, одежд, оружия,

Где сокровищ каталог

Перелистывает...

Обтянутая в мешковатые брюки задница убивала всякую тягу к поэзии. Нет, ну он сегодня уползет или как?!

Отвесив подсрачник нерадивому ученику и дождавшись, пока тот свалит за ограду, я закинул дубину на плечо:

— Ну?! Кто еще песком в глаза бросаться хочет?! Может, учиться начнете, а не фигней страдать?

Авантюристы угрюмо молчали. Лишь длинноволосый красавчик, поглаживая украшенные ножны, чему-то ухмылялся. А инструктор и вовсе уснул пьяным сном. Разлегшись на лавке в тени, дед бормотал что-то про «румяные чресла», недвусмысленно обнимая снятый протез.

Ленивый извращенец...

Взглянув, как дылда с задротом отрабатывают удары на манекене, я лениво зевнул. Нифига не выпался. А все из-за вчерашних «гостей», эти их в душу... Ладно, еще разок и обед! Сегодня вроде молодое пиво подают. Урожай же.

— Эй, Леонтьев на минималках! Хорош зубочистку надрачивать, залезай давай!

Блеснув разноцветными шнурочками в волосах, красавчик брезгливо поджал губы:

— Не к спеху, чернь. Чем громче твое тьяканье, тем ближе моя сатисфакция.

Че сказал-то? Он на солнце перегрелся или просто охренел?

Собравшись прилюдно поставить умника на место, я услышал скрип дверных петель. Из гильдии вышел незнакомец.

Украшенный табард, как и щит, переливались позолоченной десницей со скрещенными пальцами. Одни его отполированные до блеска латы стояли с половину улицы, включая землю, воздух и всех присутствующих. Обведя двор скупающим взглядом, низкий мужчина перехватил шлем поудобнее и двинулся прямо к арене.

Нехорошее у меня предчувствие...

— Кого здесь величают «наемником»? — обратился он к толпе.

В едином порыве ученики ткнули пальцами в меня.

— Эй! Я тоже авантюрист! Я вчера в гильдию вступил!

Стукачи малолетние!

Поглядев на меня и дернув бровью, мужик надел увенчанный черным венком шлем и одним махом преодолел ограждение:

— Не желаю возиться с подобной тебе грязью, но титул обязывает меня представиться... Имею честь быть сиром Филлибердом Клебером «Ловким». — брезгливо заявил он и спустя мгновение, латная перчатка сильно хлестнула по моему лицу. — Прими же вызов, коли не трус!

Чуя, как щека наливается красным, я недоуменно проморгался. Это типа че, дуэль, что ли?

— А я тогда имею честь быть...

— Что наемник знает о чести?! Прими вызов! А не то... — он погладил ножны подозрительно знакомым движением.

Заметив, как красавчик восторженно пялится на рыцаря, я сплюнул кровь:

— Знаю! И побольше твоего, дровосек железный! — продемонстрированная дубина, кажется, заставила «консерву» смутиться.

Потупив с секунду, «дровосек» подошел к ограде:

— Очаровательная прелестница, прошу вас, как лишь рыцарь может просить даму! — он обратился к одной из девчушек. — Не соблаговолите ли одолжить ваш чудесный клинок?

Под завистливые взгляды подруг, малолетняя писюха сняла и протянула простенькие ножны и тут же едва не рухнула под тяжестью рыцарского щита. Поблагодарив засранку, «дровосек» швырнул ножны мне.

Елки-палки! Более щербатого и кривого оружия я в жизни не видел... Он прикалывается?

— Слышь, а доспехи?!

— Доспехи, как и честь, нужно блюсти! Худородный наемник попросту недостоин их!

— Сам-то понял, что сказал?!

— Ты принимаешь вызов?!

Ага, ищи дурака! Я еще не совсем чокнулся, чтобы с закованным в латы рыцарем отношения выяснять! Вчерашнего хватило! И вообще, какого хрена он докопался? Мы даже незнакомы!

— Спасибо за предложение, но я забыл дуэльные портянки! Извольте обождать до следующего раза!

— Что же... — под благоговейные вздохи «дровосек» извлек роскошный клинок. — Так или иначе, твое преступное неуважение не останется безнаказанным!

Да чтоб тебя! Мне за такое не платили! А впрочем... Пофигу. И не таких обламывали!

Не успел рыцарь договорить, как тут же получил ножнами в забрало и ботинком под колено. Как говорил главнокомандующий — бить надо первым!

Но толку-то...

Сверкнувший молнией удар оказался отражен лишь чудом и натренированной реакцией. Прижавшись спиной к ограде и уйдя из под нового взмаха, я понял, что чувствовали все эти сопляки при встрече со мной. Разница в навыках колоссальная. Впредь буду мягче, — если выживу, конечно...

«Сир Ланцеврот», или как его там, с небрежной легкостью отводил все мои выпады, то и дело переходя в атаку. Лишь спустя полминуты прыжков по арене и двум новым порезам на гамбезоне до меня дошло, — «дровосек» просто играет! Забавляется, развлекает толпу и демонстрируя всем разницу между настоящим рыцарем и...

Серьезная ошибка, банка консервная!

Каждый ветеран знает: гнев лучше паники. Когда-то давно, в горах далекой страны упрямая ярость уже спасла мне жизнь. Взвод, попавший в засаду прямо в поле, выжил лишь благодаря приказу штурмовать позиции врага. И, несмотря на ошарашенные взгляды солдат, решивших, что командир сбрендил, потерь удалось избежать. Не ожидая такого поворота, противник просто сдриснул оставляя позиции.

Короче, коли рыцарь решил, что дохрена крутой, то самое время познакомить его губы с моей задницей!

Сделав ложный выпад, я зачерпнул песка и бросил его в шлем. Заминка недомерка позволила провести нехитрую комбинацию, вынуждая говнюка уйти в оборону.

Сейчас!

Короткий клинок вознесся над головой, метя в наплечный зазор крепкого доспеха. Едва уловимое движение корпуса и при встрече с латами дешевая сталь разлетелась в дребезги.

Ну, е-мое... Долбаный ходячий танк! И чем мне его теперь гасить? Хреном по лбу постучать?

— Г-господин! В-возьмите! — брошенная «прыщом» дубинка легла в ладонь, как влитая.

И очень вовремя! Противник, явно недовольный моими выходками, отбросил игры и, взявшись за рукоять обеими руками, рубанул что есть силы. Рефлексы опередили сознание, и вместо моей шеи лезвие вошло в крепкую северную древесину.

— Что встрял, банка консервная?!

Покряхтев от науги, рыцарь бросил попытки вытащить меч из дубины и ткнул меня кулаком в лицо. Перехватив латную перчатку свободной рукой, я не сдержал триумфального оскала:

— Пришло время огребля-я-ять! — заключенная в сталь нога впечаталась прямо в мой висок.

Блин, а и правда, ловкий...

Безжизненные глаза, серая каша на грязных половицах, деревянная балка переливается красным пятном. Где-то в глубине чужой крови опять стрекочут очереди, брызжут искрами разорванные траки, а рация вновь захлебывается от хрипа.

Нарастающий вопль сменился гробовой тишиной. Из серого мрака явился ангел. Бледная кожа, изящное лицо, пронзительный взгляд янтарных глаз, начищенная шпага, устремленная в шлем...

Шпага? Какая шпага? Не положено шпаги!

— Я еще молода и жажду знаний... — молвила стройная девушка. — Разве округ снова принадлежит Западному пределу?!

— Н-нет...

— Тогда, быть может, Грисби вновь под контролем лорда Мюрата? — рыцарь осторожно покачал головой.

Шпага, засунутая в его забрало, пресекала любые возражения.

— В таком случае, раз этому человеку не предъявлено обвинений, я вынуждена просить вас выбрать иное время для визита. Двор гильдии закрыт для посторонних. — дождавшись кивка, незнакомка опустила оружие.

Наградив меня холодным взглядом, миниатюрная блондинка растворилась во вспышке ослепительного света.

Способность нормально соображать, вернулась сильно после. Вместе с болью в виске и ощущением жесткой лавки под задницей.

— Ну? И чему я тебя учил? — сидевший рядом инструктор поглаживал деревянную ногу. — Есть храбрые наемники, есть старые. Чтобы и то, и другое — никогда. Бежать надо было, балбес!

Солнце клонилось к закату, и во дворе мы остались одни. Пошевелив засохшим языком, я осторожно притронулся к виску. По-моему, еще чуть-чуть, и этот трюкач мне бы башку проломил. Будто поезд трахнул...

Чтобы отвлечься от ощущения едва не наступившей меня смерти, я переключился на более приятные воспоминания:

— Мне какая-то девка мерещилась. Будто ангел какой. Длинноногая, стройная такая, с длинной косой светлых волос. А задница... Ух.

— Фальшивка-то? Ты ее первый раз увидел, что ли? Баран... Нанимателя в лицо знать надо! А что до нее самой — ну, на ангела походит вяло, но вертихвостка хороша, спору нет. — он ткнул морщинистым пальцем на третий этаж гильдии. — Твоя удача, что с небосклона спустилась, не то быть тебе удобрением.

Поглядев на мою кислую рожу, он смягчился и протянул флягу. Я недоверчиво принял подарок. Неужто этот день настал, и старый хрен поделился своей особой наливкой?!

— На вот... Всеж-таки не каждому дано пережить схватку с рыцарем. По мне, так это уже победа. — вздохнул он, нехотя взялся за ремешки, дабы пристегнуть протез обратно.

Сорвав пробку зубами, я жадно присосался. Желанный вкус победы отозвался дерьмом. Огненным дерьмом.

— Тьфу! Что за херня?!

— Уксус, болван! Раны смазать! А ты что подумал?!

Вот же хрыч! Ладно, хоть мозги прочистило.

Отплевавшись, помассировав пылающий висок и дождавшись пока дед пристегнет ногу, я нехотя поднялся, прикидывая как бы добраться до родной койки и, желательно, не помереть в процессе.

Низкие цены на свежее пиво вкупе с отсутствием налогов сделали свое дело. Несмотря на пору жатвы, площадь уже ломилась от обилия надравшихся туловищ. Лоточники бойко зазывали оценить товар, обыватели неумело торговались, а визги спующих детей заставляли мой синяк гореть огнем.

Посреди этой вакханалии, на помосте у фонтана высился грузный мужчина:

— Невзирая на проблемы с водостоками, празднество листопада пройдет на площади первого дня новой недели: Блудницы, содомиты и нечистые дельцы... — в драматичном жесте, он воздел жирные ручонки к небу и тут же резко опустил их. — Не допускаются! Пиво и другие напитки представлены Хмельным домом. Хмельной дом — настоящее пиво от настоящих пивоваров!

Заметив у фонтана красный плащ, я юркнул в группу, выстроившуюся у переносной сцены, на которой давали кукольное представление. Чумазные детишки и их родители с интересом глядели, как крошечная «мантикора» разрушает крепостную стену, и в пролом устремляется орда игрушечных северян.

В то же время плащ подошел к глашатаю. Выслушав незнакомца и приняв внушительный мешочек на шнурке, тучный человек-газета прокашлялся:

— Третьего дня из Молочного Холма пропали фамильные реликвии. Барон Робусте проявит милость в пять люрий за сведения о воровке, и пятьдесят за нее саму! Приметы молодой девицы: светлые волосы, голубые глаза, ровный шрам на правой брови, медовый акцент...

А еще полированные доспехи, длинный меч, и свежая дырка на шее...

Заслышав объявление, к помосту у фонтана начали подтягиваться обыватели. И количество заинтересованных столь щедрой наградой удручало. Кто бы мог подумать, что в моей спальне спрятано такое сокровище?

На сцене тем временем билась пара игрушечных феодалов. И если синем угадывалось брюхо местного лорда, то юный северянин в белом меховом плаще остался неизвестным. Но даже моих познаний местной истории хватало, чтобы понять: спектакль повествует о штурме Грисби. Дождавшись, пока представление окончится, и из-за простыни выйдут кукольники, я кинул пару медных «лепестков» да двинулся дальше.

Глашатай уселся на помосте, наслаждаясь огромной кружкой молодого зеленоватого пива, пока толпа рядом осаждала вопросами одного из плащей.

Полтинник золотых... Сдается мне, предложили бы и побольше, да побоялись лишних вопросов.

Но даже полтинник красивая сказка! Жаль лишь, что про светловолосую малявку не упомянул. Без нее сладкие речи о награде приобретали вкус лживого дерьма. Прямо как реклама Хмельного дома. Дряннее пива не найти...

Залитая закатными лучами центральная площадь сперва сменилась красивыми особняками, затем скромными домиками. Когда боль в голове достигла пика, а жалкие хибары уступили место грязным шалашам, я облегченно выдохнул. Вид разломанного и наспех восстановленного каменного дома, — единственного на всю улицу, — впервые отозвался радостью в душе.

Скрипучая дверь едва хлопнула за спиной, а на меня уже уставилась пара свинячих глазок:

— Ты лошади под хвост полез или с медвежьей жинкой спутался? — при виде меня хозяйка подняла густые брови.

— Банку вскрыть пытался... — отмахнулся я, потирая разболевшийся синяк. — Все тихо?

— Ага. — она поглядела на тщательно вымытый пол и криво приклеенные перила. — Кольчуги шарпальщики разберут, клинки на Заречной сплавят, а телами, поди, уже боровы испражняются. Что до девчонки...

Хозяйка устала на раскрытую кладовку под лестницей. Отмытая и переодетая в дешевое платье, малявка самозабвенно охаживала кнутом мешок с крупой. Под дельные советы пары скучающих блудниц девчушка, похоже, искренне наслаждалась новой «игрой».

Глядеть на такую невинную милашку в обществе прожженных шмар было откровенно больно. Однако это куда лучше, чем наблюдать, как ее тонущее в слезах незащитное тельце прижимается к полумертвой защитнице.

— Раз она больше не ревет белугой, то блондинка все же пришла в себя?

— В себя? Как сказать... Но помирать передумала, будь уверен.

По слухам, местные эскулапы знали лишь два лекарства: кипящее вино и экстремальную уринотерапию. А посему я лишь удивленно поднял брови и захотел лично лицезреть чудо дивное. Как они ей мочой шею-то заштопали?

Уже собравшись наверх, я вдруг вспомнил про третье правило наемника:

— Какая еще «доля с трофеев»? Тебя держат, чтобы буянов да побирušек отваживать, а не лезть в чужие драки! Твоя удача, что я добрая и не... — она осеклась, завидев, как я спускаюсь обратно.

Поджав губы, тучная корова опустила волосатую руку в глубокое декольте потрепанного платья:

— Крахобор! — устремившийся в лицо мешочек, звякнул при встрече с моей ладонью.

Под недовольным взглядом хозяйки, я развязал шнурок и пересчитал монетки. Не густо. Но и не пусто.

— К слову... Слышал о награде? — будто бы невзначай, осведомилась она, когда я затянул шнурок на мешочке.

Уже и бобры все знают...

— Херня. Ничего, кроме пики в глаз от таких не дождешься. Уж такая зрелая и умная женщина должна понимать, верно?

Она кивнула, самодовольно улыбаясь комплименту. Поглядев в жадные серые глазки, я скрипнул челюстью. Сдаст. Точно сдаст! Как алкоголик стеклотару. Если только... Нет, голова раскалывается. Завтра придумаю. Все завтра...

Решив, что с девочкой в обществе дешевых шмар ничего не случится, я двинулся в левое крыло борделя. Моя комната была самым тихим местом во всем заведении. Снизу — кухня, за окном — городская стена. Не считая жилища хозяйки и угодий «Молочной Мэри» на весь коридор больше комнат не водится. Самое место, чтобы разместить раненную гостью с ее странноватой малолетней спутницей.

Знакомая дверь, скрип старых петель, родная кровать, стертая одеяла и собственный ржавый нож, приставленный к подбородку.

ТЬФУ! Память дырявая!

— Тихо-тихо милая! Я просто койкой ошибся! Давай без экстрима!

Бледное лицо блондинки сурово блестело в свете сального огарка. Как не вовремя очухалась. Впрочем, а когда бывало иначе?

— Где она?!

— Все еще при тебе, если ты про красоту, конечно. Насчет невинности не уверен...

Вспышка боли и нечто мокрое на коже, намекнули — флирт лучше отложить.

— Внизу! С крупой играетя!

— Какой еще крупой, совсем за дуру держишь?!

— С ячменной. Или гречневой. Я тебе справочник что ли?! Поди сама посмотри!

А уж за кого держу, тебе лучше не знать.

В голубых глазах отразилось сомнение. Кажись, задумалась...

Не тратя времени даром, я мигом перехватил нож и навалился на ослабевшую девушку, вдавливая ее глубже в набитый сеном матрас. Она сопела, брыкалась и даже пыталась выцарапать мне глаза, но бестолку. Такая потеря крови даром не проходит — уж я-то знаю!

Когда все попытки сопротивления стихли и на бледном лице появился легкий румянец, она, наконец, начала слушать:

— Раз: твое бледное седалище идет по цене отличного домика! Два: ты еще жива и сравнительно невредима, а значит, я тебе не враг! Три: с девочкой все в порядке, чему можешь легко убедиться и последнее! Этим ножом я чешу свою задницу! — я провел плашмя лезвием по гладкой коже, вызывая одновременно недоверчивое и ошарашенное выражение девичьей моськи.

Выпустив пар и поморщившись от заново разгоревшейся боли в виске, я слез с кровати. Валяться на бледной девчушке было хоть и мягко, но как-то неловко. Сладкий запах и тепло нежного тела чувствовались даже сквозь одеяло.

Блин, опять с «колышком» спать придется...

— А теперь, когда мы закончили с прелюдиями, может, перекурим, и ты расскажешь, что за херня творится? Например, — что за малявка и почему ее заколоть пытались? — поморщившись, я притронулся к покоцанному подбородку.

Неслабо порезала, маньячка!

Повторив мой жест и погладив повязку на шее, молодая женщина, наконец, заметила свои доспехи в углу комнаты. Вместе с дорогим мечом в строгих темных ножнах, они мирно прислонились к трехногому стулу, на спинку которого, был наброшен потертый пиксельный китель.

Чуть смягчившись, блондинка объявила:

— Миле... То есть девочка — моя сестра.

Последовавшая слезливая история о бедном дворянском роде, умершем отце и пришедшем богатом жестоком отчине, вознамерившимся затащить падчериц к себе в постель, была достойна киноленты. Замени блондинку на гея, а девчонку на безногого африканца — «Оскар» обеспечен!

— Я полагала, мы оторвались, но сестричка... — кутаясь в рваное одеяло, блондинка покраснела пуше прежнего. — «расцвела». Ну, ты понимаешь... Лишь покидая аптекаря, я заметила красные плащи наемников...

— Ой, все! Хватит! Давай заново! И либо фантазию напряги, либо ври поменьше! — стацив с поломанного стула свой китель, я подложил его под голову и улегся прямо на пол.

Наемники, блин, в красных плащах. Кого она лечит?! Такие яркие и дорогие тряпки только гвардейцы всяких лордиков напяливают. Хотя, про месячные, может и не соврала. Несмотря на малый рост и излишнюю наивность, малявке никак не меньше шестнадцати. А то и все восемнадцать[1]. Но все прочее — чушь собачья. Кроме светлых волос, никакого фамильного сходства между ними не прослеживается.

Помолчав с полминуты, она вновь заговорила.

В этот раз малолетняя «сестрица» оказалась последним представителем древнего рода драконоборцев, а плащи, стало быть, драконопоклонниками. На моменте, где блондинка объявила себя воином старинного ордена защитников драконоборцев от драконопоклонников, я не выдержал:

— Все херня! Давай по новой!

Станиславского на нее нет!

Блеснув из под одеяла стройной ногой, девушка задумчиво замолкла. Но лишь на минуту:

— После стольких лет в бегах сложно кому-то доверится. Но если вы хотите правды, то вот она — на самом деле...

Вариант с древними демонами, загадочными культами и жертвоприношениями звучал куда как интереснее. На моменте, где отважная странствующая воительница под покровом ночи выкрадывает будущую жертву из лап адептов черной магии и под раскатыстые вспышки молний да хохот темных богов мчится от красных плащей по мрачному лесу, я аж заслушался.

Но все обломала малявка. Бесцеремонно забежав в едва освещенную комнату, она принялась болтать без умолку:

— Леди Аллерия! Вы очнулись! Смотрите, что мне подарила здешняя госпожа! — девочка продемонстрировала старую кожаную плетку. — Она волшебная! Помогает завоевать сердце и кошелек любого мужчины! Теперь, когда я вступлю в наследство, и замок станет моим, я смогу покорить весь мир! Представляете!? Все будут меня любить, и я стану королевой!!!

Никакая головная боль не могла остановить мой хохот. Отчаянно краснея, блондинка зарылась в одеяло с головой.

— Эй! Ну вы чего? — девочка задумчиво махнула плеткой. — Она же точно волшебная?

Тащ майор, все заебись!

Глава 3: Ушки, шкурки, два хвоста

Свет фонаря вырвал из мрака грязный меховой мешок.

— О! А вот и счастливые обитатели этого райского места! Балбесы, знакомьтесь — крыса! Крыса — балбесы! — я присел к трупу и подцепил его крюком.

Запах не обманул — точно мертвая.

Поймав на себе мой томный взгляд, прыщавый парень испуганно вздрогнул и протянул нож. Пачкать свою «чесалку» мне не хотелось.

— У вас на севере все крысы размером с кошку? — недоверчиво спросила дылда, брезгливо дернув аккуратным носиком.

Изысканный аромат городской канализации был ей не по вкусу. О чем она успела доложить раз этак — двадцать.

— Я вообще-то не с севера... Ну, северные крысы побольше южных, это да. Но северных вы еще не видали — это лишь гибрид. — поставив фонарь, я погрузил острое лезвие новенького ножа в брюшко грызуна.

Округлив зеленые глазки, девушка как бы невзначай встала поближе к прыщу. Дурачок, конечно же, ничего не заметил. Закон жанра, чтоб его!

— И-извините, а з-зачем вы ее режете? Гильдия ведь п-принимает т-т-только хвосты? — нервно теребя простенькие ножны, спросил пацан, явно борясь с желанием отвести взгляд.

— Ну... — я вспорол брюхо. — Шкурки охотно покупают портные: соболей на всех не хватает, знаешь ли. Жир пойдет на свечи, из почек варят масло от паразитов, а мясо — почти как голубятина. — закончив оголять внутренности, я заученным движением подсек толстый хвост твари. — Что до хвостов, их с куда большей охотой берут так называемые алхимики и псевдоученые. В гильдию хвостики для отчетности сдавать надо. Ну, типа, чтобы жетон новый побыстрее выдали... — скользкие кишки, брошенные под ноги рыжуле, заставили ее взвизгнуть и схватить пацана за локоть.

Хоть какая-то от нее польза — поржать можно!

— Вы не в-высокого мнения о м-магистрах?

— Не особо. Как и любой нормальный человек.

Сложно всерьез принимать тех, кто на серьезных щах втирает за «закон кармы» и лечит энурез вороньей кожей. А «аксиома телегонии» добьет любого, окончившего отечественную школу. Зато звучит-то как красиво, — «Магистры». Тьфу! Мракобесы да неучи. Не все, ясное дело, но большинство.

— Оп-па... Дело об убийстве «Ратагуя» раскрыто! — воскликнул я, отложив нож и хватаясь за короткую темную шерстку.

Снятая шкурка грызуна, переливаясь алым жиром, демонстрировала пару аккуратных отверстий.

— Авантюристы! Неопытные, невысокие и недалекие. Как обычно, короче.

Две пары глаз недоуменно уставились на меня. Морщась от мигрени и сворачивая шкурку, я нехотя разжевал:

— Били стилетом, а он короткий. Кто будет рисковать клинком, метя в мелкого противника, когда можно использовать сапог? Кто не станет мараться разделкой туши? Либо дофига богатый турист, которому приперло на здешние красоты полюбоваться, либо дурачок-авантюрист. Очевидно же.

Оставив парочку поражаться моим дедуктивным способностям, я убрал трофеи в мешок и поволил примитивным фонарем по сторонам. Кроме странного рисунка на стене, который, о чудо, не изображал чьи-то гениталии, этот тоннель мало чем отличался от предыдущего.

Махнув крюком, я зашагал первым. Новый засор обнаружился быстро, и я протянул багор дылде.

— Почему я?!

— Ты на экскурсии или работать пришла? Вот и работай! Давай, покажи пацану, как с палкой обращаешься! Он оценит, гарантирую!

Раскрасневшись и в очередной раз пояснив, насколько сильно ей плевать на мнение какого-то прыщавого недомерка, она все же приняла багор. Воткнутый в трубу инструмент провернулся, и вслед за крюком полилась вонючая бурая жижа.

— Мерзость... — прошипела рыжуля, когда градус вони достиг апогея.

— Думай о награде! Пятое правило гласит: за грош любой контракт хорош!

— Я авантюристка, а не наемница! Мне положено быть фонарем и метлой цивилизации, а не... Вот этим! — дылда брезгливо стряхнула чьи-то подгнившие панталоны с инструмента.

Я лишь покачал головой и, приняв багор, повел дуралеев дальше. В сотый раз талдычить о тонкостях наемной работы и ценности рабочих контрактов совсем не хотелось. Короткое знакомство с ассортиментом гильдии наглядно продемонстрировало: ни о чем, кроме подвигов они думать не хотят. Пока кишки по веткам не

разбросает.

Если бы не этот дурацкий «бумажный» ранг, хрена с два я этих придурков взял! Но, к моему сожалению, на нормальные «полевые» контракты отправляют лишь от «оловянного» и выше. Так что, хочешь, не хочешь, придется пока по «рабочим» побегать. Ладно хоть, что с помощью этой сладкой парочки, я смог урвать самую вкусную «рабочку» из представленных. Да и дед сегодня без меня обойтись обещал. А то с синяком в пол-рожи — по арене не поскачешь.

Последний тоннель встречал загадками. Пара крысиных тушек покоилась в луже подозрительно чистой воды. Огромное мокрое пятно на стене пахло нехарактерной свежестью.

Придержав любопытных балбесов, я перехватил инструмент поудобнее и прислушался. Откуда-то из темной глубины тоннеля, отражаясь эхом от стен, доносился залиvistый шум. То ли говорит кто-то, то ли ревет, а может воздух гуляет — не понять.

— П-привидения? — прыщ взялся за ножны.

— Совсем дурак?! — девушка заносчиво дернула рыжим хвостиком. — Привидений не бывает!

Не устаю поражаться местному менталитету. Ходячие мертвецы и темные боги бывают, а вот привидения — ни-ни! Впрочем, нежить тут и впрямь водится, сам сталкивался... Но не тот случай. Покойники с крысами не ютятся — те их не переносят.

— Про бабаек слышали? — я чуть приглушил фонарь, создавая правильную атмосферу.

— В-в энциклопедии н-написано. С-смрадные мужи, г-гнилозубы, или по-научному, *Suergromedenti*.

Не тот результат, на который я рассчитывал, но... Хера он умный!

К счастью, рыжуля не разделяла энтузиазма напарника:

— Детоеды? — она невзначай подошла поближе к нам. — С чего бы им тут быть?

— Ну как с чего... — я специально отвел луч фонаря в пол. — Узкие темные тоннели, заброшенные кладовые, осыпавшиеся сухие уголки, в которых так удобно поджидать неосторожных авантюристов. А потом, пропустив группу вперед, схватить последнего за шею и уволочь трепещущую жертву в свою берлогу, дабы, наконец, отвесть девичьего мяса!!!

Эффект был достигнут: взвизгнув, девчонка выронила шест и обхватила пацана руками, прижимаясь стройным юным тельцем к его спине.

— Эй! Задушишь мне бойца, дура! А ну пусти! — кое-как расцепив голубков, я опустил задвижку на свечном фонаре, прибавляя яркости.

— Ш-шутки у вас... — раскрасневшийся прыщ старался не встречаться взглядом с трясущейся дылдой.

— Шутки? Не теряй бдительности и запомни, парень: даже самый легкий и безопасный контракт может обернуться кошмаром.

Уж я-то знаю...

Хотя бабаек тут тоже нет. Сырость они терпеть не могут. Уродцы сухость любят.

Дождавшись, пока девушка подберет свой длинный шест и в очередной раз заденет им потолок, я скомандовал выдвигаться. Впереди всего-навсего заблудившиеся авантюристы или зрители какие. Наверное.

С каждым шагом все отчетливее доносились девичьи голоса. Войдя в пустой водосборник, мы стали свидетелями спора двух незнакомок:

— Во-первых: Мститель звучит куда круче какого-то Бича. Во-вторых, он о-о-офигенно горяч и у него большой меч! И, в-третьих, он не какой-то заморыш с драконом!

— А в-четвертых, — его не существовало! Это персонаж из пьесы! И ты только что пересказала внешность актера с площади!

— Твой будто существовал!

— Конечно, существовал! Даже памятник есть!

— У Тристана тоже есть! И...

Пара полоумных куриц, наконец, заметила наше присутствие. Размяв шею, я лениво бросил:

— Сантехников вызывали?

Судя по идиотским моськам, с юмором у них туговато.

— Ладно, не отвлекайтесь, мы ненадолго...

— Какие еще техники?! Вы кто, драть вас, такие!?! — наострив кошачьи ушки, низкая незнакомка вышла вперед и выставила длинный стилет.

Ох уж эти хвостатые... Может пара дополнительных ушей им мозг вытесняет? Или хвост через задницу до черепушки достает?

— Винни, стой! Это авантюристы!

Я искренне улыбнулся богато одетой девушке с длинными синими локонами. Наконец хоть кто-то жетон заметил, — а то все «наемник» да «наемник»...

— А ты, кажется... Новичок из академии? — благодарно кивнув, обратился я к внимательной девчужке, сжимающую в руках странную резную палку.

— Именно! А вы наемник! Вы помогали нам с тренировками во дворе... Винни, пожалуйста, убери нож! Опять наемник... Не, я с ней больше не дружу!

— Ну, большого я, кажется, видела в гильдии, а этих двух... — левый глаз ушастой был закрыт повязкой, принуждая ее отчаянно щуриться правым.

Сцена начинала утомлять не хуже хамства хвостатой.

— Слушай, девочка, как-то раз я выбил точно такой же кинжальчик у одного бородача и вогнал ему в челюсть.

Клинок остался дома, и я не прочь обзавестись новым... Короче, ты иголку-то убери — не зли дядю.

Будь то слова, шрамы или промелькнувшее в глазах раздражение, но я определенно произвел неизгладимое впечатление на девушек.

— Винни, мне страшно...

— Мне тоже... — закивала хвостатая, отходя к подруге, но тут же взяла себя в руки. — То есть... Слушай, парень, я не нарываюсь, ладно? Давай без... Погоди, что это за писк? — мохнатые ушки вздернулись к макушке.

— Я-я н-ничего не слышу... — подал голос прыщ, и я уже хотел с ним согласиться, как вдруг из широкой трубы выскочила крыса.

И хрен бы с ней, благо мелкая. Но за первой показалась еще одна. А за ней еще одна. И еще. И еще...

— Взвод, к бою!!! Примкнуть штыки!!! Построение в «каре»!!!

Блин, какие штыки?! Опять забылся! Хотя, эти бестолочи, кажись, поняли чего от них хотят. К чести кошатины, она заняла позицию едва ли не быстрее моих балбесов. Выбрав место рядом с дылдой, ушастая раздраженно дернула пушистым хвостом:

— И с каких пор он командует!? Я и сама... — показавшийся грызун, двадцатый по счету, заставил ее заткнуться.

— П-п-приказы?

Каких приказов он ждет? Грызунов топчи, придурок!

— Держать штаны сухими и не подпускать крыс ко мне! С остальным разберетесь!

— Держать штаны сухими, держать штаны сухими... — синевласая дура с кривым посохом тыкалась во все стороны, не находя себе места. — Подождите, но у меня же платье!

— Лилли... — зашипела ушастая.

— А?

— Заткнись!

Закатив глаза, я молча затолкал чокнутую синевласку за спину.

Прыгнувший прямо в лицо грызун тут же с писком улетел в стену. Второй огреб по носу сапогом, третьего зашибает дылда, а четвертого разрубает прыщ. Видя, как кошатины пытается стряхнуть с острия стилета визжащую гадость, я никак не могу избавиться от ощущения неправильности.

На каждую напавшую — приходится пара проскочивших мимо. И вообще, с каких это пор гибриды атакуют группы?! Даже северные нападают лишь на одно... Ох, епт!

Словно белый носорог в окружении шакалов, из трубы, наконец, показалась настоящая угроза. Пара крохотных глазок комично смотрят на громадной туше, больше подошедшей крупному пони. Но неестественная злоба на усатой морде и пузыряющаяся струйка слюны из пасти отбивают любое желание смеяться.

— А вот теперь вы видели северную крысу...

А я-то, дурак, надеялся, что они здесь не встречаются.

Раздав парочку своих родичей, тварь ринулась прямо на меня. Спотыкаясь о многочисленные тушки, я кое-как ушел в сторону и в последний момент, пропустив уродину вперед. Проскочившее мимо чудище продолжило нестись дальше. Фух! Повезло! А не то... Ох, черт, там же дура в платье!

Вспомнив про синевласку, только что прятывшуюся за моей спиной, я крутанул багор в руках и направил острие прямо в крысу. Переливаясь в свете фонарей, железный крюк угодил аккурат под хвост, в последний миг предотвращая непоправимое. От слюнявой пасти до девчужки оставалось меньше пары пальцев. Мерзкая слюна мохнатой уродины щедро украсила миловидное девичье личико.

Пока все занималось делом, коля, рубя и колотя пищащее море хвостов с зубами, эта дура лишь сильнее стискивала посох да бубнила что-то себе под нос. Ее крепко зажмуренные глаза, конечно же, не видели. Обезумевшего монстра, с таким отчаянием рвущегося к ней.

Блин, а мне казалось, что «носорог» на меня бежал... Даже обидно как-то!

Не обращая внимания на вцепившуюся в штанины мелочь и закусывая губу от напряжения, я рывком оттащил северную срань на себя. Пикантные ощущения в заднем проходе заставили крысу визжать от боли, но так и не отвлекли от девушки. И чем она ей так понравилась?

Однако синевласка оказалась не против. Закончив бормотать, она вытянула палку вперед и рывкнула что-то на непонятном языке.

Голубая до неприличия вода мощной струей выстрелила из посоха прямо в разинутую пасть чудовища. Секунда, другая и вот уже жирные бока твари дают течь от нескончаемого напора кристально чистой жидкости.

— Молодец, идиотка! Так держи-а-а-а... Мать!!! Твою...

Сперва по багору побежала тоненькая струйка бурой гадости. Затем напор усилился и прежде чем я что-то сообразил, крысиные недра извергли всю мерзость и нечистоты в мое прекрасное лицо.

— Чертовы экстрасенсы. Ненавижу эту долбанную магию... — сплюнув, я пнул сапогом ближайшую крысу, придавая ей ускорение.

Завидев гибель вожака, грызуны еще активнее бросились наутек в тоннель.

— Мы победили? — недоверчиво оглядываясь вокруг, спросила дура с посохом.

Крепко сжимая укушенную руку, дылда кивнула.

— Мы победили!!! Победили!!! — девушка принялась весело скакать между тушками — Победили!!!

— Уж не благодаря тебе и твоей дурацкой палке... — одноглазая, наконец, сбросила крысу с иглы и устала на меня. — И тем более не из-за тебя!

Смахнув кровь с рукава, она быстро приблизилась:

— Тупой ублюдок, по твоей вине нас чуть не убили!

Стоя по уши в крысином дерьме и пытаясь вытащить гребанный багор из мертвой туши, я был не в настроении для разговоров. А потому лишь вежливо прорычал:

— Я тебе сейчас глаз на жопу натяну...

— Мне кажется, их больше привлек наш спор... — любительница платьев виновато глянула на мою борьбу с крысиным анусом и тут же смущенно опустила взгляд.

— Ты на чьей стороне вообще!? — возопила одноглазая.

С помощью прыща и дылды мне все же удалось вырвать злосчастный инструмент и черной бездны подлой твари. Вчерашний синяк на роже жгло огнем, а прокушенные штаны не подлежали ремонту. Про целый букет болячек, что я получу, если немедленно не воспользуюсь уксусом, даже думать не хочется.

Ладно хоть с детства привит от всего на свете. Местным с их медициной пришлось бы куда хуже.

Дальнейший час ушел на обработку ран, свежевание крыс и выслушивание очешуительных историй. Одноглазая фыркала и выпендривалась, пока ее ушки не дернулись, заслышав про трофеи. Узнав о цене за не шибко порченую шкуру северной крысы, она благоговейно притихла и даже начала помогать с разделкой, попутно перенимая опыт.

Ну а та, что с посохом, конечно же, оказалась волшебницей. Как же иначе? Терпеть не могу магию! И магов! Как говаривал капитан нашего наемного отряда: «с магом воевать, что мантикору в жопу целовать. Страшно и никакого удовольствия!» А пацан и вовсе челюсть уронил! Мол, первый раз волшебство вживую видел. Эка невидаль, блин. Хотя, волшебники вообще редкость, а уж на северах и подавно.

Впрочем, все на что была способна конкретно эта кудесница, так это на призыв струи — «тоненькой такой струйки», по замечанию ее ушастой подруги.

— Неправда! Этой «струйкой», осмелюсь заметить, я спасла тебя от той крысы в тоннеле!

— Ладно-ладно... Мощная струица! — пожалала плечами хвостатая, помогая мне срезать хвосты.

Закончив с разделкой и рассовыванием трофеев по мешкам, я окликнул своих дурилок. Ощупывая свежий бинт и стараясь скрыть покрасневшие щеки, дылда привела задрота с собой.

В дерьме я или нет, но тоннель нужно пройти до самого конца.

— А? Нет уж, спасибо! В гробу я эти тоннели видала!

— Нижайше благодарю вас за спасение, милорд! С нетерпением буду ждать новой встречи!

Обе дуры, зажимая носы, поспешно отказались от предложения составить компанию. Мол, контракт на вредителей они уже перевыполнили и самое время сдать хвосты. Собрав свою часть трофеев, они зашагали по тоннелю. Через время голос ушастой эхом донесся до водосборника:

— Как хвостом-то завияляла! Спасибо, м'лорд! Благодарю за спасение, м'лорд! Я вся такая важная и благородная, м'лорд...

Покачав головой, я скомандовал выдвигаться. Обойдя кучу крысиных внутренностей, мы прошли вдоль широкой трубы по короткому петляющему коридору и уперлись в тупик.

Выход трубы оказался заварен. То есть — наглухо! Словно автогенном или паяльником работали. И к тому же... Не слишком ли здесь сухо? Канализационный сток, а на полу ни капельки. Чертовщина какая-то.

— С-с-странно... — то ли от усталости, то ли от вони пацан стал заикаться сильнее.

— Теперь ваша очередь, о мастер! — шутливо поклонилась дылда и облокотилась здоровым плечом о ветхую кладку стены.

— Эх... Учитесь, щенки! Потом внукам расскажете. — повесив фонарь на пояс и замахнувшись как следует, я рубанул крюком по металлу.

Хоть бы хны. Отложив мешок, я ударил снова. Блин, да что за мистика?! То водостоки ни с того, ни с сего забиваются, то крысы на группы нападают, а теперь вот — труба сама собой заварилась!

Несмотря на едва сдерживаемые смешки дылды, через полминуты труба дала течь. Сперва бурая струйка, затем ручеек, а потом...

— Мощная струища! — объявила рыжая, держась за пацана и сотрясаясь в конвульсиях от хохота.

Липкая мерзкая субстанция сползла с моего лба и шлепнулась в лужу коричневой жижи. Забыл, что под давлением... Чертова физика!

— Отставить!!! Следующий, кто заржет, будет отстирывать мою одежду до самого дембеля! Отставить, кому сказал?! — мой текущий облик несколько подточил командирский голос, но все же достиг цели — закусив кулак, дылда тихо давилась в сторонку.

Сплюнув и обтерев руку, я нагнулся за мешком. Пальцы схватили воздух.

— Не понял...

Мешка не было. То ли сам убежал, то ли ножки приделали. Поглядев на мигом побелевшего прыща и все еще хрюкающую дылду, я сразу понял, в чем дело.

Ушастая. Стопудово ушастая... Не зря всех этих кошатин за ворье почитают.

— Точно глаз на жопу натяну!

Купальня встретила влажным паром и запахом девичьего тела.

— Кто здесь?! — резко вскочив и засветив упругую грудь да кубики пресса, высокая блондинка тут же плюхнулась обратно в широкую ванну.

Говорил же дурам — не выходите из комнаты! Мало ли кто из клиентов заметит?! А им что в лоб, что по лбу... Да и пес с ними!

Скомкав вонючий, сто раз залатанный гамбезон, я сходу бросил его в бадью и зачерпнул воды прямо из под ног девушки.

— Что ты себе позволяешь?! Занято! Эй! Ты слышишь?!

Замочив одежду, я плюхнулся голой задницей на лавку и, сыпанув щелочного мыла, принялся за стирку.

Ушастой: натяну глаз на жопу. Волшебной: посох воткну по самые гланды. А эту белобрысую вовсе утоплю, коли бухтеть продолжит! Достали к чертовой матери! Сперва в гильдии носы зажимали, теперь здесь мозги полоскать будут?! Хрен там!

Бросив попытки выгнать меня прочь, девушка, наконец, смирилась. Отвернувшись и старательно скрывая грудь под серой пеной, она нет-нет да бросала на меня вороватые взгляды.

Ну да, шрамов-то у меня навалом. Есть на что поглядеть.

— Дурной день? — осторожно спросила она, видимо не выдержав тишины.

— Не хуже предыдущего.

— А мне вот полегче стало...

— Держи в курсе.

— Если не хочешь разговаривать...

— Нет, разговаривать хочу! Давай поговорю: вот объясни, что у вас за мир такой?! — я опорожнил бадью в слив и, игнорируя стесняющуюся дуру, вновь зачерпнул из ванны. — Что не человек, то обязательно сволочь! Хамят, крадут, дерьмом обдают, — ни капли уважения! Вот поэтому у вас все через жопу! Вот поэтому ни телевизоров, ни холодильников! Только театр да книжки дурацкие...

— Я...

— И ты еще! Тебе, блин, жизнь спасли, а ты с ножами кидаешься! Еще и врешь напропалую... И в твою бестолковку никак не закрадется мысль: «Ой, а может мне повезло? Может, встретиться мне любой другой наемник и моя жопа была бы порвана на британский флаг?!» Да любой прохожий тебя бы уже продал десять раз! Тьфу... Жри, спи, поправляйся и проваливай нахрен из моей комнаты! Даже знать ничего не хочу.

Потупив глазки, она, молча наблюдала, как поднимается пар.

Бордель может обходиться без охраны, столовой, выпивки и много чего еще, но только не без бани. Никто не захочет иметь смердячую бабу с чесоткой.

Застирав вещи и ополоснувшись сам, я напялил линающую рубаху да дырявые брюки. Поглядев на краснеющую блондинку, я оставил ее отмокать в одиночестве и поднялся в комнату. Родная кровать протяжно заскрежетала под моим весом. Линалое одеяло пахло чем-то соблазнительным. Да и от подушки веяло сладкой истомой... Тьфу! Опять забыл!

Я поднялся с койки и перелег на циновку на полу, как из-за двери показалась светлая головка. Поигрывая

кнутовищем, малявка бесцеремонно встала надо мной:

— Я слышала, вы ругались... Вам грустно?

— Елки-моталки! Девочка, поди поиграй где-нибудь еще... А это что?

Я уставился на горсть серебряных «роз», что протянула малявка.

— Это вам! — девчушка сунула монеты мне в руку.

— Откуда у тебя?

Нашла, что ли? Где? Я тоже хочу отыскать пару недельных заработков!

— Это дядя подарил! Ему было грустно, и мы поиграли в инспекторов! Я изображала дознавателем, а он опального лорда! Я ругалась, била кнутом и обещала скормить ему его же яйца. Не знаю, откуда у него яйца, но зато очень весело!

Господи помилуй...

— Он к тебе не приставал? Нигде не трогал?

Она помотала головой:

— Нет! Каждый раз, когда пытался, я била его и называла свиньей! Такая игра. — она задумчиво поглядела на плетку и вдруг больно саданула мне по груди.

— Какого хера?!

— Ну, вам же тоже грустно! Так давайте поиграем!

Убрав монеты подальше, я уже собрался заняться ее воспитанием, но зашедшая в комнату блондинка спутала все планы. Надетый поверх голого тела китель с выцветшим триколором подсказал идею получше.

Так... И кто разрешил мои вещи трогать?

— А ну-ка одолжи мне свою плеточку... Сейчас мы с тетей поиграем в раздевания на время!

От вида кожаного кнута в моей руке стройная засранка непроизвольно вздрогнула.

Глава 4: Хруст потусторонней булки

Новая стеганая куртка сидела как влитая. Хоть какая-то польза от этой неугомонной девчонки. Жаль, что за «розы» не купишь свежей головы. Старая уже третий день раскалывается...

Постучав пыльной дубиной по крепкому берцу, я обратил внимание на заскучавшего у лавок красавчика.

— Сеньор помидор, извольте прошествовать к нашему шалашу! Очень прошу, продемонстрируйте жалким плебеям ваше мастерство владение зубочисткой! — я картинно раскланялся на манер фильмов про мушкетеров.

Парень нутром почуял подвох, но, поймав на себе взгляды авантюристов, уверенно кивнул. Заносчивый засранец не мог позволить себе ударить в грязь лицом.

Подойдя к ограде арены, он удивленно уставился на мою протянутую руку.

— Я и сам способен... Эй! А ну пусти-и-и... — забавно суча ногами и попискивая, он взлетел над оградой.

Осторожно поставив его на песок, я принялся сдувать с парнишки пылинки, да, бормоча что-то про «ваше благородие», беспрестанно кланяться. Судя по приглушенным смешкам, сцена позабавила остальных.

— Убери свои грязные лапы! — надув губки, симпапуса гневно зыркнул за арену.

Веселье затихло и он, довольный эффектом, схватился за ножны.

— О-о-о! Какая же красивая игла, ваше благородие! Отличный вкус, ваше благородие! Инструмент, достойный лучших портных, ваше...

— Это рапира, бестолочь! Клинок, что ковался лучшими мастерами Виридикса! И... — приглушенные смешки заставили его замолкнуть, скрежеща зубами.

Встав в стойку, он изготвился сделать пробный выпад. Жаль, я думал, кузнечиком скакать начнет. Ну да ладно, и так сойдет.

Едва парень пошел в атаку, как я тут же рухнул на песок, активно принимаясь кривляться да объяснять окружающим, как же мне больно, страшно и насколько же этот напыщенный молокосос, великий и опасный боец.

— Бегите, глупцы!!! — подытожил я, и взрыв неконтролируемого хохота заставил парня густо покраснеть.

Получив порцию высокопарных оскорблений от надувшейся «помидорки», я неуклюже поднялся и безропотно подчинился требованию выставить оружие.

— А теперь бей! И хватит валять дурака... — выбитая из его рук рапира очертила высокую дугу и ткнулась в песок.

Бросив дубину, я приступил к финальной части представления. Вид суетящегося тела, глядящего пацана по головке и несующую несуразную окошечку в стиле «ну ни надо, ну не плачь, я тебе новую куплю», доконал бы любого. Под смех бьющейся в исступлении толпы, красавчик с излишней поспешностью подхватил рапиру и позорно скрылся в гильдии. Небось, регистраторше жаловаться побежал, дурачок...

— Дядь, прости засранца! Оно само! Мамой клянусь! Ну, вернись! Ну, поэзья... Блин, а у меня еще столько идей заготовлено!

Я повернулся к зрителям и поклонился воображаемым овациям. Операция «Я у мамы мажор» успешно завершена. Не зря готовился.

Парочка не самых удачных комплиментов да сортирных шуток дала свои плоды: регистраторша, игриво хлопая глазками, поведала имена записанных на курс «начинающих авантюристов». И, конечно же, анкета одного из них красовалась фамилией Клебер. Вернее, Клебера-Сале, но роли это не играло. Связь между патлатым пацаном и излишне ловким рыцарем прослеживалась слишком явно.

Засранец не просчитал одного: борзыми генеральскими сынками я насытился еще дома. И прекрасно знал, как с ними обращаться.

— Отставить веселье! Думаете, я с вами в игры играю?! Ты! — я ткнул дубиной в задрота. — Какая мораль у этой истории?!

— П-п-п...

— Что из вас выйдет отличный лицедей! — влезла дылда.

— Ну, это-то само-собой. Хороший человек хорош во всем... Но это не правильный ответ! Правильный: некоторые люди отстают настолько, что верят, будто они первые! А теперь... — закончив с цитатками из интернета, я хотел перейти к «топ сто шуток про задницы», но показавшийся из гильдии инструктор спутал все карты.

А я думал он на весь день в бордель намылился... Погоди, чего это с ним?

От одного вида старикана мне захотелось завизжать, забиться в угол или хотя бы перекрестится. Свистя под нос веселую мелодию и лыбясь во все зубы, дед приветливо замахал рукой:

— Утречко доброе бесята! Как вы тут без папки, а? Не бедокурили?

За два года знакомства, я ни разу не припомню, чтобы он улыбался. Во всяком случае — бесплатно. Уж не

деменция ли, часом?

Появившаяся вслед за стариком регистраторша уберегла мою психику от новых потрясений. Смотри на меня сквозь линзы очков, она призывно помахала бланком с каким-то контрактом.

Ну, наконец-то! Я уж думал, до обеда тут ковыряться буду!

Перепрыгнув ограду, я заспешил узнать детали работы. Операцию «Хвосты, шкуры и два натянутых на жопу глаза» можно считать запущенной!

Я еще раз недоверчиво почитал бланк в руках — ну да, адрес, вроде, верный.

— Живут же люди, блин...

Памятник имперской архитектуры на фоне остального города смотрелся, словно небоскреб среди хрущевек. Украшенный резными колоннами особняк больше походил на небольшой дворец. Отделка из белого мрамора, цветущий сад, разноцветные витражи... Лишь высокая ограда да решетки на окнах указывали, что я все еще нахожусь в засранном Грисби, а не в более гламурных местах.

Мда, с нашим нищим клоповником ни в какое сравнение.

Насмотревшись, я, наконец, зашел внутрь. С глухим стуком дверь хлопнулась за спиной, и в нос ударил букет экзотических благовоний, дармовых духов и низменных удовольствий.

— Дозвольте скромно поприветствовать могучего господина в салоне «Аромат невинности»! Проходите и убедитесь, что наше заведение самое... — разглядев меня поближе, коротко стриженная девушка в вычурной рубашке с оборками резко переменялась — Эй! У нас тут не траходром для пехоты! А ну пошел прочь, пока я...

Легший на стол контракт вынудил ее заткнуться. Недоверчиво поглядев на бумагу, привратница шумно выдохнула:

— Опять ей дурь с перепоя снится... Еще и эти две копаются — хозяин будет недоволен. — поправив сползший чулок, она закинула ноги на стол и ткнула каблуком туфли в дверь. — Ладно, проходи. На первом этаже вторая дверь слева. — промочив горло из стеклянной бутылки, она подтянула к себе книжку, демонстративно игнорируя мое присутствие.

— Тебе за хамство доплачивают или так, — на добровольных началах?

— Поработаешь тут с мое, и не так запоешь... Ступай себе с миром, не маячь.

Полюбовавшись на стройные ноги и крайне непристойную обложку, я решил не прикапываться. Посетители в подобных заведениях бывают разные. Уж я-то знаю.

Ступая по мягким коврам длинного коридора, я вышел в широкий зал с парой лестниц и кучей комнат. Какие-то из дверей открыты настежь, на других висят таблички с надписью «Не беспокоить», а нужную даже искать не пришлось! Знакомая по устному описанию работница салона возмущенно махала руками в окружении двух хитрожопых авантюристок:

— Я вам не деревенская простушка! Никаких подписулк, пока вы не исполните антракт!

— Выполним контракт... — терпеливо поправила синевласка, но ее одноглазая подруга высказалась иначе:

— Да я тебе сейчас нос отгрызу! Подписывай давай! Полдня на тебя убили!

— Никаких подписулк!!!

— А давайте я! Обожаю все описывать! Ну, где расписаться?!

Увидев меня, девушки поникли, словно цветы, политые антифризом. Все, кроме работницы.

— Вы! Такой сильный, мускулистый... — она обвела меня наигранно восхищенным взглядом. — Вы ведь тоже авантюрист! Прошу, вы просто обязаны мне помочь!

— погоди, с локальным холокостом закончу и сразу к тебе...

Но девушка в очередной раз продемонстрировала, что мозг в ее профессии не главное. Не позволяя приблизиться к паре воровок, она все наседала, талдыча про какие-то «хрустики».

— Ох, только не опять... — ушастая взяла себя в руки и встретила со мной затравленным взглядом. — Короче, этой полоумной деревенщине втемяшилось, что в подвале живет какое-то привидение. Мы ходили, смотрели, нашли кучу фигни для богатых содомитов, но ни одного привидения! Выходит — она дура. Сечешь?

— Сама дура! — мигом вспыхнула работница. — Плохо искали, вот и не нашли! Говорю же, вот уже неделю оно является мне каждую ночь! И пока вы не сделаете, за что вам денюжку дают, — никаких подписулк!

Ну, собственно, все, как в контракте и указано. Кроме одного — напарников мне не полагалось.

— Я смотрю, шкурок вам не хватило, так вы еще и контракты тырить начали? Двум смертям не бывать, да? А что до тебя... В подвале, говоришь?

Блудница активно закачала провинциальной прической:

— Да-да! Говорю же, каждую ночь мне снится, будто в подвале кто-то по мне плачет... Ну, зовет, то есть. «Хрустиком» называет. Говорю же, это не просто сны! Ну, кто такую, как я, «хрустиком» назовет? — работница недвусмысленно схватила себя за объемную грудь.

Я быстро закивал головой, вызывая у дамочки широкую благодарную улыбку. Впрочем, соглашался я скорее с ушастой. Ее анализ умственных способностей заказчицы был на удивление точным. Реально дура!

— Ну, раз уж я потомственный, в первом поколении, охотник за привидениями, то непременно решу вашу проблему! Пройдемте-ка в подвал, дорогие мои ассистенты... — я уставился на пару воровок.

Устраивать разборки под взглядами скучающих шлюх и богатых клиентов в мои планы не входило. А вот глухой подвальчик будет в самый раз.

— Опять!? Ну уж хренушки...

— Я сказал: дамы вперед!!! — командирский голос эхом прокатился по залу.

Испуганно подпрыгнув на месте, ушастая первой заспешила в сторону неказистой двери под лестницей. Через секунду и одну затравленную улыбку, следом за ней засеменяла волшебница.

Несмотря на всю эту болтовню о призраках, контракт считался рабочим, ибо стал уже третьим на неделе. Три прошлые группы авантюристов никаких призраков не находили. Но интересовали меня не легкие деньги от туповатой сельской дуры, чудом оказавшейся в элитном борделе, а пара воровок, намылившихся на починку здешнего водопровода. Мое природное и, без сомнения, неотразимое обаяние позволили, и в этот раз заручится поддержкой регистраторши. Не без пары «роз», впрочем...

Хорошо, что они решили подкальмить, и не пришлось выискивать сладкую парочку по всему борделю.

Когда темноту подвала разогнал свет масляного фонаря с клеймом гильдии, а дверь в зал оказалась наглухо закрыта, хвостатая дрянь пулей влетела в обшарпанный шкаф у стены. О пол глухо ударился вылетевший стилет.

— Моя доля, живо!

Вдавив одноглазую локтем в шкаф, я играючи отвел любые попытки сопротивления, и принялся шарить по ее карманам. Впрочем, на коротких штанишках кармашков не нашлось. Как и на обтягивающей куртке из свиной кожи. И где она деньги носит? В ножнах али в жопе? Что проверить первым?

— Милостивый господин, не соблаговолители бы вы отпустить мою напарницу, пожалуйста... — суровый взгляд оборвал волшебницу на полуслове.

Впрочем, протянутый мешочек из ее рук я все же принял. Отпустив кошатину, отчего она звучно шмякнулась задницей на пол, я принялся за счет. Хм, а тут куда больше нужного...

Что же, третье правило соблюдено.

— Ну, считайте, что по краю прошли. Расстрел заменен десятью годами с конфискацией. — подытожил я, поднимая незадачливую воровку с пола.

— Что... Что ты себе... — залиvistый кашель не давал ей договорить свою важную и, безусловно, дельную мысль.

Что, что — да ничего. Знаю я вас, местных. Один раз пожалеешь, так на шею сядете. Лучше уж припугнуть для профилактики, авось, урок выйдет. Ибо попытайся она спереть хвостики у кого другого, дело могло бы кончиться кровью.

Пожав плечами и проигнорировав испуганную улыбку девчушки в платье, я бегло осмотрел подвальчик, очевидно используемый как склад. Куча обшарпанной мебели, грязные матрасы и странного вида X-образные кровати. Чего бы тут спереть, раз уж зашел...

Вдруг мое внимание привлек на мгновение мелькнувший луч света. Остановившись, я сделал шаг назад, и луч снова скользнул по лицу. Странно, стена вроде глухая...

Свет фонаря, прошедший по пыльным полкам шкафа, опять вызвал загадочное сияние.

— П-п-привидения? — заикаясь, подобно прыщ, пролепетала благородная платьеносица, глядя кашляющую подругу по спине.

— Привидений не бывает.

Наверное.

Под хриплые проклятья и пустые угрозы одноглазой я тяжело вздохнул. Ладно уж. Раз долг уплачен, то почему бы взяться и за контракт? Посмотрим, кто там проституткам покоя не дает... Может, снова крысы?

Взявшись за ветхий каркас, я оттараканил шкаф в сторону. Источник загадочного света нашелся сразу — узкий проем в стене заканчивался большим тусклым зеркалом стоящим посреди обшарпанного помещения.

— Тайная комната! — мигом позабыв про жажду мести, хвостатая уже замечтала о сокровищах.

Прирожденная авантюристка и первосортная дура. Идеальное сочетание для будущей покойницы. Потоптавшись на месте, я неохотно полез внутрь.

Ссыкотно, конечно, но падать в грязь лицом перед этими писюхами не хочется.

Отражение в зеркале было безбожно засвечено фонарем. На всякий случай я снял с пояса дубину и закрепил светильник на ее месте. Не по нраву мне всякие секретные комнаты, если честно...

Впрочем, эта не представляла никакого интереса. Всего лишь пара матрасов, все та же X-образная койка да метровая дырка в стене, оставшаяся, видимо, от канализационной трубы. Лишь излишне чистое зеркало казалось

подозрительным. Да и на матрасах, будто кто-то валялся...

— Ну и пылища... — кошатина дернула носом, зайдя в комнату следом за напарницей.

И именно в этот момент отражение в зеркале спасло ей жизнь. Заметив толстую трехсуставную руку, бросившуюся к ушастой, я резко пнул одноглазую в живот, отбросив обратно в проем.

Длинные когтистые пальцы схватили пустоту.

— М-м-мама... — словно кролик перед удавом, синевласая зачарованно глядела, как от стены отлипает сгорбленная фигура в рваном плаще.

Блеснув черными слепыми глазами, бледный гуманоид угрожающе распрямлялся, становясь все выше, выше и выше, и все меньше походя на человека. Элемент внезапности упущен, а значит, смысл в маскировке отпал. Как же меня бесят эти уроды!

— Ближе! Держаться ближе! Да к нему ближе, а не ко... Да вашу мать!

Все бестолку! Ушастая захлебывается рвотой на полу, а синевласка так и стоит, беспомощно тиская посох. Повезло на напарничков, эти их душу! Придется одному пыхтеть...

Едва уворачиваясь от трехпалой лапищи, я, как можно сильнее рубанул дубиной гуманоиду в грудь. Удар, который и быку бы череп расколол, заставляет чудище лишь бесшумно покачнуться. Но подвернувшийся под руку ржавый нож тут же вспорол тонкое сухожилие.

Дернувшись, словно шпакетина, тварь чуть осела. Разинутая в немом иступлении пасть едва не откусила мне пол головы.

Однако любимая чесалка уже делает свое дело. С каждым взмахом сухощавая уродина прощается то с сухожилием, то с мышцей, то с суставом, пока, наконец, не рушится на пыльный пол, беспомощно шелкая гнилым ртом, тщетно слясь пошевелиться.

Подняв дубину, я несколько раз опустил ее на лысый череп монстра. Раздался сухой треск бледной черепашки, и из распахнутой пасти побежал ручеек черной жижи.

— Ненавижу... Этих... Пентюхов! — пропыхтел я, еще несколько раз приложившись по мертвой твари.

Так, чисто для души.

Долбаный мирок с его гребанной фауной! Понарожают всякую срань на мою голову... Черт, покурить бы сейчас!

— Ч-ч-что это было?! — перепуганная волшебница осторожно ткнулась в мое плечо, стараясь держаться как можно дальше от трупа.

— Бабайка. Что же еще... В академиях не рассказывали? Или прогуливала, пока платья примеряла?

Впрочем, хер его знает, откуда эти мрази берутся. Даже местные ученые, в дерьме моченые — нихрена не знают, только рожи умные делают.

Лишний раз убедившись, что уродец мертв, я убрал дубину взялся помогать ушастой. Казалось, еще немного и бедняга развалится прямо на глазах. Кажись, с перепугу силу не рассчитал... Надо бы ей выпивку поставить, что ли.

На второй этаж мы поднимались едва-ли не друзьями. Хвостатая, конечно, от души прошлась по моим навыкам спасателя, но все же сдержанно поблагодарила. Вернее, прошипела, чтобы я подавился ее деньгами, но на ее языке это одно и то же. Наверное.

Продемонстрированная трехпалая лапа привела заказчицу в неистовство, и она немедленно выдала и «подписульку», и «чаевые», и еще принялась виться вокруг меня, зазывая вечером на «палку чая». Получив все необходимое и отказавшись от лишнего, я все же решил пройтись вместе с девицами до хозяина салона. Мало ли, может, и он мне денегат подкинет? Не за бабайку, так хоть за молчание. Все-таки подобная тварь пробралась в такое дорогое заведение... Попахивает скандалом!

— Ах, починили... — неприлично толстый мужчина в безвкусном пурпурном френче закивал козлиной бородкой.

Прислонившись к барной стойке, я без интереса глядел то на ступежавшихся дурочек, то на полуголую барышню, исполняющую на сцене заунывные песни. За столиками немногочисленные по случаю раннего времени посетители без интереса потягивали выпивку да изредка лапали официанток.

Похоже, на втором этаже у них что-то вроде главного зала. А вообще... Хорошо тут, уютно. Не то, что у нас!

— Слышал? Тебя починили! — хозяин салона постучал позолоченной тростью по пересохшему фонтану в центре зала и прислушался.

Не знаю, что ему там ответили, но после беседы с мрамором он пришел в еще большее негодование:

— Вы потратили целый час моего времени на неуместные вопросы, затем выклянчили инструмент, потом надбавку, а теперь смеете лгать прямо в лицо о якобы исправном водопроводе?!

— Но котелок работает...

— Котел, грязь хвостатая! Банный котел стоивший целое состояние!!! В котелке твоего пращура за излишнюю дерзость и стоеросовую тупость сварили! И я искренне опечален, что те чудные времена безвозвратно ушли! — раскрасневшись от собственных воплей, он утер пот со лба.

Блин, похоже, надолго...

Горестно вздохнув, я положил отрезанную трехпалую руку на прилавок и, игнорируя ужас в глазах дамочки в платье французкой горничной, жестом заказал выпивки. Мутноватый стакан какой-то фруктовой гадости отдавался противной сладостью, но неплохо шел под заунывные мотивы певицы. Ей бы гитару, да песенок других... Да «Караван» из ее уст я бы послушал.

Из воспоминаний о далеких горах меня вырвал дикий визг.

Визжала синеволосая. Подтащив ее к огромной трубе у стены и держа за шкуру, словно беззащитного котенка, хозяин раз за разом принялся колотить девушку головой о металл. Судя по бесстрастным выражениям на лицах персонала и безразличию посетителей, женский плач и гулкие удары интереса не вызывали. Даже одноглазая лишь уставилась себе под ноги, сжимаясь при каждом звуке.

Ну да, зачем лезть. Не твое же дело. Сиди себе, жди спокойненько...

А хер там! Не в мою, блин, смену! Вообще охренели, черти средневековые!

Отбросив стакан, я схватился за дубину, но остановился на полушаге.

Воздух вокруг трубы словно уплотнился, обретая некую причудливую форму. Козлоподобный хозяин истошно завопил, когда его живот взорвался гротескным фонтаном, орошая зал потоком крови и внутренностей. Развалившись пополам, еще живой мужчина распластался по полу, тщетно сиюсь собрать свои органы обратно.

Тем времен у трубы все более и более явно возникает некое прямоходящее существо. Продолговатые крабовидные клешни, торс, усеянный целым ворохом пугающе привлекательных женских органов, и козлиная голова, невероятная в своей противоестественности.

Постукивая кривыми копытами и щелкая клешнями, чудище до самого потолка возвышалось над волшебницей. По розовым чулкам зареванной девушки побежала золотистая струйка.

Попробовав длинным раздвоенным языком воздух, существо по лошадиному фыркнуло и безжалостно завизжало:

— Хру-у-усть!!!

Зажимая уши и глядя, как все бокалы да бутылки разлетаются на мириады осколков, мне вдруг очень захотелось перекреститься.

Глава 5: Психоанализ для чайников

Зал походил на муравейник, от души политый керосином. Самые умные ломятся в двери, те, что поглупее, пытаются выдрать оконные решетки. Ну а самые отбитые...

— Я требую объяснений! Я подам жалобу князю! Я желаю немедленно переговорить с...

Клешня, блеснувшая в свете роскошной люстры, мгновенно отделяет голову от тела. Подвыпивший посетитель так и остается стоять с поднятым вверх пальцем, пока из его шеи бьет кровавый фонтан.

Впрочем, я оказываюсь еще большим дураком, чем остальные. Вместо того, чтобы немедленно свалить к лестнице, я, за каким-то хреном, ломлюсь к поломанной волшебнице.

— Б-бог... Э-это бог... В-великолепный в своем безобразии... — бубнила она себе под нос, сидя на полу и качаясь в такт истошным визгам твари.

Приблизившись и залепив затрещину больше ради собственного успокоения, чем для нее, я схватил чокнутую за шкуру, увлекая за собой.

Новоявленный бог тем временем закончил потрошить замешкавшихся клиентов у столиков и заинтересованно уставился на штурмующую двери толпу. Изогнутое копыто неосторожно задевает мраморный фонтан, и исписанный резными фигурами камень с грохотом проваливается на первый этаж, оставляя после себя широкую дыру в полу.

Обернувшись на причиненные разрушения, гадина встретила взглядом со мной. Вдруг ее всю перекосило. Хлопая тремя парами глаз, козлиная морда с отвращением завопила прямо на нас:

— Тварь!!! Мерзость!!! — от истошного визга из ушей полилось что-то теплое.

Обходя дыру в полу и нетерпеливо щелкая клешнями, оскорбленная нашим существованием уродина быстро приближалась. Удержавшись от ответных любезностей и не найдя ничего лучше, я попросту сиганул вниз, утягивая за собой бормочущую синевласку.

Едва не подвернув ногу о мраморный обломок и от души приложившись коленями об пол, я оказался повержен мягкой, мокрой и теплой волшебной задницей. Дубина немедленно вылетела из рук.

Вот же гадина синеволосая!

— Нашла куда падать, твою мать! Чародейка недоделанная! Только в трусы себе и можешь колдовать...

— Ты! — едва я встал, как на меня кинулась коротко-стриженная привратница. — Какого ляда ты устроил?!

Что за кипиш?!

— Отвали, не до тебя!

Стащив с себя обоссанку и поднявшись на ноги, я звучно выругался. Фонтан грохнулся аккуратно под дверь, намертво блокируя выход. Что, Впрочем, не мешало перепуганной толпе тщетно жаться к обломкам. Видимо, надеются, что они сами-собой уберутся. Паника — дело такое.

Эх, если бы не решетки на окнах...

Размышления на тему «кто виноват и что делать» были прерваны громоподобным приземлением титанической твари. Трехметровая махина вновь уставилась прямо на нас:

— Гадость! Сгинь! Исчезни! — звучно фыркая при каждом слове, сыпала она проклятиями.

Всякой херни мне довелось повидать, но такое... Звездец, я даже не знал, что в этом мирке подобное водится! Это демон или что вообще?!

От отчаяния я схватил со стойки какую-то бутылку и швырнул ее прямо в монстра. Метнувшись к моей голове, клешня замерла в воздухе и быстро одернулась. Дымясь и истошно визжа, тварь по собачьи стряхнула с себя мутные капли жидкости.

Не понял... Нахрена они кислоту на входе хранят?! Что за извращения такие? А, Впрочем, не важно!

Обстановка складывалась не лучшим образом. Толпа с привратницей на одной стороне, мы с волшебницей на другой. А посередине эта монструозная хрень дымится и злобно зыркает. И самое хреновое, зыркает она именно на...

Волшебница! Точно! Магия, демоны и всякая херня! Тварь ее сожрать хочет! Пес его знает почему, но одна обоссанная девчущка привлекает ее куда больше паникующей толпы! Может волшебники вкуснее? Эту долбанную магию без пол-литра не поймешь...

Не дожидаясь пока демон вновь примется махать клешнями, я схватил запуганную синевласку и ломанулся в коридор. То ли для того чтобы спасти, то ли чтобы отвести подальше и оставить с тварью один на один. Сам пока еще не понял.

Ломясь по коридору, то и дело приходилось уворачиваться от распахнутых дверей. Из комнат выглядывали любопытные работницы, интересуясь причиной шума. Замечая устремившуюся за нами гигантскую тварь, они с визгом скрывались обратно.

На смену распахнутым дверям пришли несущиеся с лестницы люди. Перепуганные клиенты и персонал — короче, все, кто покинул общий зал через дверь.

— Разойдись! Разойдись, мать вашу! Расстреляю нахрен! — распихивая надушенных баб и пьяных мужиков, я вдруг сшиб ушастую.

Приземлившись на задницу она недоуменно уставилась на меня, затем волшебницу, а потом куда-то за мою спину. Ужасу на ее лице вторили крики толпы. Выругавшись, я подхватил ее за шкурку и устремился дальше. Одна дура в левой, другая в правой... Может желание загадать?

Несмотря на вопли людей позади, голову не покидала одна мысль. Нахрена им кислота? Кто будет хранить такую опасную жидкость в обычной бутылке? Извращения-извращениями, но простая вода была бы куда логичнее... Стоп!

— Котел!? Где котел?!

К чести ушастой, она не стала изображать из себя ручничок да тормозить, а ткнула в широкую дверь.

Пробежавшись по предбаннику с изящными будуарами и лежанками для массажа, я оказался в просторной, обложенной мозаичной плиткой, комнате. Широкий проход по центру, утопленные в пол овальные ванны и знакомые длинные волосы, повязанные фенечками.

— Ты?! Хрен тритона, тебя-то кто сюда пустил?! — хлопая хмельными глазками, закашлялся красавчик.

Нежась в бассейне в компании дорогого пойла, он явно не ожидал увидеть мою рожу.

— Комплимент от шефа! Лови! — я зашвырнул синевласую вместе хвостатой прямо к нему в бассейн.

Пуцай поплавают!

Ведро бы какое... О! Сойдет!

Не теряя времени даром, я схватил отполированную жестяную бадью и зачерпнул воды у охреневающего симпатяги. И очень вовремя!

Протяжное фырканье, грохот, и разлетевшись в щепки, роскошная дверь явила богопротивную тварь во всем ее великолепии. Осторожно попробовав воздух длинным языком, она будто испугалась, но уставившись на меня, отбросила все сомнения:

— Дрянь! Погань! Сгинь! Сги-и-инь!!!

Вид надвигающейся на меня потусторонней херни, переливающейся женскими гениталиями в оконном свете, привел в замешательство. Ему же волшебница нужна, нет?

Миновав бассейн с испуганно жавшимися друг к другу додиками, тварь продолжала переть прямо на меня.

Значит не волшебница. Прикольно...

Едва коснувшись изуродованного туловища, опорожненная из бадьи вода тут же превратилась в пар. Несмотря на явные страдания и пузырящиеся волдыри, чудовище не сбавило ход.

Да вашу мать! И что теперь делать?! Тоже в бассейн сигануть или... Секундочку!

На помощь истошно кричащих придурков рассчитывать не приходилось. Но располагавшийся в конце купальни, монструозных размеров бак подсказал идею. Идиотскую, само-собой, но других не нашлось.

Подскочив к украшенному изысканным орнаментом резервуару, я схватил кочергу у потрескивающей кирпичной печки. Отсчитывая удары сердца, мне оставалось лишь ждать, безмолвно наблюдая за приближающимся кошмаром.

— Скверна! Гнусность! Выродок! — визжала усеянная игольчатыми зубами пасть.

Тварь подходила все ближе и ближе.

— И тебя туда, козел!

Провернув кочергу, я со всего маху ударил ей по котлу. А затем еще. И еще... В момент когда бритвенно острая клешня коснулась стеганки и плечо пронзило огнем, бак наконец пробило. Тугая струя кипятка ударила за спину. Пронзительный вопль подсказал, что я все делаю правильно. Но зачем останавливаться, на достигнутом...

Кроша зубы от боли, я неистово продолжал молотить по баку, создавая новые пробоины и расширяя старые. Взгляд завокло паром, ошпаренные случайными каплями руки жгло огнем, в башке будто паровоз гудел. То ли тварь визжит, то ли котел — нихрена не понимаю!

Напор воды сходил на нет, когда я наконец нашел в себе мужество обернуться.

Потустороннего клубка мерзости и кошмара уже не было. От некогда высоченной твари почти ничего не осталось. Она буквально таяла, словно ведьма из старой сказки. Уродливая козлиная голова, без каких либо признаков жизни опускалась все ниже и ниже к полу, растворяясь в луже дымящейся жидкости.

Вот это фокусы, блин. По телеку такое не покажут.

Бросив инструмент, я рефлекторно потянулся за сигаретами к нагрудному карману. А, ну да, ни курева, ни зажигалки, да и стеганка же. Черт, как жарко-то...

Подождав пока дьявольская морда окончательно растворится в широченной луже остывающей воды, я поплелся к бассейну с тремя офигивающими пловцами. Умыться, сдать контракт и в клоповник. Нахрен такие

приключения!

Несмотря на тишину и мягкость уютного кожаного кресла, в голове все еще эхом отдавался визг паранормальной твари. Проморгавшись, я снова посмотрел на главу гильдии.

И чего ее «Фальшивкой» называют? Настоящая красавица же!

Мягкие короткие волосы обрамляли тонкий овал лица, пока золотистая длинная коса мирно покоилась на плече. Строгий высокий воротник прикрывал изящную шейку украшенную золотым кулоном с блестящим синим камнем. Перечитав доклад в третий раз, она тихо вздохнула и отложила бумагу:

— Демон?

Просторный кабинет наполнился стуком дождевых капель о стекло. На улице бушевал ливень.

Борясь с головокружением от маковой настойки, я кивнул.

— Вздор.

Долбанная жизнь, восемь! Почему магия и ведьмы бывают, а демонов не бывает? Они никогда фэнтези не читали?! Полдня уже мурыжат, будто я могу ответить, что же это за козлоподобная херня была! Ау! Я вообще нифига не местный!

Покачав дурной головой, я все же сдержал негодование:

— Коли не веришь, спроси у остальных. Кто выжил, конечно.

Ее прекрасные янтарные глаза наградили меня холодным взглядом.

— Уже. И не единожды. — поразмыслив немного, она встала изо стола и переступая длинными ногами по мягкому ковру, подошла к массивному буфету.

То ли из-за действия обезболивающих, больше подходящих под определение экстремальных наркотиков, то ли из-за пережитого стресса, но я никак не мог оторвать от нее взгляда. В моем одурманенном воображении, ее узкая юбка уже в сотый раз оказалась сорвана, а задница как следует...

— Довольно глазеть! Всему нужно знать меру, даже похоти. — она сунула мне в руку стакан с кристально чистой жидкостью.

На вопрос о содержимом, она ответила просто:

— Водка. От беспокойства.

Не веря в свою удачу, я залпом опорожнил стакан. Горькое жжение и разлившееся в груди тепло, едва не выбило из меня ностальгическую слезу. В отличие от дома, у местных водка была огромной редкостью. Гнали ее лишь на севере, а для южан сей чудный напиток был слишком крепок, дорог и незамысловат. Ниже моста, родимая встречалась лишь в коллекциях богатых феодалов. В качестве трофея.

Вернувшись за стол, красавица последовала моему примеру и одним махом опрокинула точно такой же стакан. Даже не поморщившись, она заговорила:

— Пока вы наслаждались компанией аптекаря, я имела весьма любопытный разговор с вашими друзьями.

— У меня теперь и друзья есть?

В демона и то поверить легче.

— Лианна и... — качнув золотистой челкой, она нагнулась к папке с бумагой. — Виньетта.

Я хотел спросить — «кто все эти люди?», но опьяненный разум все же выдал: одноглазка и синевласка. Прямо как Бивис и Батхед, но еще тупее.

— Вместе с привратницей, они заявляют, будто вы, проявляя нехарактерную для наемника самоотверженность и отвагу, увлекли неизвестного монстра... — глава гильдии устало вздохнула. — Ладно, увлекли «Демона» за собой, позволяя спастись остальным. Эти утверждения верны?

— Нифига подобного! Но если дадите денег, то возьму.

Дурак, соврать же надо было!

— Вопиющая честность или поразительная ложь... — какое-то время она задумчиво рассматривала меня, пока не поднялась с кресла и не подошла к окну с видом на двор:

— Порой, я наблюдала за вашими тренировками... — управляющая обернулась и присела на подоконник. — Не знаю, откуда вы знакомы с этими «демонами» и меня не интересует белиберда в вашей анкете. Да и свое имя можете оставить при себе. Но вы не авантюрист. И не наемник. Так кто же вы?

— А по-моему авантюрист. — продемонстрированный жетон на высушенном рукаве вызвал ухмылку на ее лице.

— Для авантюриста вы вероломно профессиональны. Для наемника, преступно ответственны. Я бы предположила межевого рыцаря или лишеного титула дворянина, однако ваш перфоманс с сиром Клебером исключает и это. Так кто же вы?

— Будущий зять твоей мамы?

Моя неуместная попытка флирта отозвалась залившимся девичьим смехом.

— Не знаю что забавляет больше... — она утерла выступившую слезу. — Ваша мимикрия под чужие ожидания

или способность эти ожидания превзойти.

Че сказала-то?

— Так и быть. — она соскочила с подоконника и, взявшись за карандаш, наклонилась к бумаге на столе. — Не в моих правилах отказываться от доброго коня. Гильдия полнится недоумками и бездарями, так почему бы не внести разнообразия?

Заметив мой взгляд на своей, обтянутой рубашкой груди, она чуть нахмурилась, но смолчала и с серьезным видом протянула заполненный бланк:

— Перед уходом, будьте любезны, потрудитесь предъявить распоряжение на регистрацию.

Устало кивнув, я молча взялся за бланк. В заголовке значилось: «Распоряжение о присвоении оловянного ранга: Себастьян Перейра».

Ну и дурацкое же имя выбрал...

Вечерний клоповник переполнялся пьяным хохотом, фальшивыми стонами и объявлением расценок. Из-за потери любимого салона толстосумы ломанулись в заведения поскромнее, вытесняя торгашей, ремесленников и всех тех, кто в обычные дни к этому району и на пушечный выстрел не подходит. Странные они. После такой резни, я бы к любым борделям не подходил. Да и вообще бы из города переехал.

Впрочем, пес их знает. Они-то со всякими бабайками всю жизнь в обнимку живут...

— Кажется, я слышала визг свиньи... — держа мою руку у себя на коленях, блондинка задумчиво уставилась на закрытую дверь.

В честь обилия посетителей, пара дур наконец прислушалась к моему совету и целый день проторчали в комнате. Судя по паре спаленных свечей и разбросанным книжкам, заимствованным у хозяйки, времени они зря не теряли.

— Это Молочная Мэри. Она так корову изображает. У золотаря заскок такой. Ты давай-давай, не отвлекайся!

Зардевшись щечками и недовольно зыркнув, девушка продолжила смазывать мои ожоги кусочком овечьей шерсти. Это все маковая бормотуха или она правда милая когда смущается?

— Могу... — тихо начала она. — Могу я задать вопрос?

Надетый на девушку армейский китель выгодно подчеркивал стройную фигуру и обрамлял спелые груди. И почему в армию баб не призывают... Им форма ой как идет! Погоди, че она там говорила?

— Можно за хрен подержаться, а в армии говорят «разрешите»... Тьфу! То есть, да! Спрашивай, конечно. — поспешно поправился я.

Воровато обернувшись на сопящую на старой кровати малявку и убедившись, что она крепко спит, блондинка продолжила:

— Я слышала, будто ты отдал все свои сбережения владелице заведения. Могу спросить — почему?

Местным шаблодам впору в разведку идти, а не ноги в борделях раздвигать. Долбаный курятник! Я надеялся, что хоть у хозяйки в кабинете с шумоизоляцией все в порядке.

— По-кочану и по-капусте. Чтобы она вас за тридцать серебрянников не сдала, вот почему.

Старая карга хоть и жадная, но не особо глупая. «Синице» в руках она обрадовалась куда больше, чем намеку на двух убитых в ее холле «журавлей». Да и надо же было что-то делать, с тем бонусом, что мне за «демона» выдали? Хотя, мог бы и кольчугу, наконец, купить...

— Разве не за пять десятков золотых? И тебе-то, какое дело? То есть, я очень признательна твоей помощи, но... Ты ведь нас даже не знаешь! Прости за грубость, но откуда у наемника такое благородство? В чем подвох?

В местном «космополитене» статья по психоанализу была, или они сговорились? Сперва одна блондинка меня в «профессионализме» упрекает, теперь эта удивляется незнамо чему.

Ладно, бормотуха бормотухой, а из роли наемника выходить не стоит. Иначе не поймут. А люди очень не любят того, чего не понимают.

— Эх, молодо-зелено... Какая же ты все же овца недалекая. Ладно, смотри: за твою задницу обещают горку золота, так? — она кивнула. — Про девочку никто не упоминал, так? — снова кивок. — А заказчиком выступает какой-то жирный южный лордик, так?

Убрав обработанную мазью руку, я подставил другую.

— А значит дело обстоит вот как: у малявки либо шибко богатые и влиятельные родители, либо она наследница какого-нибудь офигевшего состояния. А раз так, девчонка стоит куда больше обещанного. Ну, если ее вернуть в заботливые руки родни, а не какого-то засранца. Так почему бы не потратить полсотни роз, чтобы потом провести всю жизнь в собственном замке, гоняя горничных и трахая дворецкого? Стоп, что?!

Чертова настойка!

— Вот как... — симпатяжка задумчиво нахмурила бровки.

На какое-то время наступило молчание. Блондинка орудовала мазью, я напрягал воображение, проверяя свою

ориентацию, а малявка, стискивая кнут на манер плюшевой игрушки, грезил в сне о красивых пони. Домашнюю идиллию нарушало лишь раздающееся за стеной похотливое мычание Молочной Мэри.

— Не годится. — вдруг мотнула головой блондинка. — Этот хитроумный план спотыкается об одну деревянную балку и самоотверженный рывок.

— А? Кого спотыкается? — уставился я на нахмурившуюся девушку, отвлекаясь от голых сисястых дворецких.

— Три дня назад, ты ринулся в бой с пылкой храбростью, а не жгучей жадностью. И сегодня, судя по пересудам блудниц... Кхм, работниц, ты поступил так снова. Спасти столько незнакомцев, заманивая чудовищного монстра на себя... — она отложила кусочек шерсти, но так и не убрала мою руку со своих коленей.

От ее пристального взгляда мне стало не по себе. Может она выпила чего?

— Ни один негодяй не станет кичиться грубостью, и похвалятся жадностью. А выходит, ты никакой не негодяй... — девушка осторожно поглаживала мою ладонь:

— При виде твоего испещренного шрамами лица на ум приходит много слов, но алчность и вероломство и остаются в стороне. Ты не тот расчетливый наемник, которым пытаешься казаться, а скорее...

— Слышь, Фрейд на минималках, а ну завязывай! Не твое овечье дело, что, зачем, да почему! Я наемником промышляю, а не милостыни раздаю! И нехрен меня на «благородство» разводить!

Сначала хрыч за того рыцаря упрекает, потом глава за демона лечит, теперь эта ненормальная — ну точно сговорились! Лепят из меня какого-то героя народных сказок! Себастьянушку-дурачка!

Блин, имя надо все же менять...

Прикосновение девичьей руки, обожгло щеку и заставило сердце биться быстрее. В свете сальной свечи загадочно блестела пара голубых глаз. Прежде чем я успел что-то сообразить, блондинка нервно облизнула налившиеся губы. То ли пить хочет, то ли намекает на что-то... Панически округляя глаза, я замороженно наблюдал за дрожащими глазами, ощущая как девичьи пальцы все сильнее впиваются в обожженную руку. То ли отстранится, то ли оскорбится, то ли пощечину выдать, а может, все-таки...

— Ну не при детях же... — мой скромный протест оборвался яростной долбежкой в дверь.

Воспользовавшись предоставленной отмазкой, я поспешно вскочил и, громко посетовав на хозяйку, отворил дверь. Блестя дорогим красным плащом, мужчина в жесткой вареной коже подозрительно уставился на меня.

— Добрый вечер, горожанин. — коротко кивнул он оценивая мой голый торс. — Из ваших покоев мне чудился знакомый девичий голос. Не позволили бы вы представить меня вашей компаньонке?

Хм... Вроде один. Значит это не карга старая застучала. Ну и хорошо, не зря денег сунул.

— Это еще зачем? — расправляя плечи, я загородил незнакомцу обзор.

— Видите-ли, я разыскиваю свою сестру. А прелестный голосок уж больно походил на мою светленькую Аллерию. Пару лет назад дуреха сбежала из отчего дома с межевым рыцарем... Ну вы понимаете. — без запинки говорил незнакомец, то и дело пытаясь нагло сунуть голову за проем.

— Тебе померещилось.

— Возможно, но все же дозвольте убедиться. — его голос приобрел стальные нотки. — Я настаиваю...

В обожженную ладонь удобно легла рукоять старой доброй чесалки. Чертова блондинка! Мало того, что ее разыскивают по всему городу, так еще и китель на голое тело носит! Блин, как с «колышком»-то драться?

Глава 6: Свободная касса!

Еще раз поглядев на парня в плаще, я едва сдержал усталый вздох.

И нафига я в это впрягаюсь? Продам бы обоих или выгнал нафиг, делов-то? Но нет, деньги трачу, жизнью зачем-то рискую... Проклятые женщины! Прав старикан — одни беды от них!

Мужчина будто невзначай положил руку на рукоять короткого меча. Набрал в грудь побольше воздуха, я твердо вознамерился вонзить нож ему в шею до того, как он извлечет оружие, но вдруг за спиной раздалось овечьё блеяние.

— Бе-е-е-е...

Парень недоуменно поднял бровь, уставившись в мое побледневшее лицо.

— Бе-е-е-е! Бе-е-е-е!

— Это... Это с улицы. Стены тонкие... — силясь покраснеть как можно сильнее, пробубнил я.

Он недоверчиво поглядел на меня и его взгляд опустился на голый торс. К своему удивлению, я заметил прилипший ко мне комочек овечьего пуха.

— Само-собой... — охотно закивал он, осторожно пятясь назад. — Доброй ночи вам и вашей... Пассии. Простите за беспокойство... — давясь со смеху, незнакомец засеменял по коридору, видимо, желая поскорее рассказать забулдыгам на кухне о местном овцелюбе.

Выдохнув, я запер дверь на толстую деревянную задвижку и вперился взглядом в сидящую на кровати блондинку:

— Совсем без башки? А если бы он не был идиотом?

— Но ведь получилось же! — натужно прошептала она, убирая ножны под койку и забираясь под одеяло.

— Чудом, блин...

Получилось, то получилось — только надолго ли?

Словно чего-то, ожидая, блондинка застенчиво поглядывала на меня, нервно барабанила пальцами по одеялу. Но меня куда больше занимали красные плащи.

Этот дурачок, скорее всего лишь использовал благовидный предлог о поисках псевдо-воровки, для похода в бордель. Но что произойдет, если они нагрянут целенаправленно? Как долго местные забулдыги будут принимать Аллерию за дочь хозяйки, а малявку, за незаконнорожденную внучку?

Ведь рано или поздно кто-нибудь обязательно проболтается. Нет, не специально — здешним шлюхам, при всей их порочности, можно худо-бедно доверять. Потасканные бесприданницы, бесплодные и выпнутые на мороз шлюшья дочки давно и прочно закрепились на дне общества, без надежды на всплытие. Ни о какой награде они и мечтать не могли, ибо садануть клинком по горлу куда дешевле, а искать тело никто не станет. Жадность хозяйки тоже удовлетворена на какое-то время. По крайней мере, покуда она не придумает, как отмазаться от сокрытия пары убийств в своем заведении. Гвардейцы, быть может, еще бы и поверили в вариант «Ой, меня наемник запугал.», но стражники на такой голяк не купятся, о чем мадам прекрасно осведомлена.

Но люди есть люди. Тем более — женщины. По пьянке-то точно сболтнут какому-нибудь клиенту, о забавных постояльцах, расположившихся в одной из комнат в полупустом крыле. Нужно либо срочно менять место жительства, либо прятать их получше. С жильем туго, а вот с маскировкой...

Оценив покрасневшую от моего пристального взгляда блондинку, я спросил:

— Слушай, а ты никогда не пробовала стать проституткой?

Ошарашенный взгляд маякнул что подобные перспективы для нее в новинку. Ну что же, все бывает в первый раз.

— Да ты угораешь!

— Отнюдь! — возразила регистраторша. — Распоряжение самой Фальшивки. — она ткнула пальцем в высокий потолок гильдии.

На разумные возражения о том, какое же это святотатство, использовать такого офигенно крутого мужика, как я, в качестве сраной секретарши она лишь грозно блестела очками и продолжала призывно хлопать по высокому стулу.

— Ну, сам посуди: на дворе ливень хлещет, а у тебя еще и руки ошпарены! Да и выпускной только завтра... Ну какой тебе контракт? Ты присаживайся! Я тебе чаю налью, книжку дам... В тепле и покое побудешь, хорошо же! Знаешь, как тут иногда интересно бывает?

Угу, как же... Ладно, черт с ним! Не обратно же под дождем переться? Блондинка меня с дерьмом сожрет. Пусть лучше до вечера «поварится», авось угомонится. Блин, такое чувство, будто я женился!

— Да сяду-сяду! Только завались уже... Тебе в замполиты надо, агитатор недоделанный. — утерев дождевые

капли со лба, я угнездился на предложенном месте.

— Ну не дуйся, будет тебе! На вот, примерь... — очкарита протянула синюю рубашку с высоким воротником. С дуба рухнула?!

— Я, мать твою, два года в наемном отряде прошагал! В шести кампаниях участвовал, в двух экспедициях!

Даже дракона видел, пусть и издалека! А ты меня в стюардессу наряжаешь?!

— Смотри, какое красиво клеймо на кармашке! Метла с фонарем отлично подойдут к твоим глазам! А этот милый воротничок так хорошо будет смотреться вокруг твоей мужественной шеи! Ух! Да ее еще и к твоей могучей груди подогнали! — парировала она любые возражения, продолжая рассказывать, как же хорошо подойдет эта форма.

И какой я красивый, умный, добрый, хороший... И пирожок она мне купит, и по головке погладит, и с подружкой познакомит...

Первые полчаса в оловянном ранге прошли за очешуительными историями о должностных обязанностях, чашкой дымящегося чая и поджатыми губками, которым приходилось не по вкусу мои мысли о происходящем. Закончив пудрить мозги, регистраторша напялила дождевик с вышитым клеймом гильдии и, помахав напоследок ручкой, оставила за стойкой. Одного. В узкой рубашке. Посреди зала, заполненным дебильными авантюристами, шустрými официантками и этим проклятым пердуном...

— Раньше все кишело волками. Потом появились авантюристы. И теперь я скучаю по волкам! — все нудил старик, теребя грязными пальцами рваную шляпу.

— Ну а от меня ты что хочешь?! Это ведь твой крестик под пунктом об отказе от претензий в случае «непредвиденных обстоятельств»?

— Но я неграмотный, м'лорд! Почему мне было знать, что сожженный амбар это непредвиденные обстоятельства?

— Денег больше давать надо, чтоб к тебе оловянных дебилов не посылали... — задрожавшие глаза свидетеля Куликовской битвы отозвались болью в виске.

Да твою-то мать!

Вздыхнув, я вытащил пустой бланк. Как объясняла мне очкастая, в основном, гильдия существует на дотации от всяких лордиков, продажу пошла да проценты с предоставляемых контрактов. Порой, еще умудряются выполнять банковские да поручительские услуги для всяких торгашей. А потому, у гильдии есть собственные средства для «бонусов» к плате за контракты, которыми можно наградить отличившихся работников или непричастных к гильдии, но оказавших помощь. Ну, типа, крестьян, поделившихся жратвой или заботливую лесную знахарку, выхотившую раненого «розана».

Короче, сделаем вид, что это тот случай. Надеюсь, из моей зарплаты денег не вычтут... Заполнив бумагу я сунул ее деду и ткнул в дверь у барной стойки в дальнем конце зала:

— Отдашь туда. Будут спрашивать, скажешь, мол «оказал содействие в истреблении волков» или что-нибудь такое. Все-все, давай отец, очередь не задерживай!

Поглядев на бумагу, старик недоверчиво спросил:

— Это че это, мне и денег дадут?!

А говорил, неграмотный! Пень старый!

— Следующий!!! — от моего крика разом подпрыгнули все официантки.

И ради этого я годами тренировал командирский голос? Чувствую себя кассиром в закускойной.

У стойки нарисовался гладко выбритый тип, которому до зарезу понадобились какие-то лианы и виньетки. Спустя несколько минут сбивчивых объяснений и неопределенных жестов, лианы заменились. Лианной, а виньетка — Виньеттой. Короче, мужику приперло припахать этих двух дур на сбор трав за городской стеной. Типа, заказ на конкретных исполнителей.

Отправив мужика в кассу и заполнив нужный бланк, я сунул его в сторонку — пушай очкастая парится! Буду я еще каких-то Виньетт разыскивать...

— Следующий!!! — в зале раздался испуганный девичий писк и дребезг разбитой бутылки.

Надо бы потише орать, а то из зарплаты вычтут.

Следующей оказалась барышня, у которой в подвале слышались странные шорохи. Ее пожелания к красивому, молодому и рыжеволосому исполнителю, явно намекали, что проблемы у нее с мужиками, а не шорохами.

За ней пристроился молодой парень, которому не угодили задания висящие на доске. Выслушав пожелания офигенно опытного и крутого копейщика о контрактах на истребление опасной древней нежити, я отправил его к клуше с шорохами. Там-то его палка точно пригодится.

— Следующий!!!

— Я хотела бы вступить в гильдию. — заявила высокая стройная брюнетка в простеньком шарфике и с подозрительно знакомым шрамом на брови.

Секунду...

— Какого хрена ты тут делаешь?! — зашипел я, быстро проверяя, не смотрит ли кто.

Все еще бледная от недостатка крови, экс-блондинка воровато осмотрелась и быстро наклонилась к стойке:

— А ты думал я и правда блудницей прикидываться стану?! Купальни им мыть или на кухне прислуживать?!

Вот уж дудки! — прошипела она, поигрывая неплохо залатанными дырами на моем отстиранном гамбезоне.

— Совсем больная?! А малявка как же?! А плащи, что по городу снуют?! А мои, блин, несчастные нервы?! Дуй домой, пока по башке не дал! Следующий!!!

— Ну и рев! Вижу, ты уже освоился. — рядом с полоумной суицидницей пристроилась красавица в форменной рубашке. — Возникли проблемы с регистрацией?

Глава гильдии с интересом рассматривала то меня, то незнакомую ей брюнетку.

— Никаких проблем, все замечательно! Девушка уточняла дорогу в библиотеку!

— Я бы желала зарегистрироваться в качестве авантюриста, если это возможно. — как ни в чем не бывало, заявила крашенная овца в необъятном гамбезоне.

— Ну что же... — начальница поглядела на прикрепленные к ее поясу ножны.

Из которых торчала излишне дорогая рукоять, смею заметить! Особенно для такого вшивого гамбеза. Ну блондинка же! Даром что перекрасилась.

— Опытные бойцы нам всегда понадобятся... Тем более, знакомые с грамотой. — Фальшивка кивнула на заполненный бланк в руках Аллерии.

И когда успела?!

Наградив крашенную своим лучшим «дома-ты-у-меня-получишь» взглядом, я неохотно принял бланк. Ладно хоть собственным именем не назвалась, и то спасибо.

Когда на матрице станка были выставлены нужные буквы, я дернул рычаг. Как и в тот раз, его вновь заклинило. Воспользовавшись палкой и такой-то матерью, я таки заставил тупую железяку выплюнуть жетон. Очертив длинную дугу, тот вмазался брюнетке прямо в лоб.

Выкуси, гадюка сиськастая!

— Прошу извинить сию оплошность. Он первый раз в данной роли. — невозмутимо заявила глава.

— И последний! А вообще, какого черта ты меня сюда поставила?!

— А своей головой подумать? — раздраженно стрельнув бровью заявила Фальшивка и подхватив Аллерию под локоток, повела ее к доске с заданиями.

Возвышающаяся над управляющей на целую голову перекрашенная скотина, улучив момент, показала мне язык.

Своей головой, блин... Она у меня и так раскальвается — не до загадок всяких!

Воспользовавшись отсутствием новых посетителей, я залпом опустошил чашку. Мысли о кнуте, бледной заднице и плаксивых визгах подействовали успокаивающе. Совсем оборзела! То руки лечит, то губы жует, то овцой блеет! Ну, ничего, она у меня еще получит! Выгоню к чертовой матери!

Блин, как бы с малявкой чего не стряслось... Впрочем, объявлений о ее розыске я не слышал, так что, кроме самих плащей, девочке никто не угрожает. Надеюсь.

Оторвав взгляд от стойки, я уставился на жирнющего мужика в богатом шерстяном плаще. Его жиденькие глазенки и заискивающая улыбка однозначно намекала — караванщик решил торговаться:

— День добрый, о мудрейший... Дозволите ли оценить преysкурант на эскорт пары-тройки... Может, десятка повозок до Молочного холма?

Этаж сколько бланков заполнить надо? Ну е-мое...

Ближе к вечеру явилась регистраторша. Поглядев на мою перекошенную рожу и дергающийся глаз, она поспешно поставила на стол кусок пирога. Сожрав награду с особой жестокостью к окружающим и твердо заявив, что больше ноги моей за этой стойкой не будет, я быстро сорвал с себя рубашку и, под заинтересованными взглядами официанток, напялил криво зашитую стеганку. От столь резких движений, глубокая ссадина на плече вновь закровоточила, но мне было плевать.

В зале как раз начинался самый дурдом. Авантюристы возвращались с вылазок, кто с полевых, кто с рабочих. Но, рассаживаясь по столам, все они как один начинали рассказывать друг-другу байки о подвергнутых за день бесчисленных ордах врагов. Ничего, через пару часов и одну опустошенную бочку, они еще и про драконов выдумывать начнут. Наемники в этом плане почестнее будут. Они больше про обрюхаченных баб да соблазненных ведьм выдумывают.

Беглый осмотр столиков результатов не дал — Аллерия так и не объявилась. То ли задержалась за обходом дорожных каналов, то ли случилось чего. Мысленно пройдясь по глупости бестолковой бабы и забрав деньги за день, я вышел на усеянную лужами улицу.

Еще недавняя жара сменилась холодным ветром, заставляя большую часть горожан сидеть по домам, топя

печи резко подорожавшими дровами. На пути попадались лишь запоздавшие лоточники, фонарщик со свечой на длинном шесте, да пара патрулирующих стражников, чьи меховые плащи и северное происхождение позволяло класть большой и толстый прибор на превратности погоды.

Пройдя по главной улице от одних раздолбанных городских ворот до глухого тупика, я так и не встретил искомую брюнетку и уже повернул в сторону родного клоповника, как вдруг заметил знакомый красный плащ. Нервно озираясь и блестя надетой на бригантину кольчугой, мужчина что-то рисовал белым мелом на одной из стен в темном переулке. Закончив свои художества и убедившись, что в округе никого нет, он вернулся на дорогу и зашагал, как ни в чем не бывало.

Разрываясь между желаниями проследить за плащом, посмотреть на рисунок или свалить от греха подальше, я выбрал второе, как безопасное, но не слишком постыдное.

Дождавшись, пока плащ отойдет подальше, я двинулся к заветной стене. На грубой каменной кладке тускло виднелась пара перекрещенных перьев. Или крыльев, хрен знает. Уже собираясь пожать плечами и отправится домой, я вдруг остановился. В голове возник образ дохлой крысы, свет фонаря и единственный на всю канализацию, рисунок без гениталий.

Точно такой же рисунок, как и на этой стене.

Осенняя жара, сухая канализация, заваренный слив, потусторонняя хрень что боится воды, а теперь вот, тайные символы... Может та пурга про темные культы была правдой? Может Аллерия не набрехала?

Собираясь как можно быстрее покинуть переулок, и вернуться в клоповник, дабы как следует допросить пару таинственных соседок, я вдруг напоролся на выскочившую из ниоткуда миниатюрную девушку.

За пару лет я уже успел привыкнуть к странным расцветкам волос, что встречаются у местных. Но фиолетовые видел впервые. Вроде, даже не крашенные...

— Как приятно встретить здесь новые лица! И такие свежие, полные сил... Меня зовут Киара, а тебя, мой милый кавалер? — протараторила «дюймовочка», молниеносно приближаясь и хватая меня за рукав.

Взглянув в лиловые глаза, я попытался вырвать руку — не вышло. Хватка миниатюрной девчушки оказалась удивительно крепкой.

— Я тебе не кавалер! Грабли убери!

— О! А ты недотрога? Как неожиданно и оригинально... — на мгновение ее лицо отразило смятение, но, спустя секунду, тонкие губы сложились в хищном оскале. — Ну ничего себе! А это разве не ты вчера демона изгнал? А ты очень интересный, знаешь? Очень, очень интересный! Нам определенно стоит познакомиться поближе и как следует...

Демона? Она знает, что такое демоны?! Ну, наконец-то кто-то образованный попался! Жаль что поехавшая. Надо бы ее расспросить, раз такие дела, но сперва...

Из того же переулка, следом за чокнутой, показалась пара парней. Пыльные плащи, грязные сапоги, блеск кинжалов и дыхание, от которого впору прикуривать, недвусмысленно намекали на караванщиков. Ну, отлично! Развесил уши, баран! Это либо развод на бабки, либо натуральное ограбление.

— Эй, кобылка! — звучно сплюнув, к нам подскочил тот, что пониже да попьанее. — Есть два седла, на одном ты говоришь, где Грегор, а на другом тебя пускают на корм титанам! Выбирай!

Цокнув языком, девчушка повернулась к незнакомцу:

— Господа, боюсь, я не в настроении для верховых прогулок, а потому обойдемся без седел. Теперь, прошу меня извинить, у нас...

Обрывая фиолетовую на полуслове, мужчина извлек блестящий кинжал:

— Я нарисую тебе настроение от уха до уха если не ответишь!!!

— Вот же мошки. Хотя... — лиловые глаза вновь впились в меня.

В нос ударил резкий запах лаванды.

— Мой благородный герой, молю, как лишь леди может молить своего верного чемпиона: убереги от позора, сохрани от поругания и проявляя всю свою благородную храбрость...

— Да иди ты в жопу! Отцепись, кому сказано!

— Вредина... — оскалившись пуце прежнего, она с невиданной легкостью швырнула меня в сторону пьяницы.

Лишь чудом удалось не свалиться на землю и не попасть под кинжал. Однако, караванщику оказавшемуся на пути моей туши, повезло куда меньше — получив локтем в бороду он завалился на спину, как мешок с требухой.

— Парень, к тебе никаких вопросов, ступай себе с миром, да не... — начал было второй, но блеснувший в фонарном свете клинок оборвал все надежды на мирный исход.

Поднявшийся с земли, бородач не разделял миролюбивости товарища и сильно рубанул лезвием по моему брюху. Из вшитых кармашков стеганки полетели куски набивки. Удивленно ощупывая живот, я в кои-то веки оказался доволен покупкой. Жаль лишь, что в комплекте не шел пистолет.

Вопреки выдумкам и фантазиям киноделов, голыми руками против клинка не попрешь. Если только у тебя нет палки, черного пояса по всем единоборствам разом или твой противник не полный... А ну да, караванщики же!

Наступающий противник злобно скалился, перекидывая оружие из одной руки в другую, обещая воткнуть мне его туда, куда солнце не светило. Начищенный носок берца, ударивший по запястью, мгновенно изменил его взгляды на ситуацию.

Недоуменные глаза наблюдали за высоким полетом кинжала, а мой локоть уже несся недоумку в нос. Хрюкнув, пьянчуга завалился на спину как мешок с известным содержимым, омывая свою пыльную одежду свежей кровью. Не теряя времени даром, я уже было кинулся на второго, но нашел лишь пустое место. Едва не закидывая сапоги за уши, «миролюбивый» караванщик несся по переулку, блестя кожаными штанами в свете фонарных ламп. Сообразительный...

— Мда... Здравый смысл такая штука, которой хватает не на всех, да? — задал я риторический вопрос пытающемуся подняться пьянчуге и еще раз приложил его по затылку.

— А что касательно тебя... — я обернулся к месту, где стояла фиолетовая, но обнаружил, что обращаюсь к бревенчатой стене.

Ни в переулке, ни на дороге никого не было.

Когда слинять-то успела? И что это вообще было? С пояса ничего не сперла да и на воровку, вроде, не похожа. Спросить бы у этого алкоголика, но уж больно близко мы к воротам. Как бы патрульные не загребли.

Поглядев на настенный рисунок и сыпящего проклятиями бородача под ногами, я решил не дожидаться стражи, а разжиться трофеями да слинять по-хорошему. Объясняться с северянами я желанием не горел.

Любимая, до зуда в заднице, комната наполнилась ароматом вареной репы, бесстыдным чавканьем малявки и виноватым блеском голубых глазок. Я ее по всему городу ищу, а она дома сидит, гамбезончик подшивает! Жопка с ручкой...

— Если позволишь, я бы хотела извиниться. — сказала бывшая блондинка, неловко теребя отстегнутый рукав гамбезона.

— Самое, блин, время! — бросив свернутый плащ с кинжалом в угол, я плюхнулся на койку и принялся развязывать шнурки обожженными пальцами.

Хоть местные и недоуменно пялятся на мою «диговинную» обувь, но ничего лучше здесь не водится. Третий год в них топаю — и хоть бы хны! Жаль лишь, что пальцы болят, чтоб их...

— Это место... Все эти стоны, запахи и постоянное чувство опасности странно действует на меня. Понимаешь... В тот момент мне очень захотелось почувствовать себя живой. Узнать, каково это... — с каждым новым словом, ее лицо все сильнее заливалось краской.

Махнув рукой малолетке в ответ, я кое-как снял ботинок. Дело за вторым...

— И поэтому ты долбанула ведро краски на голову, и, напавив мой, блин, гамбезон поперлась в гильдию?! Ладно, хоть не в кителе и то спасибо!

— Что? Нет, я не об этом! Я о вчерашнем... Просто хотела поблагодарить, за то, что ты не воспользовался ситуацией. Ну, ты понимаешь.

— О блянии овцой? Запоздало, конечно, но ладно, проехали. А теперь...

— Нет, я про «другое»! — она сделала акцент на последнем слове.

— Да какое, «другое»?

После очередного хоровода из «ну ты понимаешь» с одной стороны и «нет, не понимаю!» с другой, она, наконец, взорвалась:

— Бесишь! — гневно зыркнув на меня, она вдруг приблизилась и рывком стащила с меня ботинок.

Неловко, конечно, но спасибо. Еще бы пожрать принесла — цены бы не было.

— А, ну это я умею. Ладно, раз мы закончили с твоими закидонами, может, в конце-концов, разъяснишь мне, какого хрена тебе дома не сидится?!

Надув губки, она принялась объяснять мне, какой я бесчувственный болван, раз решил, будто такая прелестная дева, станет изображать из себя проститутку. На замечание, что я все это уже слышал, девушка стушевалась и выдала, ей не по статусу такое. На вопрос о ее статусе, она ответило кратко:

— Не твое дело!

Ага, счаз-з-з! Пес с ней, с гильдией! Но за плащей, круги, и прочую мутную хрень она мне все как на духу выложит!

— А, по-моему, как раз мое! Достала со своими тайнами! Как тебя встретил, так каждый день приключения! Так что... — я ткнул пальцем в малявку, с интересом наблюдающую за перепалкой. — Либо ты говоришь, кто вы, мать вашу, такие, либо ее хлыст снова познакомится с твоей задницей!

Поиграв прядью крашенных волос она уставилась на меня долгим, задумчивым взглядом.

— А мне он нравится! — без дураков объявила малявка. — Давай расскажем! Он нам поможет, и потом будет жить с нами в замке! Весело же будет, правда?!

Значит, все же замок, да? Не тайные культы и всякие демонопоклонники?

— Ну, раз так приказывает моя госпожа... — бывшая блондинка усмехнулась и откинулась на подушку. — Все началось перед самым Визжащим штормом, когда Грисби осадили северяне...

Никакое раздражение в голубых глазах, не могло удержать меня от протяжного стога.

— Не-не, ты не отвлекайся. Обожаю длинные нудные истории... Ты, главное, всяких пространных терминов побольше набросай. Обожаю всякие «Визжащие штормы», «Армии тысячи стягов» и прочие пафосные потуги на фантазию...

Ай, ладно. В этот раз, вроде бы, врать не будет. Вон как зубами скрипит!

— Мелкая, у тебя репа еще осталась? Поделись-ка с дядькой баландой... — попросил я, приближаясь к улыбающейся девчухе.

На голодный желудок выслушивать весь этот бред я не намеревался.

Глава 7: Жаркий день в холодном городе

Утреннее солнце скрылось за хмурыми тучами, предвещавшими еще один дождливый день. Из-за общей серости и прохлады, городские улицы казались еще теснее обычного.

— И долго ты будешь дуться? — спросила идущая рядом Аллерия.

— Я не дуюсь.

— А это что? — она ткнула пальцем в мою щеку. — Вид как у бурундука!

— Зато у тебя как гиены. Хитрожопой крашеной гиены!

— Предпочту лисицу. Милую и с пышным хвостом. Но истинно так, — скинутый с плеч груз, наконец, позволил как следует выспаться... — она довольно потянулась, и ее улыбка засияла на всю округу. — Наконец на поправку иду. Приятно ощущать знакомую силу в руках!

Зыркнув в сторону чересчур наглого незнакомца, слишком пристально заинтересовавшегося моей спутницей, я лишь устало зевнул. Что толку ей говорить? Выспалась и выспалась, хрен бы с ней. Это мне полночи проворочаться пришлось. И черт меня дернул спрашивать, кто они такие... Меньше знаешь — дольше живешь.

— О! А вот и они! — воскликнула Аллерия и призывно подняла руку.

Я уже хотел спросить «кто», как увидел на пороге гильдии одноглазку и синевласку. Да, точно — их же сегодня в поля за город подрядили. Вчера Фальшивка их вместе по городу шариться отправила, а сегодня какую-то местную дурь собирать пойдут. То ли травы, то ли приправы. Ладно, пес ними. Раз уж эта дура хочет деньги в дом приносить — пусть пашет. Своей же шеей рискует.

Заметив нас, Бивис и Батхед местного разлива тут же прекратили разгоревшийся спор, и подошли сами. Поздоровавшись с экс-блондинкой и слегка удивившись нашему с ней знакомству, они тут же переключились на меня:

— Нижайше прошу извинить меня за нерасторопность... — начала бляеть синевласка, покачивая обмотанной бинтом головой. — Мне следовало немедленно поблагодарить вас, сразу как...

— Короче, эта дуреха пытается сказать... — ушастая прятала взгляд, явно находясь не в своей тарелке. — Ну, спасибо. За тот раз. Это было очень круто и зря я так с тобой... Но вообще я бы тоже так смогла! Просто растерялась! Так что не вздумай зазнаваться!

День только начался, а у меня уже глаз дергается. Прибить их что ли?

— А я смотрю, ты пользуешься успехом у гильдейских дам... — шепот Аллерии добил последние крохи самообладания.

Справедливо обвинив окружающих в преступной тупости и подрасстрельной сопливости, я поспешил зайти в гильдию.

Как и каждое утро, в зале находилось полным полно народа. Некоторые возвращались из затяжных походов, но большинство толпилось у доски с прибитыми заказами. На мой кивок регистраторша лишь отрицательно покачала головой — наставник еще не явился. Вот же хрен старый! Конец курса, а он опаздывает! Опять напился, небось...

Зевнув, я грохнулся за ближайший стол и, дождавшись такой же сонной официантки, заказал что-то наобум. Трофейный кинжал неудобно впивался в поясницу, ладони жгло огнем, а из головы никак не выходили все эти офигительные ночные истории, о нравах южной аристократии.

То, что малявка из благородных, я и так понял из ее бледной кожи и непробиваемой наивности. Бедняжка была такой невинной, что даже не знала, где у нее сиськи. А вот то, что Аллерия окажется аж целым присяжным рыцарем, оказалось внезапностью. Мало того что, баба, так и еще и статусом на полсотни баллов выше меня. Но это все цветочки — ягодки веселее.

Благородный папашка леди малявки являлся охереть каким важным герцогом и прямо или через вассалов держал все земли к югу от моста, аж до самого Молочного холма. Наследнички по мужской линии у него откинулись еще при войне с северянами и штурме Грисби, а сам герцог сильно после — на верховой прогулке скovyрнулся с лошади. Да так, что монструозного размера мерин знаменитой породы титанов раздавил ему башку.

Малявка внезапно проснулась герцогиней. С кучей замков, рыцарей и лютой прорвой бабла.

И все бы хорошо, кабы не родной дядя, который любил метать семя в любую подвернувшуюся бабу и настругавший хренову тонну сыновей. Наследников много, земли мало... Обычная ситуация для местных феодалов.

Став регентом при малолетке, барон тотчас попытался обручить ее со своим старшим сыном. А закавыка в том, что живой герцогиня ему нафиг не вперлась. Едва родив наследника, она непременно бы грохнулась откуда-нибудь со стены. Совершенно случайно, ясен пень!

И тут в дело вступила наша полоумная блондинка. Совершив невероятный интеллектуальный подвиг и сложив

два-плюс-два, она тупо угнала девчужку, едва та перешагнула порог половой зрелости. Используя свою нечеловеческую хитрость и неопишную прозорливость, рыцарша не нашла ничего лучше, как увезти девочку к одному из ее вассалов: Сиру Грисби. Тому самому жирному пенсионеру, что правит местным дурдомом из замка неподалеку.

Надежный, как швейцарские часы, план дал ма-а-аленькую трещинку — деда дома не оказалось. Он со своим скромным войском проходил строевой смотр у сюзерена в столице, далеко на западе. И мисс рыцарь, пораскинув единственной в голове извилиной, решила просто потусить в городе с месячишко, пока маразматик не вернется. Мол, стюарду в Перекрестном замке доверять как-то стремно.

Ее светлую голову не омрачала мысль, что барон может отрядить своих гвардейцев на розыски пропавшей родственницы.

Блин, чем больше я об этом думаю, тем больше мне хочется вернуться к варианту с темными культами и злобными богами. Там хоть какие-то шансы были!

В ноздри ударил тонкий аромат свежей лаванды.

— Ох, надо же какая встреча! — на стул напротив, плюхнулась вчерашняя фиолетовая девка, и бесцеремонно схватила мою кружку. — Спасибо за угощение!

Я недоверчиво уставился на разодетую в темно-синее платье «дюймовочку», которая нагло сосала мое пиво. Она сумасшедшая или просто суицидница? И что она здесь делает? Меня ищет?

— Гадкое... У тебя очень странный вкус к напиткам. Надеюсь, на женщин это не распространяется...

— Ты меня вчера подставила, дрянь! То есть, за храбрость, конечно, хвалю, но на твоём месте я бы уже начинал бежать... — приподнявшись из-за стола, дабы как следует залепить нахалке в лоб, я вдруг почувствовал что-то мягкое на своей штанине.

— Ну не будь такой врединой... Я так утомилась, что ни о каких пробежках и думать не могу. Быть может, ты составишь мне компанию и расскажешь о себе, пока я грею уставшие ножки? — ее туфля с моего колена переместилась прямиком на ширинку.

— Какого хера ты...

— Не будь скучным сквернословом! — она сильно надавила носком. — Лучше расскажи, а откуда ты родом? Кто твои родители? Странный дядя со скальпелем в детстве не мучал? Может быть, ты терял память или видел незнакомого черного льва? С крыльшками?

От внезапной ласки и игривого голоса мысли начали путаться, а тело наотрез отказывалось слушаться. Весь мир сузился до размера пары красивых лиловых глаз, которым так и хотелось поведать свою удивительную историю. О странном чуждом лесе, зубастой курице, наемном отряде, провалах в памяти, и двух годах... Стоп, чего это со мной? Откуда такая тяга к откровениям?! Уж не ведьма ли часом?! Так, где тут ближайший костер?!

Помощь пришла, откуда не ждали.

— И сколь долго вы намерены томить меня в ожидании? — уперев руку в бок, над столом высилась глава гильдии. — Выпускники с гостями третий раз отрабатывают манекены, пока дирижер наслаждается кружкой ячменного и компанией безвкусно одетой актриски... Дивное зрелище! Пожалуй, придется оставить чаевые.

Глаза фиолетовой извращенки гневно блеснули, но ее рот расплылся в обворожительной улыбке:

— О! Прощу простить, то моя вина. Никак не могла устоять перед возможностью пообщаться с таким мужчиной... Была рада встрече! Надеюсь еще увидимся! — волнуящее давление с ширинки, наконец, исчезло и мысли начали приходить в порядок.

«Дюймовочка», как ни в чем не бывало, поднялась из-за стола и, отвесив изящный поклон, весело зацокала каблуками на выход. Проводив ее недовольным взглядом, Фальшивка сложила руки на груди:

— И? Мне подождать пока вы окончите трапезу или вы все же сообразовите оторвать свой зад и взяться за работу?! Оплаченную работу, осмелюсь заметить!

Казалось, еще чуть-чуть и она мне нос откусит.

Я попытался встать, но стукнув «колышком» о столешницу, тут же сел обратно.

— Да-да, сейчас... Сразу после тебя. Допью, только.

Наградив меня изогнутой бровью и тяжело вздохнув, Фальшивка развернулась, собираясь обратно во двор:

— Допивай побыстрее. Мне надоело развлекать этих дармоедов самостоятельно... — бросила она из-за плеча.

То ли у меня женщины давно не было и уже пора бы, то ли та фиолетовая и, правда, ведьма. Но самое обидное, — практика уже показала, что фокусы ведьм на меня особо не действуют. Собственно, из-за этого в наемниках и оказался.

Чувствовать себя озабоченным подростком было до жути неприятно.

Посидев немного, допив пиво и поохреневав от того, как же мне везет на ненормальных баб, я, наконец, поднялся из-за стола.

Двор встречал свинцовым небом, неумным бахвальством авантюристов и скучающими взглядами гостей.

Похоже, зрителям уже надоело наблюдать, как выпускники колотят манекены. По случаю выпуска и толпы зевак, ученики, наконец «вспомнили» про учебное оружие, но из-за излишнего веса этого затупленного барахла — удары выходили хуже некуда.

Проигнорировав леденящий взгляд главы гильдии, я ткнул пальцем в дылду с прыщом и скомандовал им лезть на арену. Их показательный бой запомнился лишь тяжелым сопением прыща, старавшегося держать щит как можно ближе к поясу и покрасневшими ушами рыжули. Устав хлопать обожженной ладонью по лбу, я выпустил «синьора Помидора» и ту самую девчонку, чей меч я обломал о рыцарские латы.

Выбор был обусловлен присутствующим ловким рыцарем, который, о чудо, сменил доспехи на роскошный дублет все с той же золоченой десницей. Когда пара перелезла через ограду и принялась неловко стучать клинками, скрежет рыцарских зубов трещал на весь двор.

Еще бы. Если красавчик победит, то победа ни хрена не стоит, ибо с такой писюхой и табуретка справится. Ну а если победит писюха... Даже представить не могу, что произойдет тогда.

Мораль истории: нефиг выпендриваться! Тоже мне, рыцарь...

В момент, когда девчушка испугалась мелькнувшего у лица затупленного лезвия и принялась с зажмуренными глазами махать своим мечом да неистово пищать, Клебер, наконец, не выдержал:

— Довольно фарса! Все присутствующие в полной мере насытились отсутствием навыков у гильдейских инструкторов! Приберегите свой цирк для отморозков! Им сгодится такое безвкусное действо!

— Осмелюсь возразить, приглашенный наставник... — вклинилась Фальшивка.

— Постеснялся явиться на эту буффонаду! Не удивлюсь если он и вовсе не участвовал в занятиях, уступая мастерский кушак этому ничтожеству!

Не то чтобы я считал себя ничтожеством, но, по-моему, речь идет обо мне.

— Если вы так недовольны выступлением, то, быть может, желаете продемонстрировать собственное умение? — от холода в голосе главы гильдии по спине побежали мурашки.

— На сегодня достаточно и половины Клебера опозоренного боем с неуклюжей кухаркой. — заявил рыцарь, нисколько не смущаясь мигом поникшего красавчика.

Кажется, слова родича ранили его куда сильнее предложенного мной соперника. Как бы ни прослезился... Блин, мне его даже жалко стало! И почему «половина», кстати?

— Ну что же... — Фальшивка качнула туго стянутой косой светлых волос и указала пальцем на меня. — В таком разе, могу предложить вам услуги нашего оружейного мастера.

Мастер? А что приятно... Даром, что я ничем сложнее копья орудовать не умею. Ну, не считая Калашникова или...

Погоди, че?! Меня-то впутывать зачем? Ух, бабы...

Заметив на себе заинтересованные взгляды горожан, Клебер уверенно кивнул:

— Не в моих правилах сражаться с одним противником дважды, однако кто-то должен показать добрым горожанам разницу между настоящим рыцарем и... Этим. — он брезгливо поджал губы и демонстративно отвел от меня взгляд.

Даже полоумная блондинка бы поняла, что нужно отмазываться. Унижаться, извиняться, оправдываться и делать что угодно, лишь бы избежать боя. Но я-то не блондинка!

Плюнув под ноги и взяв из разломанной дождевой бочки свою дубину, я с готовностью перелез через ограду, чем вызвал недоумение в глазах Фальшивки. Она-то, поди, думала, что я откажусь. Да только хрена ей лысого! Пусть обломается!

Хотя, все-таки ссыкотно. Пусть и без доспехов, а все же рыцарь... Их-то, засранцев, с пеленок учат мечами махать. И как бы ни хотелось этого признавать, бойцы из них что надо. Но заносчивости в них не меньше, чем умения, а посему... Почему бы и нет? Тем более, не насмерть же биться будем. По идее.

Отдав подошедшему красавчику широкий пояс с ножнами и кошельком, сир Жопошник вышел на арену, поигрывая посеребренным мечом. Друзья да родственники заканчивающих подготовку авантюристов, наравне с зашедшими на огонек зеваками уже вовсю бились об заклад. И судя по ставкам, дубина в моей руке не вызывала у них энтузиазма.

— Выкини эту срамоту и держи! — у ограды возникла глава гильдии с протянутой шпагой. — Поблагодаришь позже.

— О, не сомневайся, я тебя так поблагодарю, неделю ходить не сможешь!

Подписала на черте что, а теперь что-то за благодарность втирает. Настоящая аристократка! По-любому младшая дочь какого-нибудь барона или, хотя бы, поместного рыцаря.

— Не дури! Конечно, Клебер не лучший рыцарь, но... Тебе прошлого раза не хватило? Что ты своей палкой сделаешь?

— Ты на мою палку не пеняй, не пробовала еще! А зубочистку оставь себе. Далась она мне...

Был бы меч хороший, топор какой-нибудь, или копьё, я бы еще согласился. Но шпага? Я ее и в руках-то ни разу не держал да и встречал всего один раз. Ну, в самом деле, кто в такой ответственный момент возьмется за незнакомое оружие? Она совсем дура?

Поглядев на меня недоверчивым взглядом, блондинка все же уступила. Убрав клинок в ножны, она встала перед зрителями:

— Показательный поединок между представителем гильдии известным как «Себастьян Перейра» и сиром Филлибердом Клебером «Ловким» из дома Клеберов! Поединок длится до первой крови! Все участники готовы?

— Довольно слов. Не на турнире... — процедил рыцарь, нетерпеливо крутя рукоять с красивой гардой, отчего блестящий клинок описывал в воздухе вычурные полукруги.

Каким бы охреневшим зазнайкой он не был, но с оружием обращаться умеет... Может ну его нафиг?

В устремленных на меня янтарных глазах Фальшивки появилось нечто похожее на беспокойство. Она будто пыталась сказать: «последний шанс отказаться». Блин, у нее биполярка или обо что?! Сама же подписала! Могла бы хоть удачи пожелать или еще чего, а не пыриться как на покойника. И без того очко играет...

Ай, да пофиг!

Плюнув и поглядев на противника, я решил:

— Да готов-готов. Поехали уже.

Глава горько вздохнула, и дала отмашку. Едва ее изящные ладони сложились в едва слышном хлопке, как в мое лицо метнулся остро заточенный клинок. Отменная реакция. Но бесполезно.

Швырнув дубину в лицо неприятелю, я одним движением выхватил из-за пояса кинжал и как следует, полоснул по накрахмаленному рукаву. Блеснувшая кровь бесповоротно запачкала дорожную ткань. Рыцарь недоверчиво схватился за раненую руку.

— Накося-выкуси, придурок средневековый! Думал, что я реально буду дубиной против меча махать? А хреном тебе по всей роже! — не удержался я от подначки.

Толпа же разделилась на два лагеря: большинство плевалось и тянулось за кошельми, меньшинство же восторженно потирали руки, оживленно тыкали в меня пальцами, а парочка авантюристов даже аплодировала. Но лучшей наградой стала пара удивленных медовых глаз и едва уловимая улыбка. Фальшивка глядела на меня, будто я только дракона уложил.

Момент триумфа был прерван резкой болью в боку. На одних лишь инстинктах мне удалось избежать прямого удара и вместо пробитой печени, отделаться глубоким порезом.

— Бой окончен! Сложите оружие!!! — завопила глава гильдии, но ее никто не слушал.

Рыцарь, — потому что твердо вознамерился меня укокошить, а я, — потому что не хотел быть укокошенным. Получалось так себе. Простенький кинжал слабо годился для борьбы с длинным клинком разбушевавшегося недомерка.

— Это отучит тебя... — зашипел он, едва не отрубив мне руку. — От низких трюков... — клинок просвистел у самого уха. — И подлых уловок!

Мне очень хотелось возразить и заявить, что от уловок меня даже встреча с Камазом не отучит, но рассудок возобладал над неуместным юмором. Я имел только один шанс и вовсе не собирался его упускать. Он ведь хочет грохнуть меня как можно быстрее? Иначе придется признать, что какой-то наемник заставил попотеть офигенно крутого рыцаря, верно? А значит, он вот-вот совершит какую-нибудь ошибку...

Недоносок сделал одно очень знакомое движение. Ловко крутанувшись, он устремил острие меча прямо в мою грудь. Так же, как и когда-то сделал красавчик. За неимением в руках дубины, пришлось импровизировать.

Отклонившись я едва-едва избежал смерти, в последний миг уводя посеребренный меч клинком дешманского кинжала. Еще чуть-чуть и он бы меня насквозь проткнул! Впрочем, это уже не важно.

Рыцарь попытался отвести оружие для нового выпада. Он дернул рукоять один раз, дернул два, три... Но меч не слушался. Наконец, в глазах взбешенного ловкача мелькнуло озарение.

Плотно прижимая клинок локтем, я крепко держался за крестообразную гарду его меча. Несмотря на разрезанные кармашки, лезвие зажатое между рукавом и стеганкой было не опаснее палки.

Кулак метнувшийся в лицо так же был не в новинку и я вовремя перехватил его свободной рукой. Память о ловких ногах противника удержала меня от бахвальства и траты времени попусту.

Поглядев в недоверчивые глазенки Клебера, я молча протаранил лбом рыцарский нос. Раздался звонкий хруст, блеснули брызги крови, и, словно потерявший опору столб, мужчина завалился на спину.

Поглядев, как благородная задница нежится на песке родной арены, я утер вновь закровоточившие ладони о штаны. Поскорее бы уже эти ожоги зажили...

Напоминая стайку сурикатов, притихшие зрители, сбились в кучку, и ошарашено глядели то на меня, то на валяющегося Клебера. Казалось, что еще чуть-чуть и их шокированные взгляды обретут материальную форму.

Я хотел встать в позу по-брутальнее да сказать чего по-пафоснее, но передумал.

Если честно, то было близко... Этот трюкач меня раз десять едва не заколол! И нафига я согласился? Впрочем, сияющая и искренняя улыбка Фальшивки была неплохим утешительным призом. Хотя...

Кто отменял третье правило?

Я пожал плечами:

— Вчера караванщики, сегодня рыцари, про завтра и думать страшно... Растем над собой, как хрен над землей.

Ничуть не стесняясь чужих взглядом, я принялся шарить по закромам вырубившегося рыцаря.

Карманов у рыцаря не оказалось. Да и в сапогах ничего не нашлось. Даже меч забрать не дали... Ладно хоть глава, сжалившись над моими потугами, сунула десяток «розочек» за «образцовое выступление». Дала бы и больше, ибо курс завершен, но контракт регистрировался на инструктора, а старый хрыч так и не явился. Небось, опять в каком-нибудь борделе оттягивается. Ну, да и хрен с ним, завтра заберем.

Солнце уже село, и старый район освещался лишь огоньками шалашей, лампами пары бегущих куда-то стражников и заревом пожарища. Поморгав сонным глазами, я заспешил дойти до конца пропахшего мочой переулка.

Близкий сердцу клоповник напоминал филиал крематория. Языки пламени, вырывающиеся из пустых оконных проемов, смешивались один с другим, образуя здоровенную свечку, нахалюву освещающую весь район. Вокруг горящего здания толпились местные бомжи, зеваки, стражники и все кому не лень. По толпе вовсю сновали проститутки, то и дело уводя найденных клиентов в переулки да хибары. Похоже, тушить пожар никто не собирается...

Прикинув, что левое крыло еще не разгорелось, я, игнорируя недоуменные взгляды толпы, ломанулся к ближайшему окну. За спиной раздавались крики. Девичий голос громко звал какого-то «Себастьяна».

Выходит, в здании кто-то остался...

Плюнув и шумно выругавшись, я подбежал к еще не разгоревшейся части здания и уставился на пламя сквозь оконный проем. От вида бушующего огня и запаха дыма, в голове крутились картины о забившейся под кровать малявке, кашляющей дымом Аллерии и моем несчастном кителе. Моем милком, старом, потертом кителе...

Нет уж, не в мою смену!

Запрыгнув на подоконник, я ломанулся по затянутой дымом кухне, то и дело спотыкаясь о лавки. Найдя кем-то оброненный платок, я от души полил его дешевым пойлом из ближайшей бутылки и обвязал вокруг лица. Помнится, в детстве мне хотелось стать пожарником? Мечты сбываются... Особенно у идиотов!

Что не день, то приключение. Утром рыцаря избеи, вечером идиотов из пожара доставай. А ведь пока Аллерия не появилась, моя жизнь была куда спокойнее. Ну, насколько это вообще возможно для наемника.

— Себастьян!!! Ты оглох?! Какого овса ты делаешь?! Белены объелся?! А ну вылезай, болван полоумный!

На улице, через пустой оконный проем маячила знакомая копна крашенных волос. Недоверчиво поглядев на Аллерию, я еще раз обернулся на полыхающий коридор и пожал плечами. Так вот кто «Себастьяна» звал... А я думал они там от дыма задыхаются.

— Ну и имечко выбрал, блин. — чертыхаясь и отбивая колени о лавки, я полез наружу. — Надеюсь, у нее хватило мозгов вытащить мой китель. Иначе заставлю новый рожать...

Глава 8: Шпагой в глаз

— Короче, ты точно уверена, что никто ничего не поджигал, а во всем виновата та старая печка для нагрева воды?

Совпадение, конечно, допустимо, но уж слишком слабо верится.

— Да почему мне знать?! Огонь вспыхнул в купальнях, вот и все! Ты лучше ответь, как так вышло, что все это время у тебя было нормальное жилье, но ты держал нас в блудном доме?! — никак не унималась Аллерия.

Шагая по ночной улице, я остановился возле небольшого, но вполне приличного домика. Да, вроде тот самый.

— В борделе. Здесь их называют борделями. — пожал я плечами.

Тускло освещенная дорога была пуста и безлюдна.

— Да плевать! Ты хоть понимаешь, какой это позор? Что скажет сир Аарон, когда узнает, что я держала нашего сюзерена в компании распутниц да пьяниц?! Да он меня со стены сбросит!!! К седлу привяжет и будет пощечно возить, пока одни уши не останутся! — блестя доспехами из под заляпанной застарелой кровью робы, никак не унималась Аллерия.

— А мне там нравилось... — тихо заметила малявка, сжимая кнутовище на манер плюшевой игрушки. — Когда вернемся, я велю построить свой бордель с друзьями и плетками!

Блин, достали!

— Скажет что ты дура! И будет прав, ибо только дура станет орать посреди ночи на всю улицу! Заткнись нахрен! — я забрался по низким ступенькам и заколотил в дверь.

— И все равно я не понимаю, почему ты сразу...

— Сейчас все поймешь. — пообещал я и из-за двери послышался глухой стук деревяшки о половицы.

— Кого бес принес?! Кто там ночью приперся?!

— Сто грамм! Наливай... Тьфу, открывай!

Из-за двери показалась красная морда инструктора. Судя по хмельным глазкам, времени он зря не терял:

— Четвертый? — недоверчиво моргнул он. — Чего тебе надо, бестолочь окаянная... — недовольная тирада оборвалась, едва он заметил моих спутниц.

— Молодое пополнение привел. Двигай, че встал! Это и мой дом тоже!

Не то чтобы мне так хотелось грубить старому пьянице, но куковать на холоде желания не было.

— Располагайтесь. — я обвел рукой небольшую прихожую. — Есть две спальни, кухня и даже на сортир с купальной расщедрились! С водопроводом, должен заметить!

Прихожая демонстрировала небольшую печку, простенький стол, да пару пустых книжных полок. Так себе роскошество, конечно. Но, как бы ленивый хрыч не старался все изгадить и заставить пустыми бутылками — все же не клоповник.

Конечно, сперва гильдия просто выделила пару жилых комнат на втором этаже. Но после закидонов старого извращенца в гильдейской бане, быстренько передумала и переселила нас в недавно отремонтированный домик на соседней улице. Однако жить с наставником под одной крышей было тем еще приключением... Короче, в бордель я свалил не просто так.

— Добрый вечер, дядя! — поприветствовала малявка старика, зайдя вслед за Аллерией.

— Д-добрый вечер, прельстивая княгиня... Не ожидал вас здесь увидеть.

— Ваш копчик больше не болит?

— Н-нет, вовсе нет... Все в полном порядке, дражайшая сударыня.

Секундочку...

Старик нервно поглядывал то на плетку в руках девушки, то на меня. И тут я, наконец, понял, куда этот старый пень пропадал последнее время.

— Так это ты у нас щедрый любитель малолеток? Значит, на кольчугу денег не было, а на бордель нашлись? А ну иди-ка сюда...

Он резко замотал головой и спрятался за недоумевающей брюнеткой.

— Иди сюда, козел одноногий! Всех официанток перетрахал, так за подростков принял?! — Сердцем клянусь, я ее и пальцем не тронул! Почему мне было знать, что она твоя?!

— Сердцем клянусь, я ее и пальцем не тронул! Почему мне было знать, что она твоя?!

Пытаясь отвязаться от пристроившегося позади старика, Аллерия вопросительно подняла руку:

— Кто-нибудь объяснит мне вокруг чего весь сыр-бор...

— Еще бы ты ее тронул! — я запустил в извращенца подвернувшейся деревянной кружкой.

Та пролетела мимо и шумно впечаталась закрытую на засов дверь.

— Тогда за что?!

— Было бы за что, вообще бы убил! А ну, дай сюда! — я выхватил плетку из рук малявки и быстро отпихнул

Аллергию. — Нравится, когда тебя кнутом охаживают?! Любишь острые ощущения?! Готовь сраку, у тебя сегодня праздник!

— Не надо!

— Надо, крендель старый, надо!

Вопреки нечеловеческим усилиям, ускакать на деревянной ноге он так и не сумел. Под блеск пары бездонных голубых глаз да залиvistый детских смех плетка со свитом впечаталась в мешковатый старый зад.

Два года его закидоны терплю! Достал уже, извращенец хренов!

— Приболел? — светлая бровь Фальшивки скептически уставилась на меня.

— Ну да, продуло. Теперь все тело в горошек. Ну, в пятнах красных. Ничего страшного, завтра пройдет. Наверное. — я потянулся к графину на столе, но шлепок по руке намекнул — мадам не в духе.

— В таком разе, награду он сможет забрать сразу же как поправится. — заявила она и наполнила свой стакан кристально чистой жидкостью.

Утреннее солнце лениво освещало просторный кабинет, роскошь и чистоту которого портил крепкий запах перегара. Она всю ночь бухала что ли? Могла бы и пригласить...

Опустошив стакан и резво закусив какой-то печенькой, блондинка наконец заявила:

— И на каком основании я... То есть, гильдия, должна и впредь обеспечивать вас жильем?

— Из-за того, что вчера втравила меня в блудняк с тем рыцарем? То есть... А с чего ты решила, что я здесь за этим? Я же просто так зашел!

— А зачем же еще ты мог зайти? Уж явно не ради моей компании...

Странно, но в ее голосе послышался намек на грусть.

— Без наставника ты денег не получишь, о чем было говорено вчера. Милая твоему сердцу конура выгорела, похоже, от чересчур жаркой ночи. А актрисулька, стало быть, приютить не спешит. И потому ты явился клянчить предпочтений у старой доброй меня... — она впиалась в меня холодным взглядом. — Так банально, что зубы сводит...

— Ничего ты и не старая. Тебе лет-то всего...

— О, актрисульки не хватило, так ты и ко мне лезть продолжаешь?!

— Да я вроде и не начинал. Далась ты мне... — крепко стиснутые челюсти заставили быстро прерваться и сменить тему.

Вопрос о неизвестной «актрисулке» вызвал целый фонтан возмущения и неодобрения моего вкуса к женщинам:

— Провинциальная моська, посыпанная пудрой в надежде придать себе благородной бледности. Игривые губки, окрашенные в пурпур волосы, похотливые глазки, и эта безвкусная юбка... Я была о тебе лучшего мнения! — девушка вновь залила в себя полный стакан.

Я украдкой отодвинул графин подальше. Таким темпом она любого прапорщика перепьет!

— Что?! Нравятся беззастенчивые клуши?! Любишь когда этим тычут?! — Фальшивка бесцеремонно закинула ногу на стол, демонстрируя то ли черные туфли, то ли колготки. — Так занимайся этим в другом месте! Нечего в моей гильдии бесстыдство устраивать! Комнату себе снимите! Или кабинет! Проклятье, да где графин?!

— Да выпила уже... — я нервно потеревил стеклянную емкость зажатую между ног.

— Да?! Ну, тогда проваливай! Скотина вероломная! Все надежды мне порушил! Прямо в душу плюнул... — она попыталась швырнуть пустым стаканом, но передумала на полпути.

Я быстро кивнул и заспешил как можно быстрее предоставить разбушевавшуюся дуру самой себе. То ли перепила, то ли просто башней двинулась. Ну, ее нафиг, одним словом.

— Постой! — окликнула она, и устало вздохнув, продолжила, усиленно массируя виски. — Дом будет и дальше предоставлен в ваше распоряжение, но при одном условии...

— И каком же?

— Придешь сегодня вечером после закрытия регистрации. Дальнейшее будет зависеть от тебя. — она приблизилась к буфету и извлекла новую бутылку. — А пока, — свободен!

— погоди, ты меня че, в койку затащить вздумала?! Типа, жилье через постель, да?

Не то чтобы я был сильно против, но так сразу? Может сначала цветы подарит, да в кино сводит?

— Свободен!!! — запущенный в меня стакан с истеричным звоном разбился о захлопнутую дверь.

Фух, еле успел! В честь чего у нее заскоки? И вообще, какое ей дело до того, кто там кого и где трогает?! Вот дурная...

Спустившись по лестнице, я подошел к регистрации. Мало-ли, может хоть контракты какие есть.

— Нет, сегодня тихо... Волки ночью овец у мельничного холма погрызли, да и только. Из рабочих контрактов осталось... Телеги от ворот везти. Если хочешь, могу вредителей в канализации оформить, как тебе?

— Нет уж, обойдусь.

Поглядев на полупустой зал, регистраторша отложила книгу и принялась болтать о том, о сем. Речь быстро зашла о главной проблеме для любого работающего человека — начальстве. Блеснув очками, и воровато оглядевшись, она поведала мне о причине запоя у главы.

Мол, официантки болтают, будто она когда-то была с Клебером помолвлена. Если честно, мне вообще по барабану кого там с кем обручали, но это хотя бы объясняет их явную неприязнь друг к другу. Хотя... Не, бред какой-то. Он же ее старше лет на десять. Впрочем, для местных это вроде норма... Ай, да пофигу!

Проявив всю тактичность на какую был способен, я объяснил регистраторше, что ее сплетни мне в хрен не тарахтели да двинулся в город.

Несмотря на ночной пожар, в старом районе нифига не изменилось. Даже родной клоповник работал. Обломки и мусор перенесли подальше, завесили крышу, и окна чем попало и вот — до боли знакомый хохот и фальшивые стоны раздаются на всю округу. Видимо, за услуги местных нищелюбов по починке здания решили расплачиваться натурой.

С одной стороны, хорошо, что без жертв обошлось, а с другой, ничему жизнь людей не учит. Опять свои тряпки над печкой сушат, курицы полоумные.

Не желая лишней раз попадаться на глаза хозяйке, я, нехотя поздоровавшись со знакомым водоносом, прошел вдоль обгорелой каменной стены.

Пожары в городе случаются регулярно. Этот же самый бордель, как говорят, уже три раза горел. Опрокинутая лампа, разбитый масляной фонарь, пьяный дурак увидавший факиров и решивший «я тоже так могу!». Но в этот раз что-то не так. Слишком много совпадений.

Завернув за угол и дойдя до самой погоревшей части дома, я уставился на аккуратное сквозное отверстие в стене толщиной с палец. То ли камень дрелью сверлили, то ли кумулятивом поработали. Поглядев на черные разводы во всю стену, я лишь покачал головой. Дрелью тут и не пахнет...

А теперь, викторина — кто, как, чем, и зачем? Очередная куча бесполезных вопросов, на которую непонятно где искать ответы. Лучше бы не смотрел...

Кому понадобилось поджигать клоповник? Обиженному клиенту? Красному плащу, заметившему Аллерию? Или вчерашнему рыцарю, решившему таким образом со мной покончить? Кстати, последнее более-менее подходит. Только вот, как ему это удалось? И почему он просто не нанял забулдыг, чтобы те подкараулили меня в переулке?

— Чушь какая-то...

Плюнув, я двинул обратно на площадь. Мало-ли, может пока я спал, местные кумулятивные гранатометы изобрели?

Однако на лотках громоздились все те же тупые гвозди, свежие яблоки да корзинки с речной рыбой или зеленью. Взгляд цеплял, разве что, какой-то седой полудурок в лохмотьях, пытавшийся всучить молоко единорога недоверчивым покупателям.

— Ты его с кобылы, али с жеребца сжеживал? — то и дело раздавался один и тот же вопрос, от проходивших мимо остряков.

Заприметив на одном из прилавков резные фигурки, изображавших то чудищ, то героев, я уточнил цену и, быстренько сторговавшись, уже собирался приобрести парочку для малолетней герцогини, как вдруг замер.

Поблескивая фенечками в волосах, из ниоткуда возник красавчик. Его решительная походка и устремленный на меня взгляд, заставили невольно напрячься. Неужто за родича отомстить вздумал?! Сначала бордель подпалил, а теперь и меня заколоть решил?! Ну, я ему сейчас...

— Сир! — воскликнул он, молниеносно грохнувшись передо мной на колени. — Дозвольте мне служить вам!

— Ч-чего?

— Дозвольте мне служить вам!!! — заорал он так, что аж уши заложило.

— Я слышал, придурок! Я спрашиваю, какого хрена ты делаешь?!

— Прошу у вашей милости чести служить...

— Я не про это! Я про... Да встань ты уже, обморок! Люди же смотрят! — чуют на себе внимание всей площади было в новинку.

К счастью, пацан пожалел мои нервы и встал на ноги. Но пыла у него не убавилось. Под заинтересованными взглядами лоточников, он вновь заладил:

— Так вы согласны взять меня, сир?

— Ты баба что ли, чтобы я тебя брал? И какой я тебе «сир»?

— В салоне вы спасли нас от чудовища! На арене же, вы дважды одолели рыцаря! Да присутствуй в городе хоть один лорд, вам бы немедленно пожаловали личный герб!

— Ага, а потом догнали и еще раз пожаловали... — проворчал я, глядя на какого-то огромного бородача,

заинтересовавшегося «молоком единорога».

Если я что и узнал о местных феодалах за эти два года, так это то, что они и на гаубичный выстрел не подпускают к себе таких как я. То ли классовую сознательность проявляют, то ли просто брезгают... И в кого он такой наивный?

Заметив мой скепсис, симпатия сменил тактику:

— Оруженосец может быть не только у рыцаря! Верные спутники бывали и у разбойных баронов и капитанов наемников и...

— И мне они нафиг не всрались, спасибо. — быстро расплатившись за игрушки, я развернулся и двинул дальше, стараясь не замечать чужие взгляды.

Много он о наемниках да разбойниках знает... Идиот фанерный.

Черт, как про капитана вспомнил, так сразу грустно стало! Мда, хреново все с отрядом вышло... Расслабились, прощелкали засаду. Ай, ладно. Поздно уже голову пеплом посыпать.

— Пойдите же! — парень быстро поравнялся со мной. — Я уже служил и пажом однажды прислуживал оруженосцем на турнире! Я могу многому вас научить и...

— Отлично. Научи меня не докапываться до людей, лады?

— Я могу чистить вашу кольчугу, ухаживать за конем, точить и ремонтировать ваш меч...

Он осекся, столкнувшись с моим недоуменным взглядом.

— Ну... Не конь и меч делает рыцаря. Наверное... — несколько ступевался он и тут же опомнился — Я могу заплатить!

Толщина протянутого кошель заставила меня нервно сглотнуть.

Остановившись, я прочистил ухо. Не знаю, можно ли считать это за контракт, но второе правило есть второе правило. За грош, как говорится...

— Так, пацан... А вот с этого места можно и поподробнее!

Ни в какие оруженосцы я его не возьму, но лишний раз надавать по наглой жопе, под предлогом обучения — сколько угодно! Тем более, раз уж он сам просит.

— Сир!!! — воскликнул он и снова рухнул на колени, преданно заглядывая мне в лицо.

Блин, какой-то он слишком восторженный... Я конечно понимаю, что его тот ловкий рыцарь подослал, дабы ко мне в доверие втереться, но пацан явно переигрывает.

Поглядев в засиявшие глаза паренька, я начал спешно прикидывать, чем бы его занять. То ли отправить траву красить, то ли одуванчики рвать, а может... О! Точно! Эх, не зря я тогда у десантников гостил, ох не зря...

Зевающая официантка, покачивая хвостом и блестя шикарным декольте, расслабленно дернула плечиками:

— Там... — она ткнула в дверь, ведущую во двор, и снова широко зевнула, демонстрируя острые клыки.

Опомнившись, грудастая коротышка спешно прикрыла рот пушистой лапкой и виновато улыбнулась.

К моему разочарованию, в здешнем мирке не водится ни эльфов, ни гномов, ни прочих хоббитов. Зато есть кошководки и кошкомужики на любой вкус. От едва отличимых от людей лишь за счет лишних ушей и коротких хвостов, — до натуральных гуманоидных кошатин с соответствующими атрибутами, вроде усов и короткой шерсти по всему телу.

А эта бледноволосая барышня, стало быть, нечто промежуточное. Ноги и лицо, вроде, нормальные, но вот вместо кистей — пушистые лапки с коготками.

Уверен, куче моих земляков определенно бы понравилось такое разнообразие здешнего общества, но только не мне. Из-за физической слабости и отклонений, типа вот этих лапок, ушастые вынуждены трудиться на неприглядных должностях, типа шлюх, поденщиков или вообще вора. Этой еще повезло — в гильдию устроилась, хоть и официанткой. В принципе, это вершина ее карьеры.

Ну да ладно. Пару поколений назад их и вовсе в рабстве держали. Вроде бы.

Заметив мой сочувственный взгляд, ушастая смущенно улыбнулась и снова стрельнула глазками в дверь:

— Ты бы Фальшивкой поаккуратнее... Она уже час тебя дожидается.

По мне так пусть и дальше ждет, но халявное жилье есть халявное жилье. Если ради всеобщего благополучия и крыши над головой малолетней герцогини, мне придется трахнуть какую-то стройную, красивую блондинку прямо во дворе, то... Чего не сделаешь ради детей, верно?

— А ты не спешил. — процедила Фальшивка, вставая с лавки у высокой каменной ограды.

Брошенные в мои руки ножны с тупым мечом убили все надежды на приятный вечер.

— Слушай, может, вернемся к варианту «через постель», а? Я и вина купил.

Блеснувшая в свете разожженной жаровни толстая игла замерла в считанных миллиметрах у моего глаза.

— Зачем ты здесь?

— Дык ты сама же звала! — острая боль в щеке подсказала: ответ неверный.

Ощупывая свежий порез, я недоуменно пялился на сбрендившую блондинку, которая обходила меня по дуге, не своя обогрелой кровью шпаги.

— Спрашиваю еще раз — кто ты такой?

Стиснув ножны покрепче, я в очередной раз зарекся иметь какие-либо дела с полоумными женщинами.

— Ну, явно не подушка для булавок... — сплюнув, я повторил старый трюк и швырнул ножны ей рожу.

Однако, каким-то непостижимым образом, она умудрилась принять мой клинок на гарду и до хруста заломав мне кисть, немедленно перейти в атаку. Результатом стала острая боль в запястье да холодная сталь, царапающая шею.

— Отвечай на вопрос! Я по горло сыта твоими ужимками!

— Значит жри поменьше! Что за викторина для мазохистов?! Убери шпагу!

Острие больно впивалось в кожу, а невозмутимость медовых глаз откровенно пугала. Может у нее красные дни?

— Последний шанс — зачем ты здесь?

Где?! Во дворе? В гильдии? В наемниках? Или на этом проклятом шарике, затерянном среди миллионов иных планет?! В любом случае, ответ один:

— Да не знаю я! Че прикопалась?!

Давление с шеи исчезло. Отведя клинок, блондинка кивнула:

— Уже теплее. Продолжай.

— Тебе-то какое дело? — болезненно морщась, я ощупывал место пореза.

— Мне? Никакого. А вот его милости, барону Робусте, будет очень интересно узнать, с кем же водит знакомство его дражайшая племянница.

Поглядев на кривую усмешку Фальшивки я не сдержал протяжного стога:

— Ну епт твою мать... Вот же дура крашенная!

И как эта рыцарша вообще до города добралась?! С такими умственными способностями, ее должны были повязать еще у замковой калитки! Надо было ее к кровати привязывать...

— У гильдии есть свои методы сбора сведений — леди Аллерия тут не причем. Не нужно быть инспектором, чтобы сложить слухи об исчезнувшем присяжном рыцаре и кавардаке в Молочном замке. Рыщущие в поисках некоей высокой воровки гвардейцы барона, пара загадочных компаньонов, составивших компанию странному наемнику и его пожилому напарнику... Если вкратце, то это слишком очевидно, чтобы объяснять. Итак... — поправив длинную косу, она присела на лавку и призывно похлопала рукой. — Ты, кажется, принес вина?

Вздыхнув, я уселся на предложенное место и, вынув из-за пазухи флягу, молча приложился. Последовавшие вопросы были один тяготнее другого. И если пересказ истории о паре красных плащей, незнакомой блондинке да зарезанной малявке дался легко, то вопросы личного характера шли туго.

— Ты легко мог соврать или придумать целую телегу иных уловок, дабы получить обещанную награду... Но вместо этого врешь сейчас. Я никогда не поверю, что у наемника могут быть принципы или чувство долга. Вернемся к главному вопросу — кто ты такой?

— Да какая тебе разница?! Чего прикопалась?

Холодная ухмылка на изящных губах начинала раздражать похлеще потока дурацких вопросов.

— Ты выглядишь как северянин, но проблем со стражей не имеешь, значит не беглый. Наград за твою голову не поступало, выходит и не преступник. Твои замашки даже по меркам снеговиков кажутся вульгарными, что не похоже ни на благородного, ни на выроodka. — она сделала большой глоток из фляги.

— Ну и чего? Мало ли таких?

— Зазнавшихся придурков или безмозглых индюков? Полно. Да только мало кто из них знаком с грамотой, науками и здравым смыслом. С последним и у тебя имеются проблемы, однако же, не от каждого веет столь мощным ароматом дисциплины и чувства долга... — она шумно втянула воздух и вновь уставилась на меня немигающими глазами. — Девушки любят тайны и загадочных мужчин, но боюсь, сейчас не время до этого.

— Видимо, сейчас время задолбать меня до смерти. Что тебе от меня нужно? Нафига звала? — ее высокопарные речи уже порядком меня достали.

— Главе гильдии приходится переживать не только о крысах, волках, да сумпурнях с детоедами. И я хочу... — в ее голосе погасли все намеки на смешливые нотки. — Мне нужно точно знать, в какой степени тебе можно доверять? Ты та самая заветная мечта любого управляющего гильдией или ты просто очередной проходимец, загрезивший о подвигах?!

А-а-а! Вот она о чем! Тьфу, могла бы сразу сказать!

— Нет уж, хватит с меня подвигов! Мне бы чего попроще. Ладно, я понял, к чему ты клонишь.

— Вот как? — скепсис на ее лице заставил скрежетать зубами.

— Жопой об косяк! Не знаю, какое тебе дело до малявки, но можешь быть уверена, никто ее никуда не сдаст.

— Не считая старой доброй хозяйки борделя, которой ты так наивно доверился. Думал, твои жалкие полсотни «роз» смогут пробудить в ней благородство? А можно было обойтись куском красной парчи, да короткой запиской, как поступила я. Однако, я не к тому веду. Если ты решил поиграть в закулисные интриги здешних лордов — воля твоя. Я же с этим покончила...

Поглядев на Фальшивку, я вдруг понял, что вижу ее впервые. Это не симпатичная блондинка в униформе, не глава местной гильдии и даже не пьяница. Это долбаный особист в юбке! НКВДшник в туфельках да с длинной косой!

— Можешь уже отмереть и оставить благодарности при себе. — она закинула ногу на ногу, играясь с каблуком на земле. — Я не желаю зла ни тебе, ни юной герцогине. Меня занимают куда более важные проблемы, и если ты хочешь и дальше рассчитывать на помощь гильдии, тебе придется предложить кое-что взамен.

— Это что же?

— Себя, мой милый загадочный актер, себя. Ты, как-никак, обязан мне жизнью. — она вновь обратила ко мне свой «что же ты за зверь такой?» взгляд.

Покачав головой, я мигом допил остатки фляги. Сдается мне, об услугах интимного характера речи не идет. Это она, типа, меня завербовать вздумала? И все эти пространные диалоги, назначение на регистрацию да томные взгляды — лишь способ понять, как бы получше меня использовать. Только вот, ради чего? Может спросить? А она признается? Не похоже..

— А теперь... Можешь рассказать мне, что такое «демон»? — достав из-за пазухи дорогую тонкую фляжку, девушка резко опрокинула в себя добрую половину.

Хоть бы угостила!

— Демон, это тот, кто приглашает на ночные свиданки, но нифига не дает! А, не погоди... Это же «сука»!

Терпеливый блеск пары красивых глаз маякнул — шутками не отделаешься. Выходит, барышня заинтересовалась земной мифологией? Ну что же...

Вздыхнув, я принялся вспоминать отрывки из Библии, которые встречал в голливудских фильмах. Главное, с самими фильмами не напутать, а то память у меня уже второй год чудит.

Глава 9: Занимательная физика

Ночью ей снова снился огромный северный топор, обезглавленное тело, хлюпающая по ступеням голова и буря восторженных оваций. Однако в этот раз, кажется, позади толпы прыгали какие-то «световые мячи».

Проснувшись в поту, она оглядела залитый солнечным светом кабинет. Не считая запаха алкоголя и стеклянных осколков у двери, все было как обычно. Вздохнув, девушка нехотя поднялась с постели и уселась перед большим зеркалом.

— Только детей пугать... — охарактеризовала она свой внешний вид и, взяв с полки расческу, принялась приводить себя в порядок.

Непослушные светлые пряди, длинная заплетенная коса, и заспанные янтарные глаза угрюмо отражались в слегка неровном зеркале.

Давно заученными движениями расплетая и вновь заплетая волосы, девушка в очередной раз пожалела, что не родилась мужчиной. На ее родине, те, в знак траура лишь не стригут бороду, а не возятся с этим огромным конским хвостом, от веса которого каждый вечер девичья шея норовит вот-вот треснуть.

А срезать рука не поднимается... Еще и рубашку за ночь помяла! Опять забыла раздеться! А все из-за этого паршивого наемника! Или кто он там, на самом деле? Уж не инспектор ли? Впрочем, маловероятно. Нечего инспектору в Грисби делать. Если только он не хочет быть насаженным на северное копьё, разумеется.

Шумно выдохнув и помассировав виски, девушка отложила расческу.

Завершив утренний туалет, и, насколько возможно, приведя себя в порядок, она разожгла масляную горелку под большой жестяной кружкой. В ожидании бодрящего вкуса заморских черных зерен, глава гильдии привычно угнездилась на подоконнике, забрав ноги под себя.

Учебная арена во дворе гильдии разочаровывала своей пустотой. Без порции кривляний, примитивных шуток и задорных трюков, девушка почувствовала себя одинокой.

— К хорошему быстро привыкаешь... — задумчиво протянула Эмбер.

Побаранив пальцами по полированному дереву, она не выдержала и не дожидаясь пока зерна как следует сварятся, выпила едва теплое варево. Гадкого горького вкуса оказалось достаточно, чтобы быстро переодеть рубашку и, накинув туфли, спустится в вниз.

При виде управляющей, гильдейский зал переменился. Официантки мигом позабыли про флирт, утренняя очередь смущенно притихла, вытягиваясь в идеально ровный ряд, а регистраторша, блестя очками, профессионально зашуршала бланками.

— Происшествия?

— А? А! Нет-нет, все порядке! Все замечательно! Все отлично! Все... Ой! Извините, я мигом! — нервная брюнетка скрылась под стойкой, в поисках улетевшего бланка.

— Не торопись. — осторожно покачав головой, дабы ненароком не сбросить заплетенный «якорь» с плеча, глава гильдии отправилась осматривать свои владения дальше.

Как и в любой иной день, зал отделения был скуп на зрелища. Прыщавый и неказистый с виду парень, смиренно принимает выволочку от высокой рыжей девушки. Поблескивая железным жетоном, на лавке у стены спит незнакомый копейщик. Широко растопырив обтянутые в кожаные штаны ноги, он то и дело постанывает, бубня что-то про «прочистку шорохов». Новенькая официантка вновь украдкой пытается дать скидку понравившемуся авантюристу.

Уже намереваясь разобраться с транжирой, глава вдруг ощутила грубое прикосновения ниже бедра. Опустив взгляд, она обнаружила скалящегося мужчину в выцветшей дорожной одежде.

И кто пустил караванщика? Опять новенькая?

— Будь душкой, принеси мне еще этой забродившей гадости! — поигрывая грязной бородой и опухшим носом, незнакомец звякнул пустой кружкой.

— Разве я похожа на обслугу?

Пьяные глазки задумчиво сузились, и на его лице отразилось просветление:

— Шип мне подругу, так это тебя Фальшивкой кличут?! — парень вновь потянулся рукой к ее узкой юбке. — Присаживайся, составь мне... А-а-а!!! Ты что творишь, тварь?! Пусти!!!

Вместо нежных бедер, его кисть оказалась крепко стиснута в девичьих пальцах:

— Столовая гильдии обслуживает лишь авантюристов... — с хрустом мужской палец встает под неестественным углом. — Заказчиков... — средний переламывается пополам. — И временно нанятых контрактников...

От треска ломающихся костей, зрители в зале болезненно морщатся и старательно отводят глаза, стараясь не замечать протяжные вопли мужчины.

Отпустив изуродованную кисть, глава достала из кармана серебряную монету и небрежно обронила ее на пол: — На аптекаря.

Недовольно осмотрев притихший зал, девушка закинула на плечо соскользнувшую косу и зашагала обратно к лестнице.

Снова шептаться станут. Сплетни распускать. К обеду весь город возьмется судачить, какая же она дрянь, и что ее давно пора вслед за отцом пустить на корм титанам... Деревенщины!

Зайдя в кабинет, Эмбер вновь заполнила почерневшую от копоти кружку зернами и залил ее водой, чиркнула огнивом. Едва под помятой за ночь юбкой скрипнуло кресло, как дверь отдалась тихим стуком.

— Войдите!

Скрипнув петлями и пройдя по ковру, у стола остановилась полная девушка в синей униформе. Положив бумагу на стол, она доложила:

— Смета за вчерашний день и... И... — качнув кошачьими ушками, низкорослая кассирша вынула из объемной груди небольшой запечатанный сверток и положила его на стол. — Отчет от внештатного сотрудника.

— Ясно, я займусь. Можешь идти.

— И еще кое-что... — вставила сотрудница и, качнув пушистым хвостом, заговорщицки наклонилась. — Говорят, будто ваш наемник утром бучу на площади устроил! А в обед еще у северных ворот отличился! Казнь отморозкам сорвал, представляете?!

— Мой? С какого овса он... Погоди, в обед?! — глава ошарашенно обернулась на окно. Солнце уже порядком отклонялось от зенита.

«Да чтоб тебя!»

От гримасы, промелькнувшей на бледном лице, сотрудница испуганно поджала хвост:

— Я сделала что-то не так? Позволила себе лишнего? Смиренно прошу прощения у вашей милости, больше никогда не...

Все не так! Полдня коню под хвост! Закопаю... Заживо зарю этого северного идиота! И никакие секретные приемы ему не помогут!

— У сиятельства, а не милости... Ладно, отомри — все в полном порядке. Можешь ступать... Хотя, постой! Ты, кажется, увлекалась рукопашным боем?

Кассирша неуверенно дернула плечами, отчего объемная грудь угрожающе колыхнулась:

— Скорее Колизеем. Вы ведь тоже жили в Столпах? Ну, пока в академии учились? Вот бы снова там побывать... Знойный песок, загорелые мужчины, умасленные кубики пресса...

— Да-да, кубики, мужчины, очень интересно. — быстро оборвала глава. — Один человек вчера угрожал, будто владеет секретной техникой... Кажется «два в парадный, один в шоколадный». Слышала о подобном?

Кассирша весело хрюкнула и поспешно замотала головой.

Значит выдумал. Напугать хотел или впечатлить? Ну, вечером я ему устрою... Языком двор подметать будет! Мячи у него световые... Сумасшедший!

— Хорошо, ступай. — блондинка жестом отмахнулась от давящейся от смеха толстушки и взялась за принесенный доклад.

Сломав печать и развернув бумагу, она принялась за чтение. Северяне разыскивает пропавшего стражника, в канализации обнаружен труп голого мужчины, а князь, судя по деньгам, уплаченным Хмельному дому, все же изволит почтить грядущее празднество. Еще и сотник будто с цепи сорвался, вдвое повысив сборы у ворот и штрафуя всех подряд.

Ничего хорошего. Как обычно. Еще и эта проклятая годовщина...

Провернув ключ и убрав донесение в ящик стола, глава подошла к высокому буфету у стены. Убрав графин с водкой, она отодвинула полку и открыла потайное отделение. Из всех тщательно собранных личных дел, ее интересовало самое свежее.

— А теперь, — посмотрим, какая же роль в грядущем спектакле отведена тебе... — задумчиво заворчала глава гильдии, берясь за папку с надписью: «Себастьян Перейра.»

Ну и дебильное же имя выбрал!

Именно эта мысль пронеслась в голове, едва я открыл глаза.

С общей гостиной доносился тонкий аромат переваренных портянок и забродившей гусеничной ваксы. Бодрило не хуже команды «Подъем!».

Протерев глаза, я нехотя скинул одеяло и поглядел на залитую утренним светом комнату. Из прихожей доносился чей-то веселый звонкий голос, вперемешку с низким дедовским ворчанием.

Блин, из-за этой дуры со шпагой даже берцы не снял! Мало того, что рожу порезала, так еще полночи дурацкими вопросами пытала. И нафига я ей фильмы пересказывать начал? Она же про демонов спрашивала. Ай,

говору же, память...

Поглядев на смятые за ночь штаны и шитую-перешитую стеганку, я вышел за дверь.

— О! Кто это проснулся?! — воскликнула крашенная брюнетка в потертом фартуке поверх моего кителя и старых дедовских штанов. — Давай-давай, умывайся и садись! В честь переезда у нас кое-что особенное!

Поглядев на стоящую у печи Аллерию, мешающую черпаком какую-то гадкую черную жижу, я вопросительно уставился на сидящего за столом старика. Тот лишь пожал плечами и, поигрывая свежими пятнами на лице, вновь принялся помогать малявке в уродовании купленных игрушек.

Вдоволь насмотревшись на напомаженного деревянного рыцаря в платье из носового платка, я лениво поплелся в туалет.

Откидывающееся сиденье с дырой, напольный слив, скромная кирпичная ванная да, отполированный до блеска лист металла на стене взамен зеркала — вот и все богатство. Ладно, хоть за водой бегать не нужно, бочка через сифон прямо с трубы наполняется. Пусть и очень медленно. Оправившись и привычно соскаблив ржавым, но острым ножом утреннюю щетину, я решил поинтересоваться, что за дерьмо мне уготовано на завтрак.

— Черные бобы! Вчера караван вечером в город пришел! К празднику привезли! Мы его прямо у стен встретили, представляешь?! Два полных кисета на собранные травы выменяла! — сияя счастливой улыбкой, заявила брюнетка в фартуке, нисколько не смущаясь кислых рож за столом.

— Кофе что ли? — я брезгливо дернул носом и понял что почти прав.

— Кто? Это вы их на севере так называете?

Поглядев на черную кастрюлю, я горестно вздохнул. Завтрак отменяется.

На мой ценный совет, что из зерен варят кофе, а не кашу, брюнетка отрицательно застучала деревянным половником:

— Я что, совсем курица? Перед тем как торговаться, я, конечно же, спросила, как их готовить!

— Вот и женись после такого... Короче, в наряды по кухне больше не заступаешь. Только по умывальнику.

Не обращая внимания на оскорбленную повариху, я обратился к деду:

— Старый, давай, потроши закрома. Я знаю, у тебя есть!

— Есть, да не про твою честь! Я вон, лучше с махонькой поделюсь... — он погладил герцогиню по светлой головке.

Заметив мое беспокойство, девчушка отложила обесчещенного рыцаря и продемонстрировала плетку. Можно подумать, это его отпугнет... Ладно, хрен с ним. При рыцарше не рискнет. Да и не настолько он полоумный, чтобы к подросткам лезть. Он маразматик, а не маньяк. Ну, пока трезвый, во всяком случае.

Я уже собирался пошерудить по дедовским закромам самостоятельно, но настойчивый стук в дверь отбил весь аппетит. Посетовав на бродячих торговцев да приказав всем затихориться на всякий пожарный, я сдвинул деревянный засов и распахнул дверь.

Сверкая на солнце дорогим, но изрядно запачканным жилетом поверх темной рубахи, на пороге красовался недавний выпускник. На его левом рукаве был прочно закреплен оловянный жетон. Походу, с меня скопировал. Блин, не думал, что он и впрямь явится... Вот же настырный!

— Я собрал сотню кузнечиков, как вы и велели, сир! — красавчик потряс небольшим кожаным мешочком.

— Молодец, а теперь положи где взял.

Недоверчивый взгляд быстро сменился решимостью. Кивнув, парень заспешил обратно на улицу. Нет, похоже, его не рыцарь подослал. Он просто сумасшедший.

— На месте стой! Круг-ом! Шутка то была. — от вида разноцветных завязок в алых волосах парня, в мою голову пришла идея. — Скажи, а ты кофе любишь?

— Кого?

— Ну, бобы черные. Или как вы их там зовете... Ладно, иди сюда. Завтрак по распорядку. И выкини эту дрянь! — выхватив мешочек, я бросил его в траву.

По улице задорно заскакала целая орда кузнечиков. Их оскорбленный треск и угрожающий марш до воплей напугал проходящую мимо миловидную девушку, от неожиданности выронившую какую-то железную палку.

Мда, неловко вышло... Ну да пофиг.

Поглядев на распахнутую дверь, парень просиял ярче солдатской бляхи. От его широченной улыбки и бодрого шага мне стало не по себе. Чего это он? Я его всего лишь за стол позвал! Да и то из жалости! Может он из этих, из голубых?

Едва переступив порог, пацан как-то неуверенно поприветствовал незнакомых ему девчонок и тут же удивленно уставился на инструктора:

— И вы здесь, наставник! Позвольте, а что у вас с... — ступевавшись, парень очертил пальцем круг у своего лица, явно намекая на красные пятна, проступившие по всей роже старпера.

— Дверью жопу защемило! Вопросов много задавал! — играя челюстью, дед злобно зыркнул на меня и вновь

отвернулся к девчужке.

Ути какая обиженка...

Пожав плечами, патлатый симпапулька замер как истукан у стола, покуда малявка не отложила игрушку и не предложила ему присесть.

— А вы кто, милорд?

— Милорд? Я? То есть... — он поспешно вскочил из-за стола и поклонился. — Имею честь быть Геннаро Клебером-Сале. Оруженосцем сира Перейры.

Мой глаз непроизвольно дернулся. То ли от устремленных на меня взглядов, то ли от упоминания этого дурацкого имени.

— Оруженосец?! — вспыхнула Аллерия. — У тебя есть оруженосец?!

— Это просто городской сумасшедший, не обращай внимания.

— Даже у меня, пожалованной самим герцогом, заслужившей почетное место у стола в чертоге и дарованным наделом — никогда не было оруженосца!

Настоящая блондинка, мать ее!

— Слышь, завязывай на всю Ивановскую про герцогов орать! Гена, не обращай внимания, она тоже контуженная.

— Гена? — парень недоуменно пялился то на меня, то на игрушечного рыцаря в платье, которого ему демонстрировала малолетняя герцогиня.

А Аллерия все не унималась. Отложив карательную кулинарию, она принялась перечислять причины, по которым я, хухоронный наемник, тщеславная скотина, и полный лох, у которого никак не может быть оруженосца.

— Ну и ладно. Слышь, «не-оруженосец», ты кашу из кофе любишь?

— Он не оруженосец! И ты не рыцарь! А это не каша! — звонко постучав кастрюлькой, пылко объявила уязвленная повариха, нисколько не стесняясь офигивающего гостя.

— Ген, не обращай внимания, она просто завидует... — я быстро увернулся от брошенного половника и заспешил на улицу. — Ладно, раз ты кашу не любишь, то пошли пирожков потрескаем!

Пропустив вперед себя ошалевшего парня, я быстро скрылся за дверью. Доносившееся негодование рыцарши разбавлялось залиvistым смехом герцогини.

— Сир, сия прелестная особа, она ведь рыцарь, верно? Вы и правда женаты на рыцаре?! — недоверчиво спросил он, оборачиваясь на дверь. — Это так... Невероятно!

Казалось, еще чуть-чуть и он побежит мне памятник на площади ставить. Странный малец. И как он про рыцаря догадался? В ее бредни поверил или у нее клеймо на лбу? Может, я чего-то не догоняю? Ладно, пофиг.

— Хуже, я женат на армии. Ладно, пошли пожрем... Кстати, деньги-то у тебя есть?

Парень поспешно кивнул и постучал по поясу с кошельком. Тому самому, что я так и не решился взять. То ли совесть взыграла, то ли лень было такую котлету на поясе таскать — хрен знает.

Одобрительно потрепав красавчика за узорчатый рукав, я повел его в сторону площади.

Несмотря на готовку Аллерии, старания Фальшивки и надоедливость малявки, жизнь потихоньку входила в привычное русло. Ночью меня больше не потревожат животные стоны блудниц, днем не придется париться на арене, да и красных плащей уже пару дней как не видно.

То ли отправились дальше на север, то ли просто плащи догадались снять. Если бы не мысли о таинственном поджоге клоповника, странных меловых рисунках да потусторонней твари в салоне, я бы даже улыбнулся утреннему солнцу.

На площади всю разворачивались лоточники. Над стуком деревянных молотков и суетными криками, разносился звучный голос глашатая:

— По мудрому повелению светлейшего князя, салон «Аромат невинности» не будет принимать посетителей до особого распоряжения! Однако... — он резко воздел и опустил толстые руки, указывая на площадь. — Празднество листопада пройдет, как запланировано! Блудницы, нечистые дельцы и содомиты — не допускаются! Хлеб для общих столов предоставлен Помольным братством! Помольное братство: настоящий помол, для настоящего хлеба! — закончив речь, вспотевший от воплей человек-газета угнездился на своей высокой тумбе, обмахиваясь листом с текстом.

Поглядев на водоносов, за каким-то хреном откачивающих воду из фонтана, я повел Гену в пекарню. Раз уж он платит, так почему бы не пожрать чего поприличнее? Дома-то хрен накормят. От стряпни деда весь отряд дрищ пробирал, а в кулинарной импотенции Аллерии я только что убедился.

От ценников в богато обставленной пекарне «оруженосец» покраснел едва ли не больше, чем от глубокого выреза на груди молоденькой продавщицы. Но исправно заказал россыпь пирожков со всем, чем только можно.

Усевшись за маленький стол у окна, он тут же принялся за расспросы. Почему у меня нет меча, лошади, доспехов, правда ли я в экспедициях бывал, и на сторонах каких домов доводилось сражаться.

— Слушай, я люблю халяву, но не настолько, чтобы терпеть твой поток сознания! Выбери что-то одно!

— Тогда, если изволите... — парень брезгливо отложил пирожок с капустой и задумчиво сложил пальцы домиком. — Прошу вас, сир, скажите по сердцу — вы взаправду сможете сделать меня рыцарем?

— А когда это я такое обещал?! И вообще, каким это хреном старший лейте... Тьфу, то есть, каким хреном наемник может обучить рыцаря? Совсем дурак, что ли?

— Но... Но... — парень с трудом давил из себя слова, словно идя на сделку с гордостью. — За две недели под вашим присмотром, я научился большему, нежели за пять лет под руководством... Нежели за пять лет до этого. — быстро поправился он, явно не желая рассказывать, у кого обучался до этого.

Поглядев в голубые глазки, запрятанные под темно-бордовой челкой, я пожал плечами:

— А нахрена оно тебе? Нравится кузнечиков по кустам выискивать?

— Я... Я просто желаю научиться быть таким же как вы. Сир.

Нет, это уже не голубизна, это содомия натуральная!

Я подозрительно оглядел красавчика. Воротник рубашки идеально выглажен, а рожа подозрительно гладкая — это минус. Он то и дело кидает вороватые взгляды на грудастую барышню за прилавком — это плюс.

Ладно, сомнения в его ориентации отложим до другого раза. Но в баню с ним пока лучше не ходить.

— В любой военкомат зайди, там с тобой и не такое сделают! Кузнечики раем покажутся.

Парень, конечно же, нифига не понял и принялся заливать о чести и доблести. Мол, что такого удивительного, что он желает научиться воинскому искусству и стать настоящим мужчиной?

Ох уж эти местные сопляки! Вроде и живут среди всякой нечисти, колдунов и демонов, а поди ж ты, все героями мечтают стать. В принципе, нормальное желание для молодого пацана, но пример он берет явно не с того, с кого надо. Да и дабы стать «настоящим мужчиной», чтобы это не значило, вовсе необязательно уметь убивать себе подобных.

Объяснив ему эти незамысловатые истины, я расправился с завтраком и двинул обратно на улицу.

На площади происходило что-то непонятное. Лоточники, прохожие, водonoсы и даже человек-газета толпились плотной кучей возле фонтана. Заинтересовавшись причиной, я подошел поближе.

— Те кто верит, налетай, а кто жадный, убегай! — задорно распевал странного вида мужик в огромной серой шляпе с высоким колпаком.

Стоя перед раскладным столом, он тыкал длинным посохом в наложенный на деревянную дощечку здоровенный холст из ткани. На холсте красовались прилепленные картинки — то какие-то звери, то фигуры в плащах, то всякие башни с молниями.

Короче, крайне мрачные каракули.

— Отделяем мух от котлет, а тех, кто мне верит, от тех, кто нет! — покачивая длинной седой бородой, мужик указал на холст короткой железной палкой. — Волшебство без изъяна, предсказание без обмана! Кто желает судьбу узнать, должен лепестков подать!

Рядом с красавчиком прошел высоченный бородач в железном нагруднике под длинным плащом и, кинув на стол пяток медных монет, как-то не особо уверенно буркнул:

— Ну гадай давай... — задумавшись, он добавил. — Доходяга.

— Кручу-верчу, судьбу узнать хочу! — легкое движение посоха у холста и толпа разразилась восторженным гомоном.

Все картинки разом пришли в движение, одни шуршали от палки, другие следовали за ней. Наконец, когда в центре выстроился парад из рисунков, седой объявил:

— Ждет тебя дорога дальняя, судьба печальная да кончина скверная... Но! — он воздел палец вверх. — Коли «розой» угостишь, то и горя избежишь!

Блестя железным нагрудником, бородач захлопал глупыми глазками, полез под плащ и извлек серебряную монету. Приняв розу, мужчина развернул посох другим концом и вновь ткнул в холст.

— Верчу-кручу, нити судьбы распутать хочу! — картинки зеркально повторили свой ход.

Те, что раньше убежали, теперь следовали за посохом, а те, что следовали, бросились наутек.

— Ныне выпала дорога живописная! Подвиги прекрасные и девицы разные! Золото горою да счастья с лихвою!

Просиявший бородач принялся раскланиваться и раскатисто благодарить спасителя. Судя сбивчивой речи и глупой роже — умом он не отличался.

Остальные зрители нет-нет, да потянулись к кошелькам. Даже красавчик.

— Ой дурак... — хлопнул я себя по лбу. — Ладно, считай, что твое обучение началось. Плата за пирожки, так сказать. — под недоуменным взглядом мальчика, я нагло протиснулся к столу.

— Не стой как мальчишка у борделя, узнавай судьбу скорее! — обратился ко мне гададьщик.

— Сейчас я тебе покажу, мальчишку... — я бросил пару потертых лепестков на столешницу.

Чуть напрягшись, седой демонстративно погладил длинную бороду, и, вновь развернув посох, принялся тыкать им в холст.

— Мухи зловонные, колодцы темные, тропы обреченные... — гадальщик удивленно уставился на свои пустые руки.

Прокашлявшись, я крутанул украденный тяжелый посох и упер его в холст. Под благоговейный шепот зрителей, картинки вновь ожили и принялись бегать по натянутой ткани. Небось они решили, что я тоже дофига колдун. Сразу видно, интеллигенция!

— В магнитах уличенные, шарлатанами нареченные, по жопам... Отлупленные? — я раздраженно опустил посох. — Блин, с рифмой вообще туго! Гена, а ну подскажи чего посмешнее!

Едва я повернулся к самозваному оруженосцу, как в грудь впечатался огромный кулак. Выпучив глаза и разломав своей задницей стол, я едва успел перекатиться в сторону, прежде чем грязный сапог размозжил бы мне голову. Трофейный кинжал вылетел из-за пояса и зазвенел куда-то к фонтану.

Огромный бородач в нагруднике с легкостью отшвырнул кинувшегося красавчика и схватился за оброненный посох.

— Мое!!! Не трогай!!! — проревел здоровенный идиот, исходя слюнями на густую бороду.

Судя по злобным поросячьим глазкам, он явно вознамерился вогнать эту железку мне по самую плотку. И не он один — отбросив смешную шляпу, горе-гадальщик, уже неся с ножом наперевес.

До чего обидчивые жулики пошли!

Глава 10: Лелик и Болек

Едва я вскочил на ноги, как снова чуть не рухнул. Спасибо глашатаю, чья неловкость и необъятные жирные телеса, приняли на себя весь гнев бородача. Получив от огромного идиота сапогом по заднице, человек-газета покатился колом к фонтану.

— Жезл! Жезл гони! — завопил мужик в рясе, уже метя ножом мне в ногу.

То ли не заметил, что магнит уже у бородача, то ли ему отчаянно захотелось ощутить мой жезл власти на своих губах. Третьего не дано...

Подобрать свой кинжал я никак не успевал, а потому подобрал чужую бороду. С забавным чпоканьем, седая волосня отделилась от подбородка. Поглядев на болезненно трущего небритую морду мужичонка, которому и тридцати не было, я, покрепче схватился за накладную бороду и, на манер веревки, обвинил его руку с ножом.

Последнее что увидели лукавые глазки, — длинный шрам через весь лоб, доставшийся от гранатного осколка. Приняв башкой в нос, псевдо-волшебник зашатался и попятился назад. Запнувшись о пытающегося подняться глашатая, он рухнул прямо в фонтан, увлекая за собой свою же накладную бороду.

Ощущение триумфа было прервано резким ударом в плечо. Бородач, очевидно, метил в голову, но блеснувшая на солнце рапира, помешала смертельному удару. Держась за отбитую руку, я в который раз помечтал о крепком панцире, а не мягкой стеганке.

Недоделанному оруженосцу же, похоже, грезились ратные подвиги да неугасающая слава в веках. Иначе я не могу объяснить, почему этот придурок не отошел подальше, как все зрители, а носился вокруг бородача, тыча в него иголкой, будто ужаленная в жопу оса. Но все выпады дорогой зубочистки, с легкостью пресекались уханьем железного посоха.

Впрочем, дурак дураком, а жизнь мне спас... Кажется.

Попытавшись пошевелить раненой рукой, я болезненно скривился и бросил эту затею. Зато поднял оброненный кинжал. В момент, когда огромный сапог протаранил живот пацана, я со всего маху вонзил кинжал здоровяку в печень.

Или вернее, попытался.

Острие пробило плотный плащ и ушло вбок. Пара мелькнувших искр, натужный скрежет металла и вот огромная туша уже гневно зыркает на меня, заноса злополучный посох.

Отлично, у него, походу, полный панцирь! Вот же урод!

— Ах ты даун бронированный! — я быстро прошелся лезвием по толстым пальцам и еле-еле отскочил в сторону от размашистого удара.

Порезанные пальцы великана, больше похожие на сардельки, не удержали жезл, и тот больно врезался в мой ботинок. Уже прикидывая, в какую бы сторону побыстрее сбежать, я вдруг услышал звонкий свист, прокатившийся по всей площади.

Звеня кольчугами и протяжно визжа свистульками, к фонтану бежала четверка стражников.

Обернувшись, здоровяк уже было кинулся искать посох, но его небритый напарник быстро утянул верзилу за собой.

— Потом-потом! Ноги делай, ноги!

Обиженно топнув ножкой и проревев что-то нечленораздельное, бородач тут же бросился наутек, едва не затоптав нерасторопного водоноса. Следом за ним, сверкая сандалиями, брызжа водой вперемешку с кровью и подгоняя великана, спешил псевдо-старец.

— Спринтеры, мать их... — я сплюнул и, поморщившись от боли, подобрал трофейный магнит да подошел к кашляющему красавчику.

Фенечки в волосах порядком перепачкались в дорожной пыли, но его взгляд был ярче солнца:

— Сир... — прокашлял он, принимая протянутую руку. — Я достойно справился?!

Пожав плечами, после недолгих раздумий я потрепал его по плечу. Справился он, конечно, паршиво, но товарища в беде не бросил. А это самое главное.

Поставив парня на ноги, я недовольно поморщился от острого копыя, бесцеремонно сунутого в мою рожу. Красуясь красными кафтанами, пара стражников окружила нас, пока оставшаяся двойка ринулась в погоню.

Тот, что постарше, огладил густую темную бороду и, сверкнув медной бляхой на кушаке, положил руку на копыя напарника, принуждая его опустить оружие.

— Ты откуда будешь, земляк? — обратился он ко мне.

— Знамо дело, откуда. — ответил я, памятуя наставления одноногого хрыча. — Оттуда же, откуда все люди рождаются. От папки с мамкой.

Удовлетворившись ответом, северянин скомандовал напарнику опросить лоточников, а сам, повелев мне

никуда не уходить, принялся за кашляющего глашатая.

— Сир, возможно, стоит откупиться? — шепнул пацан мне на ухо, заговорщицки постучав по кошельку на поясе.

— Стой и не рыпайся, депутат доморощенный... — руку жгло огнем и я не нашел ничего лучше, чем воспользоваться водой из фонтана.

Несмотря на то, что из-за схожего роста и черт лица, все принимают меня за северянина — выше моста я никогда не был. Зато дед был. Прорву лет в тамошних лесах на всякую нечисть охотился, прежде чем в наемники податься. Собственно, из его-то болтовни я и знал, как вести себя с местными стражниками.

— От южного конелюба «снеговик» и копейки не примет. — объяснил я Гене, помогавшему мне снять куртку. — На севере наши монеты не в ходу, это раз. А два, это... Ух етить!

Плечо все почернело, и лишь лопнувший кровавый лоскут говорил, что это все еще рука, а не кирзовый сапог. Если бы в башку попал, я бы точно отъехал. Первый раз в жизни, тоскую по армейскому шлему. Несмотря на внешнюю неказистость и охреневший вес, он даже автоматную пулю мог остановить, не то, что железную палку.

— Что “два”? — осведомился пацан, стараясь не глядеть на ушиб.

— В хрен ты им не тарахтел, вот что! Деньги мне и самому пригодятся. Тебе пригодятся, то есть. — я достал первую попавшуюся тряпку и смочив ее в фонтане, обмотал вокруг синяка.

Так себе компресс, но на безрыбье и рак в небе журавль.

Закончив со свидетелями, перед нами вновь возникли стражники. Без былых подозрений, но все еще настойчиво, они “порекомендовали” немедленно пройти с ними до гарнизона. На возражения, мол, “мы и сами грамотные, можем и здесь все написать” они лишь многозначительно хмурили брови.

Хлебнув напоследок воды из фонтана, я покорно отправился следом за северянами. Что толку спорить? И так все ясно.

— Сир, отчего они нас арестовали? Мы невиновны! Они сами убедились, опросив очевидцев! — принялся докучать красавчик, едва мы вышли с площади.

Поглядев на прохожих, старающихся лишней раз не попадаться северянам на глаза, я нехотя ответил:

— Не “нас”, а меня. За беглого приняли, можешь не сомневаться.

Парень разбирался в порядках северян, как армейский повар в деликатесах. Всю жизнь в этом мире живет, а ни хрена не знает! Вот уж правда, внешность есть, — ума не надо!

Памятуя о его недавнем подвиге, я чуть отстал от стражников и принялся разжевывать симпапуське:

— У “них” не как в у “вас”. Если на юге присягают лорду, или просто пашут на феодальной земле, то на северах твоя жопа с самого рождения принадлежит “Простору”. Крестьянин за барина, барин за князя, а князь за великого князя. С фантазией у них туго, сам понимаешь...

— Так ведь рабство упразднили! В самом Гранд-коде запрещено! — пылко объявил он, видимо уже намереваясь ломануться за мост и поднять восстание рабов.

Поглядев на патлатого Пугачевца, я лишь покачал головой и вовремя отдернул мальчика от ведра помоев, выплеснутого со второго этажа.

— Да им пофигу. У них своя свадьба, у вас своя. А вообще, чисто технически это и не рабство. Сам-то великий князь тоже числится в собственности.

— У кого?

— А хрен его знает. Не помню... — я устало прислонился к стене и потер больную руку, дожидаясь пока молодой стражник добежит до второго этажа и надает по соплям нерадивой хозяйке.

Оставшийся путь до наспех восстановленного форта у городских ворот прошел без эксцессов. Некогда крепкое каменное здание представляла плачевное зрелище. Даже расположившийся рядом помост с пустыми колодками да позорным столбом выглядел куда более устрашающе, чем осыпавшиеся каменные стены.

Прошмыгнув в заботливо распахнутую караульную дверь, мы оказались в темном, но просторном зале освещенном лишь солнечным светом из узких бойниц. Помещение выполняло функции то ли столовой, то ли спальни, то ли хрен пойми чего — на широких лавках за деревянными столами, сидело не меньше десятка северян. Кто резался в некое подобие домино, кто яростно чавкал капустной похлебкой, а кто храпел на всю округу, развалившись прямо на лавке.

— Заклад! — воскликнул один и со всего маху маху рубанул игровой костью о стол. — Ставлю иглу безглазой воровайки супротив твоих сапог...

Едва заметив нас с мальцом, они было напряглись, но вошедший стражник в широком кушаке, тут же сбросил возникшее напряжение. Северяне мигом забыли про наше существование.

Кивнув землякам, зрелый стражник со своими молодым напарником повели нас следом за собой к винтовой лестнице в другом конце комнаты. Поднявшись по каменным ступенькам, мы оказались в узком длинном коридоре, освещенном лишь парой солевых ламп. Это здорово напоминало тот салон, с демоном и купальнями, но

вместо роскошных ковров и дорогих дверей — дорожная грязь на каменном полу да зарешеченные каморки.

— Темница? — озвучил мои мысли пацан, нервно теребя свои ножны.

— Гостиница. — фыркнул старший северянин и повел нас к единственно нормальной двери в конце коридора. — Сотнику покажешься, бумаженку распишешь да гуляй на все четыре. — обратился он уже ко мне, но я его почти не слушал.

За одной из проржавевших, но все еще прочных решеток валялась грязная бадья, пара соломенных циновок и Лелик и Болик собственной персоной.

— А ты еще что здесь забыл?! — немедленно окрысилась одноглазая едва заметив мою физиономию сквозь прутья.

— На экскурсии. А вы, я смотрю, в этом санатории уже всю расслабляете? По путевке или так, по благу взяли? — поинтересовался я, кивая в ответ вежливо поклонившейся синевласке.

Похоже, молодой уже хотел прервать нас и рявкнуть что-то вроде “не болтать с заключенными”, но бородастый его почему-то остановил. Жалостливо поглядев на узниц, северянин в кушаке скомандовал своему напарнику приглядеть за нами, а сам двинул за дверь. Наверное — докладываться.

Насупившийся молодой снеговик с деланным безразличием прислонился к одной из решеток, ожидая пока мы наговоримся.

Чего это старший такой добрый? А впрочем, какая разница?

— Так за что на нарах чалитесь, девчата? — пожал я плечами и, на манер стражника, прислонился здоровым плечом к стене.

Одноглазая немедленно заявила: “Да ни за что!” и наверняка бы добавила: “Меня адвокат поимел!”, но синевласая оказалась более расторопной:

— Она яблоко с повозки у ворот укра... Взяла. С северной повозки. — стараясь держаться подальше от засранной бадьи, сказала девчушка в платье.

Как выяснилось из короткой беседы — рецидивисток повязали за то, что одноглазой захотелось похрустеть сочным яблочком, с одной и телег, что ожидали досмотра у ворот. Возвращаясь от мельника и таща на рынок несколько мелких крысиных шкурок, кошатина вдруг увидела повозку доверху набитую фруктами — видимо, для праздника. Но хвостатой дуре и в голову не пришло, что тырить провизию у северян, да еще и в их присутствии — крайне хреновая идея. Синевласку же приняли чисто за компанию. Посох ее им чем-то не угодил.

— Понятно все с вами, короче... — подвел я итог, заслышав нетерпеливое покашливание появившегося из-за двери бородача. — Ну ладно, бывайте. Хлеб с параша не ешьте, в тазик не садитесь, и мыло в душе не роняйте. Адье! — козырнул я Бивису и Батхеду да отправился за северянином.

Пусть посидят пару деньков, авось мозгов прибавится. В конце-концов, за яблоки не расстреливают.

Бородач размял затекшую от шишака шею и, раскрыв массивную дверь, кивнул, мол, заходите.

Новое помещение также не впечатляло красотой — те же голые каменные стены да полосы света из бойниц. Разве что пара серых гобеленов с перекрещенными пиками, хорошая масляная лампа да красивый, хоть и обшарпанный, бурый стол из дорогого дерева сглаживали впечатление.

Сидящий за столом рыжий великан, едва завидев наше присутствие, отложил истертый карандаш и жестом ткнул на лавку у стены.

— Беглый али дезертир? — без лишних предисловий, спросил широкоплечий северянин, уставившись на меня.

Отправив Гену на неказистую лавку у стены, я, не обращая внимания на густые нахмуренные брови, развалился в подгоревшем кресле перед столом:

— Не тот, не другой. Я вовсе не с ваших краев.

— Угу, оно и видно... А это кто? — сверкнув дорогушим перстнем, мужик ткнул толстым пальцем в мальчика.

— Просто пацан. В помощники прибился.

Гена уже собирался что-то сказать, но поглядев в мои глаза, благоразумно промолчал. Правильно, нефиг снеговиков нервировать. Конелюба они и слушать не станут.

— Пацан? А девкой был бы краше... — вздохнув и почесав густую рыжую бороду, мужик откинулся на кресле. — Ну? Кто таков? Откудова? На кой ляд шпану по площади гоняешь?

Удержав болезненный стон, я на манер сотника, раскинулся на подгоревшем сиденье и лениво зевнул. По словам деда — отморозки терпеть не могут вежливость и заискивание. По их долбанутым традициям, любые намеки на хорошие манеры считаются за попытку обмана или проявление слабости, а потому, нужно вести себя как можно непринужденнее.

— Та “кукушонок” я. С гнезда украли. Не видать что ли?

— Ну, толкуешь ты и впрямь не по-нашенски... Ну валяй, “кукушонок”, трави за свою судьбинушку. — безразлично махнул он рукой.

Походу, рыжий уже все для себя решил и не собирается верить ни одному моему слову. Ну, это мы еще посмотрим...

Страхнув пыль с рукава, я завел давно заготовленную историю. Проблемы с памятью не особо способствовали стройности истории, но вспомнить наши с дедом репетиции было проще простого, — особенно если альтернативой является казнь или ссылка на крайние севера. С дезертирами да беглыми крестьянами за мостом не цацкаются.

Поэтому я немедленно завел слезливую историю о молодой красивой девушке — дочери мятежного воеводы. Во время усмирения «Простора» юная девица была схвачена подлыми западными конелюбами и отдана на поругание озверевшей солдатне в назидание другим непокорным снеговикам. Грязные южные ручонки терзали румяную северную плоть аж до самого конца войны. После разгрома у рва и стремительного бегства конелюбов, несчастную девушку захватили с собой, дабы горемыка могла и дальше согревать постели обезумевшей от похоти солдатни.

Я несколько путался в показаниях, назвав с пяток городов в которые ее увезли, но быстро поправился, пояснив, что она кочевала из рук в руки в качестве игрушки в руках бесчестных южных дикарей. Пару сюжетных твистов слямзил у Аллерии и вот-вот собирался вкорячить какие-нибудь темные культы с богатым похотливым отчимом, но в последний момент одумался — уж больно у рыжего глаза заблестели.

— Ну и вот, значит, во время нашествия заморских куриц меня и заделали. Мамашку-то мою, к тому времени, в бордель определили — там я все детство и провел. Ну а потом, как водится, заманался срамным бабам портки стирать да пошел свою удачу пытаться. На мир поглядеть, себя показать и все такое... — подвел я итог своей вымышленной истории и снова недовольно зыркнул на Гену.

В отличие от безразличного великана, тот уже второй платок в слезах извадюкал. С каждым новым поворотом в судьбе вымышленной северянки, парнишка пускал все больше и больше соплей. Он настолько жалостливый или просто тупой?

— Студеная былина, ничего не скажешь... — наконец подал голос сотник, откладывая бумажки, в которых то и дело ковырялся во время моего рассказа. — Так, значит, и накалякаю: “Безмерный враль и паршивый лицедей.”... — он уставился на меня долгим тяжелым взглядом и наконец, впервые улыбнулся. — Что? Поди думал, зря городские щи хлебают? Кумекал, мол, дураки мы, не заметили тебя? Да у тебя же, балбес, на лбу нацарапано, что ты из вольных рубак! Но за небылицу благодарствую — мужиков за чаркой позабавлю!

Вот же блин... А хрыч старый все спорил, говорил, мол — «да какое им дело? Расскажешь про барыню-боярыню и вся недолгая! Возьмись им с тобой, ишь чего удумал...». Пень ленивый!

— Слушай, ну не беглый я! Просто наемник! И то бывший. — игнорируя разочарованный взгляд мальчика, воскликнул я, спешно прикидывая, как бы резко похудеть, чтобы пролезть во-о-он в ту бойницу.

Сотник явно хотел что-то заявить, как в кабинет, без стука, сунулся стражник — тот самый молодой, что с копьем.

— Посадник, точно в срок как было велено! — обратился он к сотнику. — Изволить начинать или...

— Да иду-иду, бесово семя! Без нужды торопыга, по нужде копуша... — великан жестом отослал стражника и недовольно вздохнув, поднялся с линялого кожаного кресла:

— Хрен с тобой, глухарь перелетный. — бросил он, снимая со спинки кресла ярко-белый меховой плащ. — Броди свободно... Почитай, сказки твои на веру приняты. Но следующий раз стражу свистай, а не свару затевай! Нехрен из площади цирк устраивать!

Сдержав облегченную улыбку, я быстро кивнул, и, забрав мальчика, с лавки, едва ли не вприпрыжку выскочил в коридор, не дожидаясь рыжего громилу. Мало ли — передумает еще.

Пронесло! Мне уже начало казаться, что меня по соседству с этими дурами запрут. Кстати, где они? Пройдя по длинному коридору, я с удивлением отметил, что все камеры пусты. Уже отпустили, что ли?

Всю дорогу Гена обиженно надувал губки. То ли ему не понравилась концовка моей басни, то ли он принял все за чистую монету и теперь чувствует себя дураком, а может, обиделся, что я его пацаном назвал, пес его знает.

Первый этаж встречал подозрительной пустотой. Никто не спал на лавках, не играл в кости и не жрал капусту. Чужа неладное, я вышел на улицу.

— А это разве не... Что они делают, сир?! — воскликнул пацан, уставившись на эшафот.

Перед толпой скучающих стражников, которые уже всю бились о заклад, на помосте выступали Биба и Боба.

Одноглазая тихо что-то шипела себе под нос, стоя в раскоряку и то и дело пытаясь высвободиться из колодок. Синевласой же повезло меньше. Она хоть и не стояла раком перед всей улицей, но столб, к которому она была прочно привязана, как и кляп во рту не сушили ничего хорошего. В отличие от своей товарки, вместо проклятий и ругани, она предпочитала смиренно опущенную голову и тихие слезы.

Молодой стражник, который еще на площади тыкал мне в рожу копьем, возбужденно натачивал здоровенного вида бердыш. Блестящее лезвие и пересуды северян не оставляли простора для фантазии — дурочки таки

доигрались.

— Сир! Они ведь не казнят их, верно?! В городе запрещены казни! Истинный рыцарь не допустил бы такого! Мы ведь поможем! — пылко протараторил Гена, нервно теребя свою долбанную булавку.

Поди, об очередном подвиге замечтал.

— Ага, счаз-з-з... Всегда хотел окончить жизнь в разборках с толпой здоровенных мужиков! Совсем дурак что ли? — плюнул я, не обращая внимания на разочарование в глазах парня.

— Да как вы можете шутить перед лицом чужой смерти!?

Да я и не шутил... Впрочем в чем-то он прав — мимо пройти тоже не вариант. Надо хоть поинтересоваться, что тут за херня. Все-таки — Бивис и Батхед из той же гильдии, а у Фальшивки явно с балдой не лады. Прибьет меня еще, за халатное обращение с сотрудниками...

— Пожрал пирожков, твою мать! — фыркнул я, приближаясь к лестнице на эшафот.

Глава 11: Встать, цирк идет!

У короткой лестницы на помост с печальным видом высился уже знакомый мне бородач в широком алом кушаке с медной бляхой. Нихрена в их званиях не понимаю, но, похоже, мужик служит кем-то типа сержанта.

Пожилой дядька глядел то на горе-уголовниц, то на своего молодого собрата, излишне увлеченного процессом заточки монструозного топора. Судя по вселенской грусти в немолодых глазах — мужик не разделял энтузиазма напарника. Заслышав топот берцев, он чуть вздрогнул и обернулся ко мне.

— А, отпустили, значит... Ну добро. — без особой радости в голосе, кивнул «сержант», опираясь на толстое дерево с тяжелым наконечником.

Какое-то у него больно большое копьё. Рогатина, что ли? А дед говорил, что рогатины только у дружинников... Впрочем — пофиг!

— Слушай, отец, а чего это у вас тут затевается-то? — начал я без лишних предисловий.

— А не видать? Воровке руки отнимают да ведьме голову сносят. Чего ж тут непонятного...

Ну, чего-то типа такого я и ожидал. Поглядев на нервно мнущегося Гену, я увидел, как массивная грубая дверь распахнулась, и из форта вышел сотник.

В снежно-белом меховом плаще и с богато украшенным мечом на поясе, он сильно выделялся на фоне остальных северян. Не тратя времени, он сходу двинулся через толпу стражников, напрямик к лестнице на эшафот. И лишь моя побитая и не особо уверенная в своих действиях туша преградила ему дорогу.

Он не издал ни звука, а лишь нахмурился на меня из-под густых бровей.

Немая сцена прервалась топотом стражников и лязгом рапиры. Быстро надавив на плечо мальчика, я заставил его воткнуть булавку обратно в ножны:

— Не то чтобы мне хотелось лезть не свое дело... Но, а как же суд? Ну, там, присяжные, судья и все такое... — наконец подал я голос, убедившись что северяне не спешат заковывать меня в колодки.

— Я судья. — без каких-либо эмоций ответил великан и уже собирался самолично спихнуть меня с пути, но я быстро отскочил и затараторил:

— Тогда... А где же адвокат, прокурор, приставы, «встать суд идет» и деревянный молоточек?!

Блин, что я несу-то?!

Сотник, кажется, разделял мои мысли по поводу этой сумбурной речи, о чем свидетельствовала изогнутая мохнатая бровь.

— К казни колдуньи и воздаянию воровке... — великан мельком взглянул на «сержанта». — Приступить!!!

Громогласный рев прокатился по площади, отчего парнишка с топором испуганно подскочил, но очухавшись, быстро засеменял к одноглазой. Вид блестящего отполированного лезвия заставил хвостатую наконец заткнуться и перестать дергаться.

— Отставить!!! — заорал я, кажется, даже переплюнув клич северянина.

Малолетний палач недоуменно замер. Все стражники уставились на меня и в их лицах, как и в глазах сотника, читался простой вопрос — «ты дурак или самоубийца»?

Сам бы знать хотел... Ладно, уже поздно!

— На каких это основаниях вы собираетесь казнить этих двух идито... Тьфу, девчонок, если даже суда не было? — наконец нашелся я.

Холодные серые глаза отзывались дрожью в спине, но взгляда от северянина я так и не отвел.

— У тебя хата с краю, снежок. Какая твоя забота? Ты их поделщик, али просто в мешок захотел?

Вопрос на миллион, если честно. Как бы из-за этих двух дур — меня самого на плаху не повели. Я попытался еще раз воззвать к разуму северянина и объяснить, что рубить руки за сраное яблоко и обвинять в колдовстве всех подряд — такая себя идея. Местные не одобряют.

Но он остался непреклонен:

— Кража из воинского обоза — карается смертью! — начиная терять терпение, заявил сотник. — И пусть благодарит грядущий праздник, за то, что она отделается лишь парой загребущих рученок, а не буйной головой.

Но закипающий гнев северянина волновал меня куда меньше зеленого глаза кошатины, неотрывно следящей за перепалкой. Врожденная дурость и наглость не позволяли ей вопить или молить о пощаде, попутно обещая себя в вечное пользование любому, кто спасет ее от топора. Но лицо выдавало малявку с головой — во мне она видит последнюю надежду.

Поглядев на пыльную физиономию хвостатки и отметив пару блестящих влажных дорожек на щеках, я все же решился:

— Дура она, а не воровка... Гена, дуй за мной. — кивнул я мальцу, и нарочито медленно поднялся по ступенькам.

— И рогаца до кровавых соплей доведет, недомерок... В каземат его!!! — тут же рывкнул великан.

Стражник с топором уже было накинулся, и занес оружие, но несильный удар магнитного жезла выбил монструозный бердыш из рук молодого садиста. Кинжалом было бы сподручнее, но блеск оружейной стали мог бы спровоцировать северян. А усугублять никак нельзя — и так по краю иду.

Перехватив раненной рукой извлеченную рапиру и вырвав ее из рук Гены, я поднял дорогой клинок высоко над головой:

— Заклад!

Ломящиеся, кто к лестнице, кто просто к помосту, стражники вдруг замерли — властным жестом сотник предотвратил едва не начавшуюся свару. Или просто перенес на «попозже».

— Ставлю рапиру и полный кошель против ее рук! — чуть спокойнее повторил я опуская оружие.

Гена глядел на меня как на полоумного. Эх, парень, ничего ты в бородатых не понимаешь...

Если бы меня попросили назвать самый безумный факт о северянах — им стала бы их безудержная тяга ко всяким спорам да азартным играм. И вовсе не потому, что они дофига лудоманы. По словам деда, это у них традиция такая. То содержимым карманов «махнуться не глядя», то трофеями наобум, то в азартные игры всякую херню проигрывать.

Это у них что-то вроде почитания то ли судьбы, то ли предков, то ли родины — даже дед толком объяснить не мог. Типа, проигрыш это подношение предкам сулящее удачу, а выигрыш — благословение свыше да знак, что твои покойные пращуры тобой довольны. А раз уж они довольны, то и остальные бухтеть не должны. Под этим соусом и девок замуж выдают и в дружину принимают. Ну, или голову снимают — как повезет. Ибо настоящая ставка, от которой не принято отказываться — твоя жизнь.

Бред полнейший, но северянам об этом лучше не говорить — зарубят нахрен!

— Даром твоя зубочистка не далась. — плюнул сотник и уже собирался дать отмашку, как я вновь поднял руку вверх:

— Тогда ставлю свою голову и все что под ней!

Гена напару с хвостатой да синевласой наградили меня недоверчивыми взглядами, словно соревнуясь, у кого сильнее глаза округлятся. Не могу их винить, ибо сам с себя в глубоком шоке. Может это последствия от встречи с ногой «сира Ланцеврота»?

Сотник оценивающе смерил случайных прохожих, начинавших толпиться за спинами стражников, и пожал плечами:

— Бестолковушка твоя без надобности... Но крепкое да лихое мужичье завсегда стодится. Парашу выносить уж точно... Будь по твоему! Десятник!? Тащи кости!!! — скомандовал он бородачу в кушаке, что торчал неподалеку от лестницы.

— Нахрен кости! Я не на доминошки ваши забиваюсь! А на то, что ты сам откажешься рубить руки! А?! Как тебе?! Забьешься?!

Добрая половина случайных зрителей весело хрюкнули, а другая зашептала меж собой. Видимо, решили, что я сбрендил. Стражники принялись активней забиваться — башку ли мне отрубят, али только язык. Рыжий громила лишь усмехнулся:

— Это ты меня речами медовыми вразумлять удумал? Экий ты рисковый... Ну ладушки, валяй. Послушаем что мелет пустомеля, а, мужики?! — его рев эхом разнесся по площади заставляя северян одобрительно кивать, а горожан — брезгливо морщиться.

Идея переубедить северян с помощью ораторского искусства была бы слишком безумной даже для меня. К несчастью, в карты с костями я играю и того хуже.

Но эти бедолаги еще не знают, с кем столкнулись! Сейчас я им ка-а-ак...

— Ай, да кого я обманываю... — вздохнув и оглядев присутствующих, я принялся расхаживать возле хвостатой, на ходу вспоминая весь тот бред, которым замполит так любил потчевать личный состав.

Если память не изменяет, то он всегда начинал с международной обстановки...

— В то время, пока наша великая родина, напрягая все силы в едином порыве, рвется к светлому будущему, — дипломатическая обстановка остра как никогда! Враги и «заклятые союзники» обступили границы со всех сторон! Из телевизора донос... Тьфу! Из глотки глашатая доносятся все более и более тревожные вести! Под знаменем мнимой заботы о правах и свободах, самоназванные «партнеры» несут лишь разорение и уничтожение великой родины...

И так далее и в таком же духе. Смех-смехом, но весь этот заученный бред неплохо ложился на уши северян. Да и собравшимся мимо-проходимам тоже, вроде, зашло. Оно и понятно — бедолаги телевизора в глаза не видали. Иммуитет еще не выработали. Прямо заповедник непуганых дурилок. Чую, окажись здесь замполит — уже бы империю свою отгрохал. Ну, или, в кювете с проломленным черепом валялся. Фифти-фифти, короче.

Закончив с проблемами внешними, я перешел к проблемам внутренним:

— В то время, пока наша великая... Тьфу, было же! То есть, пока стража, не щадя живота своего, отдает все силы на защиту города от вора, жульа и прочего асоциального элемента, многие трудящиеся видят в доблестных защитниках правопорядка лишь источник проблем да причину постоянного беспокойства! И виной тому является...

Далее я прошелся по неумению личного состава работать с гражданскими. Мол, хамят, грубят, бьют да и вообще — завидев пару стражников, большинство местных предпочитает свалить куда подальше. К моему удовлетворению, большинство слушателей, в том числе и стражников, согласно закивало.

— Да кому какое дело, кого там эти конелюбы лобзают?! — вспыхнул парень с бердышом и ткнул лезвием в хвост закованной кошкодевки. — Ты чего людей путаешь?! Мы воровкам ручонки рубаем, а не выродкам подати подаем!

Северяне одобрительно загудели. Сотник же так и стоял не шелохнувшись. Взгляд холодных серых глаз то и дело отвлекался от моего лица, скользя по все увеличивающейся толпе.

— Не воровке, а больной бедняжке! — поспешно возразил я, убирая острое лезвие бердыша от закованной в колодки кошатины. — Она блаженная, как же вы не поняли?! Ну идиотка? Овца? Полоумная, тупая, бестолковая, умственно неполноценная дура, а никакая не воровка!

Честно говоря, я ожидал, что хвостатая начнет немедленно протестовать. Заявлять, мол: «я не дура, сам такой!», на что я мог бы воскликнуть — «вот видите! Кто в здравом уме стал бы спорить перед угрозой казни?». Но ушастая лишь играла челюстью не сводя глаз с моих берцев. Не вовремя она поумнела...

— Ну, мыслишек в ее буйной головушке и впрямь немного... — пожал плечами сотник. — Но чем докажешь-то? Слово честное на веру дашь, али бумаженку состряпаешь?

Демонстративно подняв рапиру, я перешел к заключительной части выступления:

— Вы ее оружие видели? Иголку эту? Вот такой длины и такой толщины? — провел я рукой по клинку.

Несколько стражников кивнуло.

— С чьими шкурками она на ворота явилась?

— Ну крысиными, знамо дело... — фыркнул один из северян в толпе.

Эх, не зря я этой дуре показывал, как шкурки свежевать...

— А кто, в здравом уме будет с иголкой на крыс охотиться?!

На лице ближайшего стражника промелькнуло нечто вроде сомнения.

— Есть хоть один нормальный человек, который будет жрать казенное яблоко на глазах у половины стражи?!

Северяне неуверенно переглянулись.

— И кто, мать его, будет носить тряпку на здоровом, епт его в сраку, глазу?!

Приблизившись, я резко сорвал повязку с пыльного девичьего лица.

Представший взору, совершенно здоровый и слегка заплаканный алый глаз, привел бородачей в еще большее замешательство. Ушастая же как-то невнятно пискнула и крепко зажмурилась, пряча лицо за перемазанной в грязи челкой.

Я, конечно, не врач, но уверен, что давить слезу отсутствующим глазом, как минимум, проблематично. А на пыльных щеках виднелось именно две дорожки. Все-таки, иногда девичьи слезы не врут.

Правда, отчего такая реакция? Зачем она так отчаянно здоровый глаз прятала? Очередное здешнее суеверие? Типа не диссинхрония или «разноглазие», а какой-нибудь «дурной глаз» или «дьяволово око»? Вполне возможно. Местные вообще любят названия по пафоснее да суеверия поглупее.

— Складно, складно... — кивнул головой рыжий и жестом велел своим загомонившим подчиненным заткнуться. — Токмо вот... А нам-то с того, что? Полоумная али нет, а ответ держать обязана! Тащем-то...

— Дурной знак, сотник. — подал голос «сержант». — Перед празднованиями блаженных увечить...

— Молчать!!!

Рев рыжего верзилы в очередной раз заставил мои колени произвольно дернуться. Ну и глотка у него!

Сотник самодовольно оглядел притихших зрителей и вновь повернулся ко мне:

— Ну что, «кукушонок», проиграл свой заклад? То-то же... Раньше ты как жил? Сам себе служил? А теперича простору службу сослужишь...

Ага, счаз-з-з... Зря я тут распинался про политическую обстановку?! Весь голос посадил.

— А своей головой когда думать начнем?! — уже откровенно борзея, перешел я в «решающий штурм». — Праздник на носу, а ты, любимой всем городом, дурочке ручонки укорачивать собрался?! За сраное яблочко?! Отличный план! Надежный как автомат Калашникова! Бунта захотел?! Толпы с вилами да факелами?! Поди, начальство оценит, да?

Про автоматы они, само-собой, не слышали, но вот с логикой кое-кто все же был знаком. Нервно поиграв рогатиной в руках, «сержант» вновь подал голос:

— Посадник, так-то рубака переходящий дело говорит... Князю верно не понравится ежели...

— Без тебя знаю, бестолочь! Рано тебе кушак всучили! Тебе еще под-десятником ходить не переходить... Тьфу! — вдруг вспыхнул сотник и зло плюнул себе под ноги.

Наградив меня очередным долгим холодным взглядом из под густых бровей, он наконец объявил:

— Пять розог в три пальца!!! — от громогласного рева зазвенело в ушах.

Возбужденный гомон толпы горожан перебивался проклятиями некоторых стражников и звоном железных монеток — проигравшие спор, нехотя расставались с поставленным залогом. Горестно вздохнув, парень отставил бердыш и приблизился к бочке с водой. Извлеченные мокрые прутья заставили меня произвольно поморщиться.

Свист розог, женский крик переходящий сперва стон, затем в мычание. На пятом ударе на деревянный помост грохнулось что-то пушистое и истекающее кровью. Оценив длину оторванного куска хвоста, я недоверчиво проводил взглядом паренька, убирающего розги обратно в бочку.

Мама родная... Хорошо, что я родился во времена, когда детей ремнем наказывали. А то точно бы без жопы остался!

Освобожденная из колодок «разноглазка» едва держалась на ногах, жалобно скуля при каждом движении. Короткие штанишки превратились в окровавленные лохмотья и если бы не поддерживающий ее «сержант» она бы грохнулась в месте. Спустив воровку с эшафота, он уложил ее на лавку у стены казармы и зачем-то снял с пояса флягу. А, уксусом задницу обрабатывать собрался...

— Доволен? — осведомился рыжий, забравшись по лестнице, и встав возле меня. — Или ты сейчас и ведьму в дурехи запишешь?

Поглядев в пустые серые глаза, я не смог удержать протяжного стога. Со всеми этими экзекуциями синевласая напрочь вылетела из головы. Ладно, раз уж начал...

— Сие хохма была, дубина! — сотник оборвал мою еще не начавшуюся речь. — То, что ушастая воровка оказалась головой простужена — никак не умачивает чужого колдовства! А теперича... Проваливай с глаз моих! И содомита своего уводи! — он презрительно плюнул под ноги «оруженосцу».

— Какие ваши доказательства!? — выпалил я и впервые в жизни пожалел, что рядом нет деда.

Его деревянная нога сейчас бы пригодилась. Впрочем, не думаю, что местные знакомы с «кокаинумом», да и я на Шварца не тяну.

— Никак не разумею, — тебе за нахальство розг всыпать, али дочь за храбрость выдать? А пес с тобой... Пусть хоть одна теплая тварь посмеет обвинить меня в пустомельстве! — великан еще раз звучно сплюнул под ноги Гене и щелкнул пальцами, жестом приказывая одному из стражников.

Тот спешно приволок витиеватую резную палку. Ту самую, которой волшебница напоила огромную крысу до отказа. Молча приняв посох из рук, сотник размашисто швырнул его в мое лицо:

— Насытишься этим или продолжишь судьбинушку испытывать? — стальным тоном осведомился он, пока я морщил ушибленный лоб и сжимал в руке резной посох.

Судя по всему, терпение северян на исходе. Если я немедленно не извинюсь и не уйду — темница будет самой завидной участью. Честно говоря, мне и самому вся эта магия-шмагия не по душе, но не казнить же за это?

Оглядев хмурые северные рожи перед эшафотом, я уже хотел сдать, но вдруг встретился взглядом с «сержантом» в кушаке. Немолодой бородач как-то двусмысленно поглядывал на магнитный жезл, воткнутый за мой пояс.

В голове появилась очередная идиотская идея.

— Да это же просто палка! При чем тут колдовство?! Я что по вашему, тоже кудесник дофига?! — я вытащил из-за пояса трофейный жезл и бесцеремонно ткнул им в рогатину «сержанта».

То ли из-за неожиданности, то ли, наоборот, из-за смекалистости, — бородач не удержал древко и под недоуменные взгляды толпы, здоровенный наконечник тут же «присосался» к жезлу. При чем намертво.

Где только те жулики такой магнит раздобыли? Такие в природе, кажись, не встречаются...

— Колдун! Мороку наводит! — раздался голос паренька с бердышом.

Ага, бабка-поведеуха, блин.

— Фокус это, а никакое колдовство! Трюк! Ну, обман! Детишек смешить, зевак развлекать да деньгу зашибать! Артисты мы с ней! — я кое-как отцепил магнит и вернул оружие бородачу.

— Так ты заявляешь, будто вы... — сотник кивнул на притихшую синевласку. — Скоморохи?

Я усиленно закивал головой, говоря, что являюсь потомственным клоуном, комиком, да и вообще, всю жизнь в «Аншлаге» выступал. Когда я подошел к тесному родству с Петросяном, у помоста собралась здоровенная толпа из местных. Бредущие через ворота караванщики, крестьяне да грибки с дровосеками присоединились к зевакам, усиленно интересуясь, что митинг устроили северяне.

— Она этой палкой воду пускала! — вклинился сопляк с секирой. — Я ее у ворот видал! Деревянной палкой колдовала!

Пацан, похоже, начал переживать, что может лишиться возможности отрубить кому-нибудь башку и принялся

активно опровергать мою наспех состряпанную версию:

— Брешет он все! Он тоже колдун и заодно с этой... — молодой стражник заткнулся от звонкой затрещины «сержанта».

Не теряя времени даром, я быстро пресек любые поползновения на сомнения:

— Ну?! Вот о чем и талдычу! Артистами мы подрабатываем! — воскликнул я и резко сломал посох об колено. — Вот! Видали?! Вот тут желобок, а тут пузырек с водой! Просто фокус и никакого колдовства! — помахав обломками перед носом у недовольного сотника, я быстро отшвырнул сломанную палку куда подальше.

Никаких желобков с мешочками там, ясный пень, не было.

— Вона оно как? — быстро нашелся громила. — Стало быть, ты задумал упрасивать отпустить скоморошку свою?

Ага, только этого ты и ждешь, придурок рыжий! Мол, не за колдовство, так за шарлатанство ей башку снести. Да только хрен тебе! Попал ты дядя крепко! Блин, никогда бы не подумал, что вся эта дурь из методичек по допросам может пригодиться...

— А я ничего не предлагаю... — развел я руками, отчего парнишка с бердышом болезненно ойкнул.

Блин, про рапиру в руке забыл...

— Всего лишь констатирую... То есть, заявляю — есть два стула... — я показал два пальца. — На одном гнев народный, а на другом кошель полный!

Приблизившись к Гене, я одним махом сорвал у него мешочек с пояса и многозначительно потряс им в воздухе. Звон увесистого кошелька отозвался жадным блеском в глазах горожан, что глядели на эшафот из-за широких спин стражников.

— Можно, конечно, искалечить, а то и убить несчастную фокусницу и испортить всем праздник да и князю своему как следует поднасрать... — пройдясь до лестницы я едва заметно кивнул просиявшему «сержанту».

— А можно, за выреченный штраф, закупить пива погуще да хлеба побольше, дабы и самим отпраздновать да людей порадовать.

Дойдя до столба с девчонкой и остановившись, я еще раз звякнул толстым мешочком и оперся о крепкий столб, демонстративно зевая.

— Не вели казнить, посадник... — излишне громко начал «сержант», обращаясь больше к площади, нежели к командиру. — Но как было князюшкой приказано: «не силою, а сердцем!» И деньжата быгодились...

— Молчи! Молчи аспид! Довольно твоих пререканий! Еще слово и вылетишь из сотни — никакие заслуги не спасут!

Но, несмотря на угрозы великана — стражники уже всюду шушукались. Взбудораженные напоминанием о некоем князе, северяне вторили словам «сержанта», суть которых сводилась к «князюшка накажет!»

А «сержант» все не унимался:

— Возможно и впрямь монетой обойтись? Все ж не колдовством промышляла, а шарлатанством, да и...

Звонкая оплеуха отдалась зубной болью у доброй половины зрителей. От столкновения с ладонью великана, несчастный дядька рухнул как подкошенный. Выпустив пар и приказав подчиненному заткнуться, сотник с деланным безразличием но явным гневом в глазах, медленно подошел к столбу с привязанной «скоморошкой».

Серые глаза впились в меня, словно собака в кусок мяса. Даже под густой рыжей бородой было видно, как у великана играют челюсти. Вероятно, будь на его месте какой-нибудь рыцарь или лорд — даже сам господь бог не смог бы его ни в чем убедить. И мою жопу непременно бы отправили на виселицу просто из-за дерзости да оскорбления благородных очей одним своим существованием. Но, к счастью, у северян нет ни рыцарей, ни лордов.

Оглядев собравшуюся за спинами стражников толпу, великан замешкался на парочке совсем юных пацанов в ярких синих камзолах. Прислуга из замка, что ли?

Густая рыжая борода чуть дернулась в усмешке:

— Всыпать пяток розг на три пальца и с глаз долой! — скомандовал сотник, властно указав перстнем на привязанную к столбу синевласку.

Стражник с топором явно хотел запротестовать, но получив подзатыльник от быстро оклемавшегося «сержанта», понуро побрел к бочке с толстыми прутьями.

Заглянув за густые брови великана, я с трудом сдержал ухмылку. Что, дядя, не верил? А вот как все обернулось... Вывод — нехрен перед личным составом разборки устраивать! Либо авторитет подорвут, либо в дураках оставят. Ну, или, как сейчас — с двух сторон поимели.

Приблизившийся молодой стражник уже было пристроился к мычащей девчужке, но великан вырвал у него прутья и повернулся ко мне:

— Раз головой поручился, сам и трудись! — выхватив рапиру, он всучил мне мокрые розги.

Понятно, это он меня так наказать удумал... Блин, а с виду вроде умный дядька! Впрочем, ладно — уж лучше я, чем тот садюга. Всю кожу с бедной хвостатки снял! Ну, или, с полухвостатки...

— Вздумаешь хитрить или шадить без меры... — сотник вновь поглядел на парочку в камзолах. — Сам шкуру спущу.

Поглядев на играющего челюстями Гену, я нехотя встал позади девчушки. Ушибленную руку ощутимо потряхивало, но стиснув зубы, я все же взялся за дело. Первый удар заставил малявку лишь испуганно дернуться — несмотря на звучный свист, прутья коснулись лишь столба.

— Десять розг. — объявил рыжий, не сводя с меня глубоких серых глаз.

— Так было же пять!

— Теперь одиннадцать. — объявил он и тут же отпихнул от себя подскочившего «сержанта».

Тот попытался воззвать к разуму и принялся повторять про «княжеский наказ», но ответ получил лишь кулаком в бороду:

— Одиннадцать розг или голова с плеч! И пошевеливайся, нечего цирк за дарма устраивать. Чай не в Живанплаце... — сплюнул он, глядя в толпу.

Я готов был поклясться, что видел хитрую улыбку, промелькнувшую сквозь густую бороду. Что-то тут не то. Что-то совсем не то! Сдается мне, вся эта «казнь» была затеяна отнюдь не из-за яблока.

Глубоко вздохнув, я взялся за прутья здоровой рукой.

Несмотря на кляп, плотно загнанный в девичий рот, с каждым взмахом мокрой вязанки, синевласка истошно мычала. Все громче и громче. Оклемавшаяся ушастая ругалась, сыпала угрозами и пыталась протолкнуться к лестнице, северяне бились о заклад, выясняя, устоит ли «скоморошница» на ногах, а Гена продолжал все крепче сжимать челюсти и, теребя пустые ножны, вздрагивать от каждого удара.

Сквозь визг розог мне чудился далекий хрип рации и лягз давно мертвых катков.

На последнем ударе, обшарпанные доски эшафота украсились застучавшими каплями крови. Как бы я не старался, даже удары по касательной вспороли спину девушки. Когда синевласку наконец отцепили от столба она звучно грохнулась на помост, демонстрируя всем собравшимся алые полосы во всю спину. Платье разорвало в клочья.

Счастливая улыбка на лице молодого северянина сияла ярче слез волшебницы. Забрав и закинув розги обратно в бочку, он уже намеревался спихнуть девчушку с помоста, но окрик «сержанта» заставил остановиться. Вместо начищенного сапога, девушку коснулись морщинистые руки — бородач понес страданицу в толпу бережно передавая странным мальчикам в синих камзолах.

— Доволен? — голос рыжего великана вырвал меня из протрации. — А теперь оброк! Плати, не то сам в колодки сядешь!

Ни мычание синеглазой, ни размашистый визг плетей, ни вопли хвостатой нисколько его не тронули. В отличии от кривляний одного заезжего идиота который пытался уберечь двух дур от топора.

Кажется, я начинаю понимать, почему северян в городе недолюбливают...

Не дождавшись ответа, великан презрительно фыркнул и резким движением вырвал кошель из моей руки.

— Р-р-рапиру... — прошипел заикающийся то ли от страха, то ли от гнева «оруженосец».

— Рапиру? Ах, это... — повертев красивый клинок в могучих руках, сотник со всего маху приложил его об колено.

Дорогой и очевидно крепкий металл не выдержал надругательства, отчего лезвие разломилось надвое. Швырнув обломки мне под ноги, великан, ни говоря ни слова, спустился с помоста.

— Вот же хер рыжий... — еле слышно фыркнул я.

Что стражники, что горожане — начали расходиться. Кто в казарму, кто в ворота, а кто — в ближайший кабак, дабы новую басню рассказать. Об охреневшем северном долбозвоне «Рыжей бороде» и потасканном наемнике «Покоцанному балде».

И я так и не понял, кто кого перехитрил...

Пока Гена суетливо собирал осколки своей булавки, на эшафот взбежала ушастая с вновь надетой глазной повязкой.

— Ой, ладно! Чем мог, тем помог. — отмахнулся я, не желая выслушивать благодарности. — Давай только без соплей обойдемся. И так тошно... — мощный удар ботинком по самому сокровенному, отбил все потуги на благородство.

Пока я отчаянно хватался за ширинку, охреневшая кошатина плюнула мне прямо в рожу и тут же заспешила к лестнице. Сыпя проклятиями, она побежала за «синими» пацанами, ведущих едва держащуюся на ногах синевласку за ворота.

Нафига они ее из города-то повели? Аптека ведь в другой сторо... Блин, больно-то как!

— Гена-а-а... Генка, а ну вломи этой дуре ушастой... Прямо по роже... — шипел я, прыгая на одной ноге и пытаясь совладать со жжением в интересном месте.

Но вместо справедливой казни неблагодарной жопы в изорванных штанишках, парень лишь как-то странно

посмотрел на меня. До крови сжав обломки рапиры в руках, пацан спрыгнул с эшафота и едва-ли не бегом ломанулся по дороге, то и дело вытирая что-то с лица.

А его какая муха укусила? За булавку, что ли, обиделся? Или за деньги?

Закончив прыгать как debil и поглядев на опустевшую площадь у казармы, я встретился взглядом с десятником. Сияя наливающимся синяком под глазом, он пожал плечами:

— Вон оно как бывает, да? Ну, бывай, «кукушонок»! — он дружески подмигнул мне и тут же махнул своему напарнику.

Дождавшись пока недовольный парень унесет бердыш в казарму, бородач подхватил толстое копьё у помоста да двинул по пыльной дороге в сторону площади. Казни казнями, а патруль по расписанию.

Все еще болезненно морщась, я прислонился к пустой колодке и принялся хлопать по нагрудным карманам в поисках сигарет. А ну да, стеганка же...

— Мда, день новый, а дерьмо все то же... — фыркнув и оглядев опустевший пустырь перед воротами, я нехотя заковылял к лестнице.

Глава 12: Молодуха с косой

Родной клоповник в закатных лучах выглядел еще дешевле, чем обычно. И я даже не уверен, то вина солнца или отвратительной шумоизоляции, что стала еще паршивее после пожара.

— Да, да, да!!! Выплесни свое молочко мамочке в ротик! О, вот так! Еще!!!

Встретившись взглядом с раскрасневшимся от подобных воплей малолетним водоносом, я нехотя двинулся к двери борделя. Вернее — ширме. На новую дверь старая карга очевидно зажмотилась.

В главном зале, вместо лестницы на второй этаж, теперь располагалось нечто вроде бара. Ну, или рыгаловки.

Синие, от дешманского пойла, рожи вызывающе уставились на меня, но после беглого осмотра, быстро вернулись к вонючей выпивке да дешевым бабам. Как и прежде, связываться ни у кого желания не возникло. Ну, хоть что-то здесь не изменилось...

— Погоди... — я перехватил знакомую женщину, ведущую пьяного клиента в коридор, который раньше шел в купальню. — Ты тут парнишку не видела... Длинноволосого такого и с всякими резинками в волосах? Ну, то есть, с повязками? Разноцветными такими?

Придержав еле стоящего на ногах «синяка», дамочка игриво притронулась к жетону на моем рукаве:

— О-о-о... Так ты уже оловянный? А зачем тебе парнишка, когда есть я? — дохнув на меня кислым яблочным вином, она облизнула пожелтевшие губы.

— Слышь, я лучше свой хрен в блендер... Тьфу! Короче, видела или нет?!

Дежа-вю какое-то...

— Может и видела, может и нет...

Поглядев в жадные шлюшьи глазки, я быстро сунул ей первую попавшуюся монету. Тратить время на пререкания не хотелось — не хватало еще с хозяйкой столкнуться. Та непременно попробует поиметь меня на предмет бабла за молчание насчет Аллерии с герцогиней.

Засунув медный лепесток в узкую щель между огромными грудями, женщина опять демонстративно облизала губы и ткнула пальцем в левое крыло:

— Там твой мальчишка. Но я бы на твоём месте поторопилась, а то он уже вот-вот станет мужчиной...

Оставив барышню с упившимся в хлам синим «аватаром», я двинул в коридор.

И за каким хреном Гену сюда понесло? Он же из благородных, да и денег куры не клюют — мог бы на Заречную сходить. Там-то бабы всяко получше, а бабла бы у него хватило... Или тот мешочек был единственным? Если так, то он еще глупее, чем я думал.

Бывшая столовая, вместо масляных ламп и потертых лавок, встречала кучей ширм да кустарных перегородок, образующих узкий коридор с потрескивающей печкой в конце. Судя по шепоткам, пороссячьему визгу и пьяному хохоту — рабочий «день» находится в самом разгаре.

Уже смирившись, что придется заглядывать за каждую шторку, а потом долго-долго пить, дабы забыть увиденное, я вдруг приметил пару знакомых сапог у самой печи. Крепкая черная кожа, широкие точеные каблукки да излишне качественная выделка сильно выделялись на фоне закопченной печки и нестиранных занавесок.

— Ты летать научился или по жизни дятел? Сопрут же! — заявил я, раздвинув ширму закинув пару сапог прямиком на линялый матрас.

Сияя голым торсом, Гена удивленно вылупился на меня, продолжая сжимать деревянную кружку в одной руке, а другой — тянуться к пухлой женской груди. Притворно засмушавшись, Молочная Мэри прикрыла свои дряблые прелести еще более сморщенным платьем:

— А говорили, будто ты уехал... — то ли обрадовалась, то ли расстроилась женщина с комплекцией, больше подошедшей корове, нежели человеку. — Вы что это, мальчишки... — она перевела взгляд с меня на Гену: — Вдвоем вспахать удумали? Э-не! За то — двойная плата положена!

Тетка принялась загибать толстые пальцы и озвучивать расценки:

— Устами любить — розочка. Женою быти — две! Ну а коли в седалище ужалить изволите, — то готовьте по пятаку! И никаких «ой, та у меня маленький...» Эй! — воскликнула Мэри, когда я схватил ее за руку и потащил прочь из завешанной тряпками каморки.

— А деньги?! — заверещала она, оказавшись выкинутой в коридор.

— Потом отдашь! Свободна! — задернув шпору, я вновь повернулся к раскрасневшемуся Геннадию.

Парнишка неуверенно теребил деревянную кружку в руках и, похоже, ощущал себя сродни школьнику, пойманному за рисованием на обоях:

— Я... — запинаясь, начал он. — Я бы не хотел вас видеть, сир. Если позволите...

— А я бы не хотел бегать по всему городу и выспрашивать у прохожих, не видели ли они ревущего придурка с фенечками в волосах. — оценив кислую мину пацана, я потер ушибленную руку и уселся на матрас.

Парень неуверенно дернул бледными плечиками и, взглянув на дорогие ножны в углу каморки, приложился к кружке. Похоже, он очень хотел послать меня куда подальше, но отчего-то не решался. То ли боялся получить по заднице, то ли просто стеснялся.

Не то, чтобы я так уж порывался утирать соплю какому-то благородному сопляку, но все же с рапирой вышло некрасиво. Вещь очевидно дорогая и, судя по реакции мальчика — очень ценная.

— Ты из-за рапиры, что ли, расстроился? Да не парься — починим.

— Не починим. Севернее Хребта не найдется столь искусного мастера... Но не в том дело. — он вдруг сжал кулаки и решительно повернулся ко мне лицом. — Я более не желаю нести ваши оскорбления!

— Это чем же я тебя оскорбил-то? Сам-то на меня своего родственничка награвливал! Гена, ты ничего не попутал...

— Я не «Гена»!!! Я Геннаро Клебер-Сале и требую...

— А ну заткнулись там!!! — раздался недовольный мужской голос из-за ближайшей занавески. — Пока я тебе «клебера» в твоё «сале» по самое «геннаро» не вогна-а-а... Да, вот так! Еще! Суй глубже! Поиграй там пальчиком!

Недовольство клиента прервалось напряженным сопением и неприличными звуками. Поглядев на стушевавшегося пацана, я вздохнул и, перехватив его кружку, потянулся к кувшинчику с какой-то бурдой. Помоему, — яблочное вино вперемешку с пивом. Нафига он такую дрянь-то пьет?

— Я надеялся, что хотя бы вы будете относиться ко мне с должным уважением. — наконец заговорил он. — Но вам нужны лишь мои деньги... И относитесь ко мне, словно к слуге или мусору! Даже ни разу не спросили... А не важно... — горько вздохнув, парень и крепко приложившись к кружке, истошно закашлялся.

Дешманское пойло ему явно не по нраву.

Поглядев на парнишку, я устало откинулся на матрасе и уставился взглядом в криво настеленный потолок. Устал я. От клоповников, от городов, от мирка дурацкого... Свалить бы куда подальше. От всех этих мечей, феодалов и дураков, пытающихся что-то кому-то доказать.

А малец знай себе бубнил. Мол, я его не уважаю, не ценю и вообще, то за кузнечиками отправляю, то пирожков требую, то городским психом или содомитом представляю.

— А я просто хочу чтобы... Чтобы... Чтобы меня всерьез принимали! Я ведь защитил вас от того огромного разбойника! Отправился вместе с вами к этим северными дикарям! А если бы пришлось, то и в бой вступил, а вы... Вы будто и не замечали моего существования!

Кажется, до меня начинает доходить, что с этим пацаном не так...

— Ладно! Ты прав. — я снова принял сидячее положение и взялся за кружку. — Я действительно не относился к тебе с должной серьезностью. Тут уж без обид, со срочниками у меня всегда так.

Пацан затравленно уставился на меня, явно ожидая подвоха.

— И раз уж я прозрел, то позволь извиниться за сегодняшнее. Ну, что все так обошлось. И если вдруг хочешь поделиться терзающими тебя мыслями — я внимательно слушаю.

— У меня больше не осталось денег, если вы об этом.

— Ну, тогда возьми немного. — я снял с пояса свой кошель и положил перед пацаном.

Глаза Гены недоверчиво поблескивали в свете вонючей свечки. Судя по его отвисшей челюсти, он ожидал чего угодно, но только не этого. Пф... Можно подумать, я с раскисшими срочниками дел не имел.

— Не удивляйся так! За слугой или мусором по всему городу не бегают, знаешь ли. И за «Гену» не обижайся — мне так привычнее просто. Да не телься ты! Выкладывай, что беспокоит? Нафига к шлюхам намылился? Чего на площади-то заплакал?

Полуголый парнишка еще пытался что-то возразить про то «я не плакал!» да «вам все равно не интересно», но факт, что жаловаться мне можно бесплатно, а шлюхам только за деньги, все же сыграл свою роль. Бабла-то у парня не осталось. От слова совсем.

— Если вы и вправду желаете выслушать... — сдался он, сияя голым торсом в свете сального огарка.

Длинная заунывная история и плаксивые нотки действовали убаюкивающе, но актерское мастерство продажных женщин и неистовство клиентов так и не позволили заснуть. А жаль! Ибо слушать очешуительные истории меня задолбало еще позавчера — спасибо Аллерии с малолетней герцогиней.

Со слов парнишки выяснилось, что приставка «Сале» значила нечто вроде «низкий» или «грязный». Короче, незаконнорожденный. Маман у него загуляла с каким-то смазливый слугой и сдуру притащила благородному дедуле подарок в подоле. Тот, само-собой, не шибко обрадовался такому «киндер-сюрпризу», но дочь не выгнал и даже оставил новорожденного при дворе. И все было бы нормально, если бы не «Визжащий шпорм».

Дедуля держал жирный кусок земель где-то у побережья Закатного моря ну и, собственно когда началась движуха осатаневших куриц, владениям пришел абзац. Пацан, будучи совсем еще мальчонкой, оказался единственным из всех тамошних Клеберов кто спасся из утопающего в резне города. Вместе с немногочисленными беженцами, гвардейцы дедули привезли малолетнего Гену к его ближайшим родственникам, владеющим куском

земли помельче да победнее, зато с офигенными заявками на честь и благородство.

Скрипя сердцем, пацана они все же взяли, но относились как говну. Чему-то среднему между бедным родственником и элементом подсобного хозяйства. Только дядька, будучи единоутробным братом его мамки, встретил мальчика более-менее нормально. Даже офигенную рапиру подарил.

Но бешеные птицы подгадили и тут. То, что поначалу было воспринято как пиратский налет доселе невиданных существ, превратилось в полномасштабное вторжение.

Дядька, будучи красивым мужиком овеванным доблестью и турнирной славой, оказался тем еще ссылком и вместо защиты подданных — свалил куда подальше, прихватив с собой племянничка. За что из «Клебера-Изящного» превратился в «Клебера-Трясогузку» и по окончании войны с религиозными курицами — лишился башки, по приказу сюзерена.

Ну и с тех самых пор Клеберы стали едва ли не главными чмырями как среди конелюбов, так и жаброедов. Стали бы главными, да то почетное место занял какой-то граф Эмбер, но я так и не понял почему.

Клеберов лишили всех земель в Западном просторе, а их прямой сюзерен с Виридикса оставил лишь огрызок с десятком разоренных деревень где-то на севере полуострова.

— Поэтому десница и перекрещенная, понимаете? — он кивнул, принимая полупустую кружку обратно. — Символ нарушенной клятвы и пути к искуплению. Дядя... Ну, не казненный, а другой, с которым вы дважды на арене сходились. Он одержим идеей вернуть утраченную честь нашему... То есть, его роду. Поэтому мы в Грисби и поехали. Его на праздник для выступления пригласили, в салоне разместили. А я... Ну, я надеялся, что смогу отличиться. — он отхлебнул пойла и поморщился. — Пограничье ведь. Думал, смогу выучиться, выковать имя и доказать дяде, что достоин стать его оруженосцем, но... Не получилось.

То, что родственничек его и в хер не ставил, было и без слезливых историй понятно. Наговорив много «лестных слов» и кинув пацана через известное место, Ловкач сунул ему кошель с баблом, дабы племянник доехал до родовых земель, а сам подался на турнир в Молочном замке. Видимо, уж очень испереживался, что его при всех какой-то наемник отмудохал.

Несмотря на то, что дядьке с племянником было по пути — брать бастарда с собой благородный рыцарь отказался.

— Так чего ж ты домой не поехал? Нафига все деньги спустил... То есть — мне заплатил? — быстро поправился я.

— Желал доказать... Хотел проявить себя, понимаете? Показать, что я тоже гожусь на службу и способен помочь восстановить имя рода? Что я не просто выродок и очередное позорное пятно! Что я мужчина! Что я и сам могу за себя постоять!

Ага, нашел, чем доказывать. Сдается мне, если его родственничек узнает, что пацан на виду у всей площади просился к наемнику в оруженосцы — бедолагу Кондратий схватит.

— Может, хоть тогда избавлюсь от клейма грязнорожденного... — промямлил он, прикладываясь к кружке.

Ох уж эти местные порядки... Что идиотская логика? Раз родился вне брака, то значит от бесчестья и похоти, а раз так, то бастард и сам является концентратом похоти да бесчестья. Шиза какая-то, если честно.

— Мужчина я, как же... — снова потеряв весь пыл, запричитал Гена. — Даже с женщиной не переспал... Да на что я вообще гожусь? Я же...

Да, чтоб тебя! Достал ныть! Целый час этот бред слушаю! Я сейчас сам его трахну, лишь бы заткнулся!

Вскочив с кровати, я скомандовал сопляку встать на колени. Голубые глаза в страхе округлились, но прежде чем пацан открыл рот, дабы сказать какую-нибудь глупость, я извлек трофейный кинжал. Хрен с ним, можно и без коленей обойтись. Набрав воздуха, я положил лезвие на голое плечо:

— Повторяй за мной! Я Геннадий Клеберович-Са... Тьфу! Я, Геннаро Клебер-Сале, торжественно присягаю на верность своему отечеству — Российской Федера... Да твою-то мать!

Ну что же такое?! Третий год в этом мирке живу, а никак не привыкну! Вечно память чудит. А впрочем, все равно в душе не чаю, как у них тут в верности клянутся. Хрен с ним, присягой обойдется!

Физиономия парня менялась от недоверчиво-насмешливой до драматично-серьезной. По мере обряда, его глаза увлажнились, а лицо приобретало все более и более серьезные нотки. Неужто он правда так сильно в оруженосцы хочет? К нищему наемнику? Совсем дурак что ли?

— К-клянусь достойно исполнять воинский долг... — блестя влажными глазами, благоговейно повторял пацан. — Мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй...

Крякнув и тряхнув головой, он вдруг зажал рот руками, стараясь сдержать подступивший кашель. Но выпитый «коктейль» из пива и вина уже вырвался наружу.

— Ты охренел?! Кто давал команду блевать на офицерскую обувь?! Ах ты... Черт, только этого мне не хватало... — фыркнул я принялся отряхивать запачканный ботинок.

Вот же говнюк! Мало того, что заставил по всему городу за собой бегать, так еще и обувь зафаршмачил!

Блин, как бы он не захлебнулся тут...

За все присяги, до которых мне приходилось доводить новобранцев — эта стала первой, где пришлось придерживать волосы блюющему парню. То еще «удовольствие», если честно. Особенно, если учесть сопение и похотливые выкрики раздающиеся из-за занавесок.

Но лучше уж так. Хоть сам не перепачкаюсь, когда до дома тащить буду. То, что жить ему теперь негде и не на что, было так же очевидно, как и временно утраченная возможность передвигаться самостоятельно. Не бросать же его в этом клоповнике? Хозяйка от халявы не откажется. Пару-тройку роз он ей за ночь точно заработает...

Поглядев на плюющего пацана, я нехотя начал искать взглядом его одежду. Полуголым по улице точно не потащу. Подумают еще чего.

— И так не жилье, а сумасшедший дом... — проворчал я, вынимая из под его пьяной задницы мятый жилет.

Закинув бухого сопляка домой и уложив его возле не менее синего деда, я двинул в гильдию. Ночной мрак, разгоняемый лишь тусклым полумесяцем да редкими фонарями, не предвещал ничего хорошего. Зал гильдии встретил запахом мытых половиц и непривычный тишиной.

Едва зайдя внутрь, я встретился с «финальным боссом» этого дня.

— Ты опоздал. — заявила блондинка, сидя за стойкой регистрации в гордом одиночестве.

Книжка в ее руках и закинутые на столешницу ноги в черных туфлях вкупе с бутылкой темно-красной жидкости явно намекали — барышня дожидается уже не первый час.

— Да я бы вообще не пришел, если бы не эта дебильная записка! — приблизившись к регистрации, я хлопнул сложенной бумажкой по столу.

— Всего-навсего напоминание о пунктуальности. Которое не сработало. Два опоздания за два дня — есть чем гордиться. — сухо подвела она и театрально хлопнув книгу, убрала ноги.

— Во всего лишь «напоминании» не обещают лишить жетона и сдать конелюбам как северного шпиона! Еще и прямо под дверь просунула! А если бы кто-то увидел?!

Достала уже! У меня и так забот выше крыши, так еще и эта полоумная привязалась! Тренировки какие-то затеяла... Нафига мне тренировки? Меня в отряде два года рубить учили — и отнюдь не зубочисткой!

— Немного драматизма не повредит. Ты же явился? Итак... — едва она замолчала, как в мое горло ткнулась острая игла.

Я тупо моргнул, пытаясь понять, что произошло. Это магия какая-то или последствия насыщенного денька? Моргнуть не успел, а она уже клинком тычет — офигеть!

— Слушай, ты достала со своими закидонами! — я резко отступил назад и поглядел на острую шпагу, с которой свисала капля крови. — Меня и так весь день трахали все кому ни лень не говоря уже про...

— Про бродяжных шарлатанов, про выступление на цирке северян и, конечно же, про тот звонкий удар в твои «колокольчики» — ты это хотел сказать? — ухмыльнувшись, она ловко перемахнула через столешницу и, чуть покачнувшись да стукнув каблуками, двинулась ко мне, ни на секунду не убирая поднятую шпагу.

Пятясь назад и стараясь не споткнуться о расставленные по залу столики, я мельком скосил взгляд на стойку. Судя по уровню красной жидкости в бутылке и паре ее пустых «сестер» — дамочка конкретно ужралась.

И кто эту алкоголичку на такую должность поставил? А, ну да — аристократия же... Тьфу!

— Ты силен, высок и даже ловок. Однако, что касается техники... — она сделала выпад, и клинок просвистел над моим ухом. — Мне встречались коровы, обладавшие большей грацией. Да как ты ноги переставляешь?! Носком! Носком сперва!

Когда я едва не запнулся о табуретку, обнаглевшая Фальшивка, уронив с плеча золотистую косу, немедленно лягнула меня по ноге.

— Следи за противником!!! Хватит спать! Это я весь день анкеты разгребала, а не ты!

— Да ты достала, полоумная! Я же тебя поломаю нахрен!

Но вместо ответа засранка саданула лезвием по руке. Разозлившись, я попытался схватить ближайший стул и швырнуть его в озверевшую алкоголичку, но получил лишь укол в зад да порцию залиvistого девичьего смеха.

Ну почему?! Почему все женщины вокруг меня насквозь отбитые?! Где же ты, милая, добрая, и без учета в психдиспансере?!

Мечты о штопаных носках и вкусном борще были прерваны свистом шпаги и новой лекции в стиле «хлебалом не щелкай». Гоняя меня по всему залу, блондинка искренне негодовала:

— Как ты вообще выживал все это время?! Ты абсолютно не подготовлен! Что это за движения?! Ты же в ногах путаешься! — она больно пнула туфлей по лодыжке. — Кто учил тебя фехтованию?! — шпага с легкостью прошла стеганку и больно уколола живот. — Рукопашному бою?! — она легко выбила схваченный с барной стойки поднос.

— Проклятье, да тебя с самых азов учить нужно! Словно мальчишку!

— Ну нифига себе заявка! Меня два года в отряде всей этой лабуде учили! Мечами бить, копьями махать, да дубинами резать! Тьфу, наоборот! Да убери ты эту херню, больно же! — укол в отбитое плечо хоть и был совсем не глубоким, но отозвался болью во всем теле.

— Оно и видно! Клинкам обучался у мельника, равновесию у мясника, а верховую езду и проверять боязно! Ты ни на что не годишься! Проклятье! Да мне проще рогача надрессировать! — ничуть не сбавляя напора, блондинка играючи выбила едва извлеченный кинжал.

От ее самодовольной ухмылки и выпендренных речей сводило челюсть. Достала, ух и достала же ты меня! Нахрен! К черту церемонии, сейчас я ей эту косу кое-куда засуну...

Дождавшись очередного выпада пьяной дуры я, вместо того чтобы отскочить, ринулся вперед. Девушка попыталась отпрыгнуть, но крепко схваченный воротник рубашки не позволил. Развернув ее к стене, я резко впечатал девицу в прибитую доску с надписями ассортимента блюд. Выбив из рук метнувшуюся рапиру и проигнорировав ошеломленный взгляд янтарных глаз, я навалился всем весом, не давая вырваться

— Ну что, просрала иголку?! Тыкать нечем?! Ну, сейчас я в тебя сам потыкаю!

Она попыталась засадить ногой мне в пах, но получилось ровно наоборот. Подняв ногу, я тупо усадил ее на свое колено, заставляя беспомощно трепыхаться, суча туфлями над полом.

— Туземцы долбаные... Учить вздумала!? Так я научу! Прежде чем вступать в рукопашный бой, солдат должен сперва: просрать автомат... — отведя девичий кулак, я выхватил из-за пояса старую добрую чесалку. — Затем штык-нож, каску, ремень, пехотную лопатку... — в челюсть метнулась белобрысая челка, но обожженная ладонь, надавившая на девичье горло пресекла, отчаянную попытку.

— Нужно выбрать место, где нет ни единой палки или камня... — отпустив горло, я ухватился за волосы и занес ржавый нож. — Потом отыскать на поле боя, точно такого же раздолбая! И вот тогда да, тогда можно и врукопашную!

Стройная девушка шипела, трепыхалась и отчаянно сучила конечностями, но силы были неравны. Отточенное лезвие ржавого и неказистого ножа, пусть не сразу, но сделало свое дело.

— На! Подавись своими лекциями! — рявкнув и отпустив Фальшивку, отчего та грохнулась на задницу, я швырнул ей на колени ее же собственную косу.

Фух! Вроде полегчало. Еще и запах этот... То ли она сама по себе такая ароматная, то ли духи уж больно вкусные. Еще и колено до сих пор теплое. Блин, как с колышком-то неудобно...

Фальшивка от моих фокусов, походу, немного сломалась. Она удивленно таранилась на отрезанную косу и ощупывала затылок. Ох, чую сейчас начнется... Из гильдии поперет — к гадалке не ходи. А может и зарубить попробует. Женщины — народ такой: за туфли и прическу жопу оторвут...

— Невероятно!!! — она вдруг скорчилась в припадке хохота.

От вида ее безудержного счастья, мне вдруг захотелось перекреститься.

— Сногсшибательно! Я тебя обожаю! Проклятье, так и знала, что не ошиблась! Ты бесподобен. Ох, сейчас описаюсь! Аж в боку колет... Умора!

Вид миниатюрной девицы, трясущейся в конвульсиях хохота, пробудил давно позабытое чувство ужаса:

— Эй! Ты чего? Ау! А ну завязывай! — отойдя подальше от обезумевшей барышни я, на всякий случай, схватил со стойки крепкую кружку.

Мало-ли на какое буйство способна эта психованная?

Но глава гильдии лишь продолжала давиться со смеху то, держась за живот, то тряся отрезанной косой, то тыча в меня пальцем.

Наконец, чуть уgomонившись, она протянула руку в мою сторону:

— А ну-ка помоги... Не робей! Помоги своей даме встать, что замер как чучело?!

Чуть посомневавшись, я все же опасливо приблизился.

— Пожалуй... — приняв протянутую руку, она рывком встала на ноги. — Это было лучшее свидание в моей жизни. — заявила она, крутя длинный заплетенный хвост в руке.

— Слушай, тебе бы скорую вызвать, а? По-моему я тебя о стенку слишком крепко приложил... — все меньше ощущая связь с реальностью, ответил я.

— Возможно! Полагаю, даже крепче чем ты думаешь!

Какая-то она сегодня чересчур странная... Валить нужно! Срочно валить!

И тут девушка сделала самую страшную вещь, на какую была способна. Ее медовые глаза блестели при свете чистой масляной лампы, а искренняя улыбка заставляла мое сердце пропускать удары. Протянув изящную ладонь, она нежно провела пальцем по моей щеке и поднесла к своим глазам переливающуюся алую каплю. Через мгновение, кровь из пореза на моем лице скрылась за ее влажными губами.

Мама родная, только не говорите, что она вампир...

Заметив мое смущение, блондинка хихикнула и отвесила низкий поклон:

— Благодарю вас за избавление, любезный господин... За сим, считаю сегодняшний урок окончанным. С нетерпением жду нашего завтрашнего занятия! — объявила сумасшедшая, поднимая шпагу с пола.

Наклонившись до самых половиц, словно демонстрируя обтянутые в узкую юбку ягодицы, она медленно распрямилась и не оборачиваясь, едва ли не вприпрыжку зацокала к лестнице. Дрожащие хрупкие плечи да приглушенное хихиканье отзывались дрожью в моих коленках.

— Что это, мать твою, было?! — спросил я у пустого зала, благоразумно дождавшись, пока глава скроется на втором этаже.

Почувствовав, как по щеке и запястью течет нечто теплое, я нехотя потянулся к фляге с уксусом.

Надо было ей голову резать, а не косу. Хоть не так обидно бы было. Нет уж, хватит с меня этой шизанутой алкоголички!

Поморщившись от жжения в свежих ранах, я сорвал жетон с рукава и бросил его на стойку. В жопу эту гильдию. Мало того, что имя идиотское выбрал, так еще и вместо начальства психичка натуральная! Зарежет ведь еще...

— «Увидимся завтра»... Ага, два раза. Дура полоумная. — плюнул я, приближаясь к двери.

Глава 13: Переулочек между булок

Чистый ночной воздух успокаивал расшалившиеся за день нервы. Все-таки, есть в северянах что-то хорошее — лошадей в города не пускают. А то бывал я как-то возле Живанплаца — не дороги, а сплошные «минные» поля. Впрочем, от северных бычар дерьма бывает не меньше. И я не про «рогачей»...

Оглядев пустырь перед гильдией, я побрел домой короткой дорогой идущей через переулочки. Слабый свет редких уличных ламп и едва заметное мерцание жилых домов не засвечивали чистое ночное небо, и высоко над головой простирался совершенно неопиcуемый вид. Огромный бледный полумесяц высился в окружении тысяч и тысяч ярких звезд, окутанных разноцветными туманностями, словно дымкой в предрассветном поле...

— Не, поэт из меня, как из говна граната. — подвел я заключение, но взгляда от неба так и не оторвал.

Как не крути, а в этом полоумном мирке с охреневшими рыцарями, разборками феодалов и колдунами с бабайками — есть-таки свои преимущества. Вкусная натуральная еда, отсутствие автомобилей и переизбытка народа. Куча живописных и не загаженных человеком мест.

Да и воздух... Когда я впервые оказался в этом мирке, то никак не мог понять — какого-то хрена меня повсюду преследует запах туалетного освежителя? Не тот, который апельсинами пахнет, а такой, типа «горный воздух». И только спустя год до меня дошло, что всю жизнь я дышал фабриками да машинами, а с настоящим чистым воздухом познакомился лишь здесь.

От размышлений на тему «индустриализация: плюсы и минусы для чайников», меня прервало что-то мягкое и хрустящее. Опустив взгляд от ясных звезд на грешную землю, я уставился на свежий труп покоящийся аккуратно под моей подошвой.

— Эм... Прикольно. — только и выдохнул я, спешно оглядываясь по сторонам.

В переулочке у пекарни было так тихо и безлюдно, что невольно хотелось совершить преступление. Пройдя от одного угла здания до другого и убедившись в отсутствии свидетелей, я вновь вернулся к телу.

Не то, чтобы мне так хотелось найти на жопу очередное приключение, но рисунок на стене неподалеку от трупа оказался уж очень знакомым.

Перекрещенные то ли перья, то ли крылья. Хрен поймешь.

Поправив магнит за поясом, я аккуратно присел над телом.

— Надо же какая встреча... — фыркнул я, теребя кусок выкрашенной овечьей шерсти, некогда исполнявший роль бороды. — Простите, что не узнал вас в гриме...

На занесенной мукой и дорожной пылью земле, лежал мой утренний знакомый. Тот самый, что тыкал магнитным жезлом в холст и разводил людей на монетки под предлогом «предсказаний».

В какое время он успел вернуться за потерянной бородой или эта у него запасная — решительно не ясно. Как и причина смерти. Ни крови, ни ушибов — ничего. Лишь широко раскрытые глаза глядящие в красивое ночное небо да излишняя бледность.

— Инсульт жопы или совесть замучила? — хмыкнул я и тут же переключился на карманы усопшего.

Два года работы наемником не прошли зазря, и мародерство стало второй натурой. Наградой моей жадности стала горсть потертых медяков, пара северных железных колечек да всякая дребедень, типа мешочка с сухарями, огнива да стеклянного бутылка, наполненного чем-то белым. Либо клей для бороды, либо малафья — третьего не дано.

То ли от вида трупа, то ли от насыщенно денька, но стук собственного сердца отчетливо лупил по ушам... Срезал через переулочек, называется. Нервы стали совсем ни к черту.

Пройдясь по одежде покойника еще разок, и не обнаружив ничего интересного, я уже собирался смириться и двинуть то ли домой, то ли до ближайших стражников, как обратил внимание на еле теплые ладони. Сжатый в трупном окоченении кулак подозрительно светился в ночной мгле.

— Т уж прости, ничего личного... — сильный удар берцем отозвался хрустом ломающихся костей и из мертвой ладони на землю вывалился крошечный кристаллик.

С виду — обычная пластиковая бижутерия. Если бы не отсутствие нефтяной промышленности у местных да слабое свечение камушка, я бы и ухом не повел.

— Фосфор или опять эта гребанная магия? — пожал я плечами, поднимая очередной трофей.

Странно, но оказавшись в моей руке, он стал светиться куда ярче. Может на тепло человеческого тела так реагирует?

Стук собственного сердца становился все громче и громче, а потому я решил закругляться. Что-то совсем сердечко расшалилось, а значит — хорош на сегодня приключений. Один хрен, на трупе больше ничего интересного не...

За спиной послышался громopodobное фыркание.

— Ты?! Ты?! Ты!!!

Неистовый рев заставил меня подпрыгнуть и выронить странный кристаллик.

Прямо возле дождевой бочки высился исполинский бородатый мужик — тот самый, что едва не ушатал меня магнитной дубинкой этим утром. В лунном свете его перекошенная в смеси гнева и удивления физиономия казалась еще страшнее.

Блеск крошечных поросячьих глазок недоумка, заставили непроизвольно сглотнуть.

— Это не то, что ты подумал! — только и смог воскликнуть я, опасливо отходя от трупа «предсказателя». — Он уже мертвый был! Мужик, давай только без экстрима!

Вечно во всякую фигню вляпываюсь! Даже домой нормально дойти не могу. А все из-за деда! Это он вечно талдычил, что «ничейный труп — твоя добыча».

— Верни! Верни! — вновь проревел слабоумный великан и, не дожидаясь ответа, ринулся ко мне, крепко хватая за больную руку и уже заноса пудовый кулак.

Рефлексы опередили сознание, и колено крепко впечаталось в пах громилы. Не тратя времени даром и добавив ему кулаком по носу, я мигом высвободился и едва ли не вприпрыжку бросился из переулка.

Бодаться на кулачках с этим зверюгой — такая себе идея. Особенно в моем затраханном состоянии. А доводить дело до клинков слишком рискованно. Тем более, что к смерти его напарника я не имею никакого отношения. Только вот — хрена лысого кто в это поверит!

Стремглав выскочив из переулка на дорогу, я едва не врезался в марширующий строй каких-то бронированных мужиков. Один крупнее другого, все в красных плащах да с внушительного вида рогатинами...

— Что встал, раззява?! Дорогу князю!!! — рывкнул на меня предводитель колонны и тут же больно стукнул тяжеленным древком.

Не удержав равновесия, я шмякнулся на обочину и, болезненно растирая копчик, уставился на марширующих мимо северян. Четкая поступь полусотни красных сапог ритмично вторила стуку в ушах.

А! Теперь понятно, что за шум мне чудился.

Возникшее облегчение за собственное сердце было прервано парой блестящих глаз, зыркающих на меня из переулка на другой стороне дороги. Лишь марширующая колонна крепких северных мужиков отделяли мою жопу от многочисленных «вопросов» разъяренного бородача. Походу, он твердо убежден, что именно я грохнул его дружка. В принципе, логично... Не такой уж он и слабоумный, к сожалению.

Облизнув засохшие губы, я поднялся на ноги и поспешил скрыться за ближайшим зданием. Какие бы чудеса дедукции этот громила не показывал, а мой дом не сыщет. Уж я постараюсь!

Подземный барак наполнился басовитым храпом, сонным бормотанием и целым букетом причудливых ароматов.

Этой ночью к мужчине снова приходили образы скользкого от пота древка, блестящего лезвия, хруста чужой шеи и пары влажных янтарных глаз, следящих за ним из толпы. Поведя носом и испытав приступ ностальгии, бородатый северянин поднялся с кровати, нашаривая в свете промасленной лучины свои парадные сапоги.

— Ну и дух стоит — хоть топор вешай... — пробубнил десятник, в густые усы, обращаясь то ли к ярко красным сапогам, то ли к чисто выстиранным портянкам.

Наскоро обувшись и накинув плащ, он растолкал своего подопечного, мирно сопящего на соседнем топчане. Молодой мужчина, еще не успевший обзавестись настоящей бородой, резко вскочил и, не помня себя спросонья, принялся спешно одеваться, гремя кольчугой и роняя сапоги.

— Та не торопись! Всю сотню перебудуешь спозаранку! Час ранний — петухи не пели, так что не спешай... — осадил новобранца десятник и убедившись, что его слова услышаны, отправился к узкой каменной лестнице.

При подъеме на первый этаж он едва не столкнулся со спускающимся караульным. Тот, увидав бодрого десятника, усмехнулся в пышные усы и подивился его самостоятельному пробуждению.

— Это вас, молодых, все на боковую тянет. А нам, старикам, спать уже некогда... — отмахнулся «старик» и, огладив едва тронутую сединой шевелюру, уселся за широкий стол.

Сквозь каменные бойницы проникал лишь тусклый свет уличных фонарей и если бы не разожженная караулом печь, то десятник не смог бы разглядеть даже поданную ему ковригу с капустной похлебкой.

Аккуратно приняв черствый хлеб с выдолбленной полостью, северянин взялся за завтрак. Капуста и свинина оказались слегка разварены, но аппетит портила не стряпня караула, а переливающийся в свете печи бердыш. Остро заточенное лезвие пробуждало неприятные воспоминания в сознании городского. Слишком часто ему приходилось сталкиваться с подобным оружием. Порой в качестве палача, порой жертвы.

Десятник не обвинял молодого напарника в излишней жестокости, проявленной вчера к молодой хрупкой девушке. Он разделял его горе и понимал жгучую жажду мести, терзающую юношеское сердце. Убитые матери, поруганные сестры, сожженные дома, и погибшие на плахе братья до сих пор будоражили северную кровь, требуя

мщения. У каждого земляка старше двадцати найдутся схожие истории.

Десятник не мог похвастаться грамотой или ученостью, но это не мешало понимать, что вековые раны Бурого простора будут заживать еще не одно поколение. И откуда в памяти северян не растворятся совершенные над ними преступления — ни о каком-то примирении, и мечтать не стоит.

На юге те времена носили множество названий. Кто называл это усмирением, кто искуплением, — но кровь пахнет кровью, а рабство остается рабством, как не обзови.

В отличие от большинства городских в Грисби, десятник помнил времена до восстания. Помнил, какой суд вершили южане над Простором, помнил как оказался в шаге от смерти, когда его голова коснулась плахи и помнил низкий, до боли в висках, гул боевого рога. Стоило ли удивляться, что чудом уцелевший и обуреваемый гневом юноша, немедленно присоединился к восстанию? Что вместо траура по загубленным сестрам и слез о сожженном доме, он предпочел месть и кровь?

За век под гнетом захватчиков, в Просторе то и дело вспыхивали мятежи. Из-за голода, из-за жадности южан, от отчаяния и нищеты. Каждое из них тонуло в топоте и ржании закованных в сталь лошадей. За сотню лет ни один мятеж не принес ничего кроме горя и новых поборов южных лордов. Все больше юных дев угоняли за мост, все сильнее трещали оси перегруженных южных обозов, все разрастались горы вывозимых руд и драгоценностей, усеянный потом и кровью северян. Цены и жадность южных торгашей росли столь же скоро, сколь и запреты на охоту да возделывание полей.

Но в то утро, ощущение теплой от чужой крови плахи, уступило место низкому протяжному гулу. Разрезая зачинающуюся зарю блеском тысяч копий и трубя в старинные загнутые рога, явились призраки давно забытой эпохи. Заледенелый снег вновь украсился отражением ярко-красных кафтанов, а марш десятка полков и рев тысяч глоток погрузил залитую смертью площадь в немую тишину. В давно разрушенную столицу Бурого простора, вновь вступали настоящие правители севера.

Потомки Рориков, чей род уже с век считался погибшим при падении Калинпоста, вдруг оказались живыми, полными сил да при десяти тысячной дружине. Спустя почти сотню лет, наследники великих князей вновь вошли в снега Простора и одни лишь слухи о близости немногочисленной, но крепко сбитой армии, призывали северян к оружию.

Некогда разрозненные очаги бунтарства, вдруг перестали быть лишь досадными издержками для захватчиков, заставив их начать новый «северный поход». Однако, в этот раз, конелюбам пришлось биться с северянами один на один, не рассчитывая на помощь иных земель.

Без поддержки остальных великих домов, иноземные войска тонули в снегах, голодали в фортах и гибли от бесконечных налетов разъяренных северян. Спустя несколько лет после появления у разрушенных стен столицы нового князя — мост, как и весь ров, вновь оказался во владениях Простора. Последовавший южный бросок, взятие Грисби, вторжение из-за Закатного моря и объявление о прекращении войны размылись в голове десятника. Но тепло плахи и истошное ржание испуганных лошадей до сих пор приходили по ночам. Как и блеск влажных янтарных глаз, воззрившихся на него из толпы.

— Хоть бы на сале поджарили, лодыри... — фыркнул напарник, прислоня новенькое, без единой зазубринки, копьё к столу и принимаясь за точно такую же ковригу с похлебкой. — Десятник, знаешь чего конелюбы такие мелкие, а? — тут же обратился он к мужчине. — Тому, что мяса почти не едят! Ледников у них нема — портится споро. Вот они все росточком от горшка два вершка...

— Ты, паря, в городские вступил, али в книгочей? Сызнова будешь носом в патруле клевать?

— Та не, я так... Часок перед отбивкой... Надо же было поглазеть, чавай там за книжонки у колдуньи... То бишь, у шарлатанки в сумках были? — покраснев словно редис, молодой с удвоенной силой заработал деревянной ложкой.

— Смотри у меня... Воришку на празднике прощелкаешь, — до весны на дозорной башне куковать будешь. — погрозил командир.

Покончив с завтраком и перекинувшись парой слов с караулом, стражники поспешили на занятую утренней зарей улицу. Им еще предстояло пройтись по переулкам возле городской площади и убедиться, что с вечера нигде не осталось неубранного лотка, брошенной телеги или парочки уснувших забулдыг.

— Это от «манतिकоры»? — повесив на пояс флягу красным вином, молодой ткнул наконечником копья в сторону широкого пролома в городской стене.

— Неа. То подкоп. — десятник приблизился к объемной бочке с колодезной водой и откупорил флягу. — Ты бы лучше воды набрал, а не эту гадость южную. Весь же день на ногах проведем...

— Тогда это от «манतिकоры»? — молодой быстро указал в сторону обрушившейся башни у самых ворот.

— Неа, эта еще до нас порушилась.

— Тогда может эта...

— Да не мельтеши ты, дай воды набрать! — оборвал десятник и, повесив на пояс внушительную кожаную

флягу, повел напарника по улице. — Не водилось у нас «манतिकор», то сказки скоморошья, дабы штурм покрасивше поднести. Была одна дура, да треснула после первого же выстрела. Дуги не выдержали, разломались. Лопатами да киянками орудовали, вот и весь сказ.

— Да ну, брехня! Нельзя за неделю город киянкой взять...

— Прикажут — возьмешь. Киянку в зубы да копай. Думаешь, осада это когда «манतिकоры», лестницы да башни на колесиках? Запомни, паря — война это труд. И главное на войне не войнушка — главное до войнушки доползти. Уж сколько я частоколов нарубил да рвов накопал... Впору весь Простор засаживать. Накаркаешь когда-нибудь да своей шкуре ощутишь. Попомни мое слово...

Поглядев на хмурое лицо десятника, молодой решил больше не лезть с расспросами.

Старший же особо не стремился вспоминать ни горы выкопанной земли, ни защитников закрепившихся в старом районе, ни слова князя о «ратники по счету, зато огня без счету!». Стоило ли удивляться, что местные до сих пор припоминают просторцам учиненную резню?

Зарево пожарища и запах тлеющей плоти до сих пор порою чудились в ночи узких городских улиц.

Едва дойдя до площади, десятник вдруг завернул в переулок возле пекарни. Прежде чем недоуменный напарник успел спросить, в чем дело, в его безусый нос ударил резкий запах смерти. Неподалеку от дождевых бочек и канализационного желоба, расположился остывший труп. Тело принадлежало мужчине, если судить по грязным сапогам и штопаному балахону

— Колдовство... — выдохнул молодой, подбирая густой пучок серебристых волос подле усопшего.

— Накладная она, болван! Ты лучше на покойника погляди!

— А чего на него глядеть? Чай не девица красна-а-а!!! Что за бесовщина?!

— То-то же, молокососик бестолковый... — кивнул десятник и, не обращая внимания на борющегося с тошнотой напарника, присел поближе к телу.

Тщедушное тельце неизвестного южанина красовалось тонким и идеально ровным разрезом. Распахнутая грудная клетка демонстрировала безоблачному утреннему небу полое нутро. Ни намек на сердце, легкие или иные органы — лишь изогнутые в противоестественном оскале ребра да редкие капли запекшейся крови говорили, что это труп, а не кукольная подделка. Поглядев в пустые глазницы мужчины средних лет, стражник убедился, что карманы усопшего пусты и принялся за окружение.

Кроме странных ребристых отпечатков крупной подошвы на земле да меловых разводов на кирпичной стене пекарни, очевидно оставшихся от чьих-то стертых похабных каракуль — ничего примечательного не обнаружилось.

— Как его так? Ну, чтобы нутро и нараспашку? — наконец обрел дар речи помощник и осторожно приблизился к изуродованному телу.

— А никак. Накаркал, бестолковик ты мой... Встретил ты его, колдовство свое ненаглядное. Только некромантов в городе не хватало. Или алхимиков, каких... — устало покачал головой десятник.

Сперва гвардейцы южного барона, что рыскали по городу в поисках светлой воровки и двух потерянных собратьев. Затем чудовищная тварь устроившая резню в принадлежавшем князю салоне. Исчезнувший без следа гонец из княжеской дружины, причуды сотника с куклой для праздника и его же выходка со вчерашним судом. Выходка, идущая вразрез со всеми княжескими наказаниями. И все аккуратно под праздник.

Десятник не был уверен, какое именно есть дело слугам из Перекрестного замка до вычурно одетой девушки. Но, на его памяти, это был первый раз, когда люди сира Грисби проявили прямой интерес к происходящему на эшафоте. Да и голубые волосы несчастной на удивление хорошо сочетались с синими камзолами южан...

Уж, не ради этого ли сотник устроил показательную казнь? Не ведет ли он своей...

— А не Живорез ли? — голос юного стражника вывел десятника из раздумий.

Парень опасливо осматривал вскрытое тело.

— Чепухи не мели — Живорез уж полвека как в земле гниет... Ладно, нечего народ спозаранку страшить. Давай-ка его к воротам. Пусть караул разбирается — у нас и так дел невпроворот... А мне еще князю челобитную подать надобно. — проворчал мужчина и сняв свой красивый плащ, прикрыл им распахнутую грудь погибшего.

— Князю? Зачем это? — недоуменно уточнил молодой, но ответа так и не дождался.

Десятник, погруженный в невеселые мысли о предстоящем дне и угнетенный видом изуродованного тела, лишь отмахнулся от подозрительного взгляда своего напарника.

Задумчиво хмыкнув, молодой взялся за холодную руку, ожидая пока старший обойдет тело и возьмется за вторую.

Глава 14: Большое утро в маленьком городе

Утренний город наполнился веселыми мелодиями и возбужденным гомоном жителей. Несмотря на неприязнь к северянам в целом и лично к князю в частности, большая часть местных, охотно наслаждалась дармовыми угощениями. Бесплатная выпивка и закуски, вкупе с предоставленными зрелищами и развлечениями, по всей видимости, затмевали в памяти горожан образы сожженных домов и усеянных трупами улиц.

Забавно, но Эмбер даже показалось, что жители смотрят на бородатых с чем-то сродни одобрению.

— Провинциальные дешевки...

Ощущение и без того ненавистного ей праздника, портили тонкие костяные чешуйки, что больно щипали нежную кожу при каждом неосторожном движении. Девушка лишней раз убедилась, что форменная гильдейская рубашка не подходит на роль поддоспешника. Но боль и неудобство она посчитала честной платой за лишнюю каплю в копилке собственного спокойствия.

— Надо было мужиком рождаться... — одними губами проворчала управляющая гильдией, в сотый раз, поправляя украшенный эмблемой и золотистыми узорами камзол.

Стройное девичье тело мало подходило для скрытного ношения защиты. Еще и эта проклятая грудь... Ну почему в этом городе никто не изготавливает кольчуги под ее размеры? Наиболее подходящие рассчитаны либо на мальчишек, либо на каких-то коров, чьим выменем можно цитадели приступом брать. А в этом тугом корсете с нашитыми чешуйками невозможно даже нормально вздохнуть. Надо было портного нанимать, а не самой пыхтеть.

Кто-бы мог подумать, что с иглой обращаться сложнее, чем со шпагой?

Проигнорировав презрительные взгляды идущих мимо караванщиков, очевидно присоединившихся к празднику, девушка приблизилась к канатной ограде импровизированной арены и помогла перелезть розовощекому мальчишке. Вернув маленький щит и деревянный меч обратно на прилавок, он подбежал к стоящей неподалеку матери, принимаясь громко делиться впечатлениями.

Оставшаяся на арене рыжеволосая авантюристка с кованым шестом, которую кто-то метко окрестил «дылды», пару раз утвердительно кивнула на реплики мальчика. Напророчив женщине большое будущее для ее отпрыска, она скрытно от главы, приложила к небольшой фляге.

От вида зардевшихся щек мальчишки и гордой улыбки родительницы, глава едва сдержала стон:

— Едва достигнешь зрелости, почту за честь лично выдать твой жетон. — сдержанно соврала управляющая и не обращая внимания на презрительную гримасу матери, скомандовала второму авантюристу заканчивать флиртовать с прохожими девицами да братья за работу.

— Я и не з-з-заигрывал... — заикаясь, запротестовал невысокий, покрытый прыщами парень, забирая у пары хихикающих крестьянских дочек свой короткий меч.

Но повторять команду не пришлось. Сжавшись под взглядом «дылды», авантюрист послушно перемахнул через канат и тут же получил длинным шестом по спешно поднятому щиту.

Глава устало закатила глаза, но смолчала. Запланированный показательный поединок начат, а по команде или нет — кому какая разница?

Разминая непривычно легкую шею и в очередной раз, радуясь отсутствию проклятого «якоря», блондинка перевела взгляд с наспех сбитой посреди городской дороги арены, на переулок возле пекарни. Показательное выступление едва окончивших курс оловянных авантюристов, волновало ее куда меньше здоровья в потрепанной стеганой куртке. Минуту назад, покинув свою компанию, он скрылся за углом кирпичной стены.

Она полагала, что именно из этого закутка, согласно утреннему донесению, на рассвете пара стражников вынесла прикрытый плащом труп. И интерес наемника к месту преступления лишь подтверждал ее подозрения о его причастности к смерти неизвестного.

Но это лишь малоинтересные штрихи к общей картине. Главным деталям лишь предстояло проступить на украшенном цветастыми флажками праздничном полотне осеннего города. И Эмбер родилась отнюдь не вчера, чтобы не понимать — эти двое сыграют не последнюю роль.

Появление пары странных наемников в приграничном округе мало бы кого удивило. Подобно авантюристам, продажные мечи всегда стремятся в самые беспокойные места в надежде заработать денег и репутацию. В отсутствии под рукой настоящих рыцарей и оружейных мастеров, глава, скрепя сердце, все же наняла их на полный курс двухнедельной подготовки для новичков.

Не самой же пыхтеть, терпя гневные взгляды зазнавшихся молокососов и даря лишнюю почву для пересудов подчиненных за ее спиной?

Однако вместо жадного до золота громила и спившегося старика, гильдия приобрела в актив нечто куда более нетривиальное. Одноногий северянин, внезапно, оказался весьма сведущ не только в выпивке и прелестях официанток, но и в подготовке профессиональных авантюристов.

Усеянный шрамами седой сквернослов не только прекрасно разобрался во всем ассортименте гильдейского арсенала оружия и доспехов, но также успел провести несколько весьма впечатляющих теоретических занятий по полевому планированию и основам выживания. Вопреки собственной лени и частым прогулам, инструктор за пару недель добился того, чего не удавалось настоящим оружейным мастерам из академии — выбил из новичков страх клинков и крови. Получая подзатыльники от молодого громилы, и выслушивая наставления вперемешку с руганью от наставника, юные авантюристы пусть и не стали грозными бойцами или опытными следопытами, но существенно повысили свои шансы на выживание.

Глава искренне полагала, что в этом году смертность в ее отделении достигнет рекордного минимума и уже подготовила соответствующий прогноз для резиденции.

Что же до громилы... Проще будет перечислить, что в нем понятного, чем пытаться описать весь клубок загадок и несоответствий, окутавший этого странного наемника. Выглядит как северянин, но с северянами имеет еще меньше общего, чем с южанами. По повадкам будто гвардеец, но на дезертира не похож. Высококласное образование соседствует с крестьянскими манерами, а непробиваемая наивность чередуется с искусной хитростью. Соучастие в похищении леди Молочного холма, убийство пары доверенных гвардейцев барона, отточенное искусство надменного рыцаря, ярость неведомой твари и даже стоеросовая тупость северян — все отскакивало от таинственного здоровяка, словно овес от крепостной стены. Еще и эта трижды проклятая коса, вкуче с пронзительным взглядом печальных глаз...

Пожалуй, стоит вписать в его досье еще и искусство соблазнения.

Быстро помотав остриженной головой и отбросив лишние мысли, девушка вдруг поняла, что больше не наблюдает инструктора. Оставив наследницу Молочного холма вместе с ее чемпионкой и Клеберовским вырождаком, одноногий старик исчез в неизвестном направлении.

Удивительная прыткость для калеки... Наемники заметили ее слезку и поспешили скрыться? В последний раз обсудить свой тайный план, подготовить оружие или встретиться со связным?

Что бы эти двое не затевали, какую бы игру не вели, глава гильдии уверена — их замыслы раскроются во время грядущей речи князя. И чует ее сердце, сегодняшнее выступление рискует стать для благородного северянина последним. Только вот, что именно замыслила эта странная парочка? Они убийцы, защитники, провокаторы или же и впрямь ведут свою собственную игру? Если да, то какую именно?

И самое главное — какую роль выберет она?

Поправив ножны с идеально отточенной и тщательно отполированной за ночь шпагой, девушка так и не нашлась с ответом. Однако, чей бы лагерь ей не пришлось занять, князь всегда будет с другой стороны. И если эта загадочная парочка наемников позволит ей обагрить шпагу кровью одного из Рориков, то лучшего союзника им не сыскать.

— Ну да, как же могло быть иначе... — фыркнул я, оглядывая пустой переулочек за пекарней.

Ни тела, ни странного кристаллика — ни хрена. Даже рисунок на стене, и тот сперли! Ну, стерли, вернее.

А ведь и восьми часов не прошло!

Покряхтывая, я нехотя уселся на карачки, пристально разглядывая истоптанную землю. Сыщик или следопыт из меня такой себе, но, судя по отпечаткам сапог и борозде, ведущей из переулочка к дороге, — труп, особо не церемонясь, утащили за ноги. Блин, еще и отпечаток моего берца прямо возле бочки. Надо бы затереть, а то на всем континенте такие ребристые подошвы только у моих «установкам». Странно, но возле отпечатка берца мне приметилась воронка, будто бы от дамского каблука...

Начавшуюся детективную линию оборвала деревянная нога, бесцеремонно ткнувшаяся прямо в ребристый след. Зажурчавшая желтая струя и старческие стоны окончательно отбили охоту к расследованию.

— Поссать и родить, нельзя погодить... — ответил хрыч на мой хмурый взгляд, продолжая увлажнять стену пекарни.

— Слушай, у тебя недержание или ты от сутулых собак родился? Что за тяга к разметке территории? За утро — третью стену обоссал! Хрен я тебя еще раз с собой возьму! Один стыд с тобой!

— Ага, а монетки из гильдии как бы прикарманил? Взял он меня, как же. Помирать буду, даже чарочку не подашь, аспид безродный... Сам-то за каким сюда поперся, коли не по нужде?

— Так говорил же, что труп вчера здесь видел! — сообразив, что сказал это слишком громко, я спешно обернулся на дорогу.

Праздник только набирал обороты и, слава яйцам, никому не было дела до пары идиотов выясняющих отношения в переулочке.

На другой половине дороги компашка из малолетней герцогини, Гены, и Аллерии продолжала торчать в очереди к «Святому Бриолусу».

— Ну видел и видел — пес бы с ним. — фыркнул дед. — Али ты на нем жениться удумал? Если так, то не

советую. Кочерыжка отмерзнет, да и суховатые они, покойники-то... — заявил он, взясь с завязками на брюках.

На мои дельные замечания о запущенном старческом маразме и месте, куда его следует употребить, старпер лишь безразлично высморкался:

— Ох, неведомо мне под каким камнем ты в том лесу рос и почему именно к нашему отряду вышел, но мотай на ус: в городах постоянно мужичье гибнет. Особенно залетное. Жопонюхи-алхимики, нихерманты на гастролях, да и простой простуженный на голову люд. Не говоря уж о банальных пьянчугах да лиходеях. Помню квасили мы с одним, чарку за чаркой... Тот до ветру отлучился и как в воду канул. А на утро нашли. Какой-то доходяга его со спины тюкнул, обобрал, а пока тот слюни пускал, глазоньки его выковырял. Очи его понравились, уж больно красивые были. Уж не знаю как под твоим камнем, а здесь простуженных навалом. Труп ночью отыскал — эка невидаль! Удивил ежа голой жопой. Вот коли бы ты девку красную нашел...

— Не дед, тебе бы на рот замок повесить. Когда ты говоришь, вся улица тупеет. — покачал я головой и ткнул пальцем в меловое пятно на стене. — А знаки? А тот демон в блатном борделе? Я тебе, придурку, о чем полночи талдычил?! Заговор это, к гадалке не ходи! Сектанты, колдуны, темные боги и прочая херня из голливудских фильмов! Тьфу, то есть, из сказок!

Нет, ну правда! Стопудово какие-нибудь культы апокалипсиса или демонопоклонники. Впрочем, не особо уверен, каким боком меня это касается, но... Ну, интересно же, блин!

Дед горько вздохнул и постучал протезом о свежее-обоссанную стену, стряхивая с деревяшки комья грязи.

— Контракт на побережье под Целеей помнишь?

Я нехотя кивнул.

— Кого там призывали, помнишь?

— Ну, уroda с осьминогом на лице...

— А что в исходе у этих идиотов понапризвалось?

— Понятия не...

— Хрен лысый у них явился! Дырку от бублика наколдовали! Сколько раз тебя поучать?! — отряхивая подошву от грязи, он вдарил протезом по дождевой бочке, отчего крепкое дерево истошно затрещало. — Нихермант на кладбище рукоблудит и с земли мертвяки встают — бывает! Ведьма какую тварь болотную к себе привораживает — эка невидаль! Молниями из задницы али огнем с передницы баловаться — да сколько хочешь! Пока жопа не лопнет или хрен не отвалится. А чтобы срань неведомую да из воздуха? Сказки бабкины да мечты напомаженных содомитов... — подвел он итог, брезгливо сплевывая в бочку.

Я попытался возразить, напирая на козлоподобную тварь в борделе, но дед лишь раздраженно отмахнулся:

— Мало ли какая херня по миру шарахается? Мне вовсе однажды ходячее дерево в виде бабы заживо спалить пришлось... Сказано же, не бывает твоих божков! Про них напудренные лордики набрехали, дабы холопов под ярмом держать сподручней стало! А «демоны» эти твои... Тьфу! Выдумки да скоморошьи басни... Пошли уже! Пока дармоеды все пиво не выдули! А то посрать захочешь, а нечем будет... — заворчал он и заковылял к дороге.

— Божки не мои, а ваши, вообще-то... — бросил я ему в спину, но дед даже не обернулся.

Может он прав? Все-таки, уж кому-кому, а старику точно виднее. Он-то в этой магии разбирается куда больше моего. Да и, пожалуй, не только моего. Как-никак, чертову прорву лет на всякую нечисть охотился, пока в отряде не оказался. Да и какая мне разница? Ну убили какого-то шарлатана — мое какое дело?

Поглядев на зассанный кирпич, и в который раз помечтав о сигарете, я покинул переулок.

Площадь и прилегающие дороги было не узнать. По обыкновению полупустые и сонные в утренние часы, сейчас они кишели толпами народа. словно взбудораженные спичкой муравьи, люди водили причудливые хороводы вокруг бесчисленных лотков с безделушками, общих столов накрытых бесплатными закусками, и бесчисленных навесов да палаток с бухлом, музыкантами или незамысловатыми развлечениями.

Обрывки разговоров, подслушанные в гильдии этим утром, намекали, что весь этот аттракцион невиданной щедрости был оплачен каким-то северным князем, посетившим город визитом. Походу, это его эскорт я ненароком протаранил прошедшей ночью.

Проигнорировав деда, который остановился у палатки с бочонками и принялся тереть за жизнь с одним из стражников, я подошел к остальной гоп-компаниии. Герцогиня как раз села на колени перед «Святым Бриолусом» и вслух повторяла за малолетним суфлером «молитву»:

— О, потерянный повелитель, даруй мне просветление дабы понимать того болвана — моего господина. О, император, дай мне терпения выносить его глупость и милосердие, чтобы и дальше прощать этого недоумка. Но упасет тебя твоя сияющая мудрость от дарования мне силы. Иначе я точно придушу этого кретина!

Не самый искрометный текст, что я слышал, но малолетняя герцогиня даже не пыталась. Хихикая и корча «святому» рожицы в ответ, она с треском проиграла. Когда «молитва» подошла к концу и тучный человек-газета, трясая многочисленными подбородками, осенил довольную малявку деревянной поварешкой, пацаненок пригласил следующего.

Засмутившаяся Аллерия было дернулась из строя и проблеяла что-то вроде «да я просто рядом стояла», но все же сдалась под напором малявки и смущенно бухнулась на колени перед разодетым в балахон жирдяем. Борясь с похмельем, Геннадий заблаговременно бросил медяк ночной горшок, изображавший чашу для подаяний.

На этот раз, вместо откровенных кривляний, жирный «Бриолус» предпочел томный взгляд и рожу кирпичом. Малолетний суфлер, судя по объему живота, имеющий явную родственную связь с ряженым глашатаем, взял новую бумажку и прокашлялся:

— О, владыка! Дай мне сил сегодня не напиться, дабы не ржать как кобылица, чтобы в придурка не влюбиться, не затанцевать с ним под луной да под стол не завалиться...

Крашенная или нет, но блондинка захихикала еще на втором куплете. И кто ее в рыцари посвящал? Кроме высокого роста и кубиков на прессе, от воина в ней вообще ничего нет. Ну, выпендренные замашки, разве что.

Скосив взгляд на полное ведро, я все же решил не окатывать колодезной водой проигравшую рыцаршу. Хоть и очень хотелось. Тем более, штрафной медяк за нее уже уплачен. Такая игра: заржешь — плати лепесток или водой обольют. А если удержишься, то приз какой-нибудь получишь.

Все довольно невинно, но югах за такие шутки могут и кости переломать. Там полно психов, которые почитают этого давно помершего императора то ли за бога, то ли за мессию. Пес их разберет. Вся их вера сводится к простым тезам, мол: «А раньше было лучше!» и «Бриолус придет, порядок наведет.»

Встретившись взглядом со своим «оруженосцем» я уже хотел скомандовать двигаться дальше, как вдруг чья-то сильная рука схватила меня за пояс.

— Эй! Я не играю! А ну пусти! — запротестовал я, пытаюсь устоять на ногах.

Но рыцарша была непреклонна. Не знаю чем их там, в замках откармливают, но крашенная овца без особого труда опустила меня на колени и самолично бросила медяк в горшок.

Вот же дура бестолковая! Говорил же, что нельзя внимание не привлекать... Ладно, хер с вами! Лучше отмучаться поскорее, чем сцену на глазах у толпы устраивать.

Как и полагалось, я уставился снизу вверх на жирные подбородки «святого», игнорируя его истощенные кривляния. Повторяя белиберду за пацаненком, я, что есть силы, прокручивал в голове обязанности военнотружущего.

Совершенствовать воинское мастерство, беречь военное имущество, быть дисциплинированным, бдительным, хранить государственную тайну... Блин, надо завязывать, а то точно засмеюсь!

Наконец, суфлер отложил лист и, под взбудораженные пересуды очереди, объявил меня победителем. Походу, за сегодня я первый, кто не проиграл.

— Кто в армии служил, тот в цирке не смеется... — пожал я плечами.

Пока человек-газета хлопал меня по плечам черпаком, а малец спрашивал, какой именно приз я хочу с прилавка, за спиной раздавался суетливый топот. Через мгновение по шее пробежала ледяная волна, а под коленом растеклась лужа кристально чистой воды.

— Ты что творишь, овца недорезанная?! — вспыхнул я, вскакивая и разворачиваясь к отскочившей в сторону Аллерии.

Пустое ведро и высунутый девичий язык явно намекали на игривое настроение крашенной дуры. Поглядев на заливавшихся весельем зрителей, я молча стряхнул с себя холодные капли. Моментом пользуется, гадина. Знает, что на площади разборки не устрою. Ну, ничего, дома закопаю.

Оставив малявку выбирать приз под присмотром похмельного пацана с пустыми ножнами, я отошел к обочине и уселся на единственную свободную лавку вдали от столов. То ли боль в отбитой руке, то ли ночной труп, а может вчерашнее судилище или убийство седого гвардейца куском лестничных перил, но что-то определенно не давало мне спокойно наслаждаться всеобщим весельем. А виной тому простая усталость... Тишины хочу. Покоя. Дождаться этого Грисби, сбавить ему Аллерию с малявкой, взять награду да купить себе какой-нибудь домик. Чтоб у речки, и лес рядом... И ни тварей, ни сволочей разных. Эх...

Походу, депрессуха накатывает. Еще и ночью опять этот гребанный танк снился. Старее, что ли? Скорее бы этот праздник кончился.

Глава 15: Мэппет-шоу

— Опять как бурундук! — теплый палец ткнулся в мою холодную мокрую щеку.

Новенькая лавка слегка скрипнула под напором рыцарской задницы, обтянутой в узкие кожаные штаны.

— Чем вашей светлости опять не угодили?

— Ты совсем с балдой не дружишь?! Говорил же, не...

— «Не привлекать внимания!», «Это слишком опасно!», «Гребанные плащи могут все еще долбошариться по городу!», «Я серьезный мрачный наемник и всегда во всем прав, ля-ля-ля...» — передразнила меня крашенная идиотка и разгладила воротник светлой рубашки под толстым мужским жилетом.

Повезло, что они с дедом одного роста. А то в доспехах или моем кителе посреди толпы она смотрелась бы, как трезвенник в военторге.

— Что-то я начинаю терять связь с реальностью... Ты же сама всю плешь проела про свою охрененную ответственность за сохранность сюзерена, а теперь...

— Ау-у-у! — помахала она ладонью у моего носа. — Гвардейцев уже два дня как не видели! И твой наставник сказал, что они не вернуться. Уж перед северным князем им показываться точно не резон!

— Мой наставник?

— Ну... — она мельком обернулась на стоящих неподалеку Гену с малявкой. — Этот пожилой венатор, с которым мы живем. Одноногий северный охотник. Твой учитель, господин, или хозяин... Сказать по правде, из его рассказа я плохо поняла.

Господин? Вот же хрен старый!

— И к тому же, миледи под моей защитой, а не твоей... — проворчала крашенная, но заметив мой взгляд, тут же комично замахала руками. — То есть, я очень благодарна за твою помощь и ты всегда можешь рассчитывать на достойный прием в моем наделе! Но из нас двоих, герб дарован лишь мне и... То есть, ты тоже молодец, пусть и всего лишь наемник, а не настоящий рыцарь!

Щеки овцы приобрели оттенки военного билета — видимо, она по своему истолковала мой дергающийся глаз. Смущенно кашлянув, она удвоила напор несуразного бляения. Суть сводилась к тому, что я добрый и отважный низкородный говнюк, чья помощь неоценима, а наглость безмерна.

Ругает или хвалит — я так и не понял.

Прекратив вслушиваться в ее поток сознания, я опять устался на свои начищенные берцы.

И черт меня вообще дернул согласиться идти на гуляния? Сидел бы дома. А все эта рыцарша безмозглая... Заладила, мол, герцогине было бы ой как полезно прогуляться, развеяться, узнать как подданные живут да на представления поглазеть.

Хрен бы я согласился, если бы не слова деда. Тот, за вчерашний день успел перетереть с Аллерией и самолично выпытать правду о том, кто они с малявкой такие. И, что самое обидное, этому хрычу выпендреница рассказала куда больше чем мне.

Мол, родной дядя герцогини и, по совместительству, регент Молочного холма, едва взяв власть, тут же запер свою родственницу в главной башне замка. Тюрьмой это не назвать, ибо условия содержания были роскошными, как и подобает феодалу ее ранга. Однако клетка остается клеткой, будь она хоть трижды из золота да усеяна коврами из шкуры с жопы дракона.

С юных лет, малявку посещали лишь приближенные гвардейцы барона да пара немых безграмотных слуг. Горячу воду для ванны таскали, книжки приносили, и всякое такое. Лишь изредка девочку наряжали в шелка да выводили в главный чертог, дабы продемонстрировать многочисленным вассалам. Ну, типа, что с их сюзереном все в полном порядке, а регент вовсе не узурпатор и совершенно законно правит от имени своей дражайшей племянницы.

В общем-то, это объясняет, почему девочка, считающаяся по местным меркам уже вполне себе невестой, преисполнена детской наивностью и неумным любопытством. Я бы тоже кукухой двинулся, если бы большую часть своей жизни провел взаперти зачитываясь дебильными книжками да играя с немой прислугой. Почти как учебка, только без капусты в столовой.

Пусть Аллерия и набитая дура с явно суицидальными наклонностями, но все же она поступила правильно, вытащив девчущку из той башни. Тем более, что герцогиню должны были вот-вот выдать замуж за наследника барона. И, чую я, первая брачная ночь стала бы для малявки лишь началом длинного кошмара, с заведомо известным концом.

— Бу-рун-дук... — по слогам произнесла рыцарша, сучающе тыча в мою щеку пальцем.

Блин, задумался!

— Хрен с тобой, рыбка золотая! Считай, что по краю прошла. — отмахнулся я и игнорируя удивление на

девичьей моське, поднялся с лавки.

К рыцарше немедленно подскочила герцогиня и принялась хвастаться новеньким тряпичным драконом, а Гена опять встал подле меня, с серьезной рожей оглядывая окружение. Будто в телохранителя играет. Как-то чересчур серьезно он воспринял свое повторное принятие на роль оруженосца. Я же просто так сказал! Чтобы он прекратил скулить, извиняться за вчерашнее, и сокрушаться о собственной бесполезности. Ну, и Аллерию позлить, конечно.

Когда, за завтраком, я повторно принялся крестить ржавой чесалкой стоящего на коленях пацана, крашенная аж поперхнулась. Пока, не верящий в свое счастье Геннадий повторял за герцогиней слова клятвы в верности, Аллерия, расплескивая из носа свежее молоко и колотя ложкой по столу, раз тридцать повторила, что оруженосцы бывают лишь у рыцарей. Едва от зависти не лопнула.

Короче, оно того стоило!

Ближе к площади, расположилась импровизированная арена, на которой прыщ с дылдой, под взглядами горожан, проводили демонстрационный бой. Походу, Фальшивка зажидала бабла на умелых авантюристов, предоставив отдуваться новичкам. Хотя, «умельный» и «авантюрист» редко встречаются в одном предложении.

Решив, что нет резона лишний раз видеться с этой маньячкой, я повернул к толпе, собравшейся вокруг небольшого навеса с местными музыкантами.

— Сверху горы, снизу реки, справа север, слева юг. Впрямь пойдешь — накинута петлю, взад вернешься — на копы! Смеха нет, утихла песня — город стонет и молчит. Лишь довольный северянин сей разрухой дорожит.

Неказистая арфа не особо сочеталась с барабанами, да и певец фальшивил, но, судя по обилию довольных рож вокруг и хлопающим в такт ладоням, песня неплохо заходила горожанам.

— Грисби хмурый, Грисби серый, площадь тихая стоит. А веселый северянин, все по улице спешит! Тараторя по дорожке, в ярко красных сапогах да стуча копыем в окошко, призывает горожан: Отворяй-ка окна-двери, сыпь на улицу народ! Благородный поджигатель да веселый душегуб, пива с хлебом присылает да и курицу одну!

И без кислой физиономии одноногого хрыча, что скрежетал зубами неподалеку, стало понятно — артисты вот-вот доиграются.

Тем временем, мелодия ускорялась, а мотив приобретал все более веселые нотки.

— Сверху горы снизу реки, Справа север слева юг. Впрямь пойдешь — залюбят насмерть, взад вернешься — конелюб! Князь вернулся, люд в восторге — залежались помидорки! В помидорки наплевать князю станут в миг подстать! Помидорки наготове да и люд собрался вскоре, только князя увидеть, как настанет час метать...

— Я тебе сейчас семя в плотку метну, сын собачий!!! — проревел незнакомый бородач в покрашенном ламеллярном доспехе.

К ажиотажу вокруг выступления присоединилась группа маршировавших мимо дружинников. В отличие от стражников, эти были еще выше, страшнее и куда серьезнее экипированы. Бесцеремонно растолкав слушателей, они ринулись к музыкантам. Несчастному арфисту настучали арфой по кумполу, а вокалисту пообещали засунуть язык туда, куда солнце не светило. Но арестовывать отчего-то не стали. Даже никого из зрителей не прогнали. Просто пригрозили да арфу сломали.

Странно. Я слышал, что дружинники у северян самые отбитые. Мол, при взятии города всю площадь трупами завалили. С чего это они сегодня такие добрые? Из-за князя, что ли?

Под следующим навесом, у очередных бочек с чем-то алкогольным, выступали заезжие «гражданские» северяне. Видимо, их специально к празднику завезли.

Разодетые, на манер стражников, в цветастые кафтаны, но в полоску и без кольчуг, они играли на всяких дудочках, бубенцах да чем-то, отдаленно напоминающем гитару. Очень примитивную гитару. «Адын палка, два струна» — если быть совсем честным.

— Как-то раз миленочку дала вкусить дыреночку! С головой забрался тварь и кричит — подай фонарь! Эй-ух!!! — завела высокая женщина в платке и с необъятной грудью да закружилась на месте, приплясывая в такт музыке.

Аллерия с Геннадием синхронно поперхнулись, а малявка принялась допытывать деда на предмет «вкусных дырок». Мол, «на севере они все такие?» А то на югах их отчего-то не едят.

— На пригорке у реки порезвились рыцари! Запеклась на жопе кровь — здравствуй первая любовь! — на манер барышни пропел бородатый мужик и принялся отплясывать нечто среднее между «упражнением десантника» и предсмертными конвульсиями.

Несмотря на то, что деду искренне нравились подобные высокоинтеллектуальные частушки, Аллерия решительно схватила меня за рукав ею же защитой стеганки и повела дальше. Малявка запротестовала, но увидав на ближайшем лотке какие-то сладости на палочках, немедленно скомандовала брать прилавок на штурм.

К полудню, моя несчастная голова шла кругом. То ли от количества народа, то ли от разнообразия представленных развлечений. И что характерно — всюду халява! Ни за что платить не нужно! Видимо, потому, что

до капитализма здесь еще не догадались.

Кто бы мог подумать, что люди в глаза не выдавшие электричества или компьютером, могут придумать столько долбанутого аттракционов? Одна «шапка» чего стоит. Стоит какой-нибудь крепкий кузнец на бочке, вертит над головой длинный мешок с чем-нибудь мягким, типа яблочных очисток, а у него с башки надо шапку стащить. Да так, чтобы еще и мешком не огрести.

До сих пор в ушах звенит. Что ж у них на северах за очистки такие?

— Та, что очистки?! То ли дело комарь! — немедленно воскликнул дед, разводя руки в стороны. — Прижужжит гад посреди ночи, а ты его за глотку хвать — и душить! Так он еще ногами сучит! Пинается, падлюка!

Недоуменные физиономии Гены с Аллерией, явно говорили, что несчастные еще не выработали иммунитет к старческому балаболству.

Ладно хоть, стражники добились некоего порядка и в толпе не водилось наглых торгашей, жадных проституток или ушлых карманников. Видимо, эти завсегдатаи подобных мероприятий дружно решили не связываться со снеговиками. Благо слухи о несостоявшейся казни у ворот расползлись быстрее чесотки в портовом борделе.

Когда от всеобщего гомона и хмельного веселья у меня засвербило в висках, шум вдруг пошел на убыль. От высокой сцены, расположенной в центре площади неподалеку от фонтана, эхом прокатился громогласный голос с северным акцентом:

— Светлейший князь Жимир Рорик!!!

Не размениваясь на церемонии, дед немедленно скомандовал двигать ближе к сцене. Пожав плечами, я согласился. Почему бы не послушать, что там северный князь заявить хочет? Не зря же он весь этот праздник из своего кармана оплатил? Тем более, как я слышал, после выступления должны подавать печеную говядину. Свежего мяса мне уже с месяц видеть не доводилось.

Пробиваться сквозь толпу было тем еще удовольствием, и я всерьез забеспокоился, как бы малолетнюю герцогиню не затоптали. Но едва я предложил усадить девчущку себе на плечи, как ее тут же подхватила Аллерия. Буквально излучая ревность, рыцарша взгромоздила малявку на себя. Мстительно высунутый язык и триумфальный блеск в голубых глазах, ясно сигнализировал — с башкой у блондинки точно нелады. Похоже, она решила, что я соревнуюсь с ней за внимание сюзерена.

На крепко сбитую сцену, взобрался высокий мужчина. Бычья шея соседствовала с ухоженной короткой бородой, а титаническую комплекцию портила излишняя бледность. Однако мужик определенно внушал.

— А я думала, это ты огромный... — донесся шепот Аллерии.

Роскошный меховой плащ снежно-белого окраса стелился до самого пола, что вкупе с простым, но эффектным черным кафтаном придавало северянину определенную царственность. Сразу видно, ему по канализациям мыкаться не приходится да и крыс с караванщиками среди его противников не числится.

Завидно, блин!

Призывно подняв руку, бычара одним жестом заставил стихнуть возбужденные шепотки зрителей. Только сейчас я смог заметить, что, несмотря на размеры, князь еще совсем молод. Лет двадцать, не больше.

— Вихри Простора непредсказуемы... — завел он задумчивым голосом и драматично обвел ладонью. — Когда пять лет тому назад, на этом самом камне мне довелось одним ударом окончить сражение, я и подумать не мог, что свою двадцать первую осень буду встречать в окружении бывших недругов. Жаль лишь, что возлюбленный сир Аарон не почтил нас своим... — князь вдруг дрогнул и поднес руку к уху, будто прислушиваясь к толпе. — Чу! Слышится мне поступь старого врага! Неужто отомстить удумал, старик неугомонный?!

Люди в толпе недоуменно переглядывались, явно раздумывая, а не чокнулся ли северянин. Но тут откуда-то позади, раздался веселый перезвон колокольчиков. Из переулка у пекарни высунулась огромная красная рожа. Держась на длинных шестах, ведомая пятеркой стражников, над площадью возвышалась здоровенная тряпичная кукла.

— Смотри-смотри! Прямо как у сира Грисби! — затыкала в манекен малявка, сидя на плечах Аллерии.

Но рыцарша не разделяла веселого энтузиазма своей госпожи. Светлые брови крашеной брюнетки оскорбленно изогнулись при виде парящей над толпой куклы.

Огромная красная рожица переходила в колоссальных размеров живот, который оканчивался ярко-зеленой тряпкой, развевающейся прямо из задницы набивного лорда.

Ну да, по слухам, Грисби тот еще пердун...

Хрюкнув со смеху, длиннородый дружинник у сцены громко объявил:

— Могучие мужи и прекрасные девицы! Прямиком из Живанплаца: Сир Аарон «Лошадиная срака»!

— Пошто порочишь нашего гостя, дурная голова? — притворно разгневался князь. — Каждому отроку известно, что срака у него куриная! Сир Аарон, не почтите ли своих крепостных парой слов?

Неприличный звук, раздавшийся из куклы, отозвался смехом толпы. Князь досадно развел руками:

— Боюсь, сир Аарон, устал с долгой дороги. Да и, чую... — он брезгливо помахал перед носом. — Богатые харчи великого Мюрата пришлись ему не по желудку. Однако...

Новый «залп» куклы и неконтролируемый хохот заглушил слова князя. Половина горожан надрывала животы вместе с северянами, другая же, тихонько скрежетала зубами, гневно зыря на стражников с пестами. Ну да, в городе еще полно тех, кто сражался по эту сторону стены. Подобный перформанс им наверняка не по вкусу.

Наблюдая, как тряпичный Аарон выхватывает бутафорский меч и угрожающе им размахивает, пуская ветры при каждом движении, я вдруг встретился взглядом высоким бородачом в железном нагруднике поверх грязного плаща.

Пара свинячьих глазок неотрывно следили за мной из толпы. Его могучая грудь вздымалась от частого дыхания, а перекошенная от злобы рожа не предвещала ничего хорошего.

Только этого идиота мне не хватало... И чего привязался? Как в такой толкучке отыскал? Ох, только не говорите, что он прямо здесь счеты сводить собрался... Совсем с головой не дружит.

— Давайте-ка поближе к сцене встанем! — закричал я Аллерии с Геной, перекрывая хохот одноногого старика. — Не разберу, чего князь говорит!

Дед одобрительно закивал головой, а остальные безразлично согласились. Лишь малявка протестовала, мол, «сира Аарона» оттуда плохо видно будет.

Совершая противозенитные маневры и скользя между частоколом из надравшихся тел, попутно отдавив пару ног, я выбрал место поближе к дружинникам. Уж на глазах у этих громил тот слабоумный боров разборки не устроит. Даже он не настолько отбитый.

— Глядите! Глядите на своего лорденыша! Вот как он вас защищал, вот кому вы служили! — пылко кричал князь, пока тряпичный Грисби нырял в наполненный вином фонтан.

Странный тип, этот князек. Вроде и бабла не жалеет и самолично приехал, очевидно пытаюсь понравиться местным, но при этом провоцирует их почему зря. У него биполярка или просто дурачок?

Толкнув локтем Аллерию, чтобы она сделала лицо попроще, я вдруг почувствовал что-то неладное. Ощущение опасности скреблось где-то на границе сознания. И дело было вовсе не в слабоумном великане.

Вопреки утверждению: «в окопах нет атеистов», я никогда не был суеверным. И во все эти незамысловатые солдатские приметы не верил. Спокойно закуривал от чужой спички, не носил с собой домашние ключи и, о, ужас, рассказывал о своем детстве, не обращая внимания на крутящих пальцем у виска сослуживцев. По какой-то причине, многие бойцы были убеждены, что человек, который начал вслух вспоминать свои юные годы, обязательно погибнет в ближайшие дни. Идиотизм натуральный. Фильмов что ли насмотрелись?

Впрочем, осуждать их незачем. Отчаянная жажда жизни на войне часто заменяет здравый смысл.

Но суеверия суевериями, а нутро порою видит то, чего не замечают глаза.

Оглядевшись вокруг, я быстро понял, что не так — дружинник с длинной седой бородой, в отличие от своих товарищей по оружию, не покатывался со смеху, глядя на кукольного лорда, а пристально наблюдал за кем-то в толпе. Вроде бы, за во-о-он тем молодым стражником. Погоди, а это не тот, что вчера на казни все с топором носился?

Правая рука длиннобородого беззаботно покоилась на плече увлеченного представлением товарища, но левая, за каким-то хреном, медленно ползла куда-то за спину. Вдруг взгляд дружинника переключился с толпы зрителей на помост с князем. Судя по выражению рожи, то ли он собрался на сцену с цветами выскочить то ли... Э-нет! Я на такое не подписывался!

Валить, срочно валить!

— Ребят!!! — попытался я перекричать пьяный хохот. — Пойдемте-ка к столам! Больно душно и пожрать охота...

Вдруг в глазах потемнело. Челюсть вспыхнула огнем, а в ушах раздался истеричный звон. Такое ощущение, будто «Камаз» протаранил. Или дерево на голову рухнуло. Или...

В голове с истошным эхом взорвался гневный рев полоумного великана:

— Верни!!!

Ах, ну да. Совсем забыл...

Глава 16: Копьем по рогатине

Из опустившейся тьмы неожиданно выплыла исполинская туша. Крепкая мускулистая рука вцепилась в куртку. Земля ушла из под ног под аккомпанемент натужного треска стеганной ткани. Подняв меня, как котенка одной рукой, верзила выпучил блестящие глаза.

— Верни!!! Верни, верни, верни! — требовал он, трясая меня словно куклу.

Его перекошенное от детской обиды и залитое слезами лицо могло бы показаться комичным, но поднятый огромный кулак отбил любую охоту к юмору. Еще не отойдя от первого удара, я поймал второй.

Тупая боль в пульсирующей голове или острая резь где-то в пояснице — даже не знаю, что пришло первым. Перед взором раскинулось красивое голубое небо, а в спину уперлось что-то холодное и твердое. Только через несколько мгновений я сообразил, что лежу на дорожной плитке где-то возле сцены.

Взгляд заволокло мглой, отчего мир казался каким-то выцветшим. словно черно-белое кино. А если добавить зловещую тишину, разрываемую лишь истошным писком в ушах, то кино вполне могло сойти за немое.

Откуда-то из глубины сознания возникли давно позабытые образы. Медленно вращающиеся катки, брызги искр, ошметки тел, тонущая в воплях рация и нестерпимо яркая вспышка света, неумолимо выжигающая облака, тени и мои собственные...

Чьи-то сильные руки ухватились за грудки и спустя удар сердца, тело вновь приняло вертикальное положение. Оказавшись к толпе передом, а к сцене задом, я едва сдержал рвотный спазм. Вот это приложило!

Перед глазами, замелькали чьи-то рассерженные бородатые рожи. Или только одна рожа — не понятно, все двоится.

Сквозь писк, наконец, начали прорываться голоса:

— Он его едва не зашиб!

— В мешок пьянчугу!

— Какой мешок?! Ты на бок его погляди! Прямо из ребер торчит!

— Связать и доставить сперва к аптек... — голос ближайшего дружинника оборвался резким звоном — будто в колокол ударили.

Срывая застежки, крепкий куполообразный шлем, подобно бумажной шапочке, слетел с головы дружинника и весело позвенел куда-то к фонтану. Сам же несчастный, завалившись как срубленное дерево, кубарем покатился по площади. Дорогие железные чешуйки его доспеха истошно дребезжали, высекая искры о мощеный камень.

— Етить... — едва ли не хором выдохнули дружинники, глядя на громадную слабоумную тушу, возвышающуюся над нами.

В перекошенное от гнева лицо громадины метнулась толстая рогатина, но тут же с треском переломилась пополам, а ее хозяин немедленно распластался на земле.

Вот уж не зря говорят, сила есть, ума не надо...

— Верни его, верни!!! — вновь завопил бородатый, переключаясь на меня.

Злобный блеск зареванных свинячьих глазок заставили сердце пропустить удар. С такой мордой, этого увальня безо всякого грима в любой фильм ужасов возьмут. Страшно, мать твою!

Рефлекторно попятившись, я едва не грохнулся на спину, запнувшись обо что-то твердое. Под моими ногами, чертыхаясь и плюясь кровью, пытался встать тот самый подозрительный седобородый дружинник. Вернее, полубородый. Ибо накладная волосня болталась у самого пояса, держась лишь за малую часть гладко выбритого подбородка.

Погоди, так это в него я влетел? Ну, теперь понятно, чего это северяне меня повязать удумали.

Со сцены прокатился голос князя, который громогласно требовал строить какую-то стену. То ли у меня с башкой что-то не так, то ли этот князь в край долбанулся и самое время тащить нового. Нафига ему стена посреди города?

Впрочем, толпа обезумела не меньше — от истеричных женских визгов да забористой мужской ругани в голове будто фейерверк разорвался. Чего такой вой-то? Подумаешь, какой-то слабоумный мордобой устроил...

Не обращая внимания на острую боль в пояснице и железный привкус крови во рту, я быстро перемахнул через полубородого и схватился за кем-то оброненное копьё.

— Тяжелое, блин... Ух, е! — массивное древко с толстым наконечником, больше подходящим для короткого меча, в последний миг спасло мои яйца от сверкнувшего удара.

Низкий мужичок в потрепанной кожаной куртке явно метил своим кинжалом мне в пах, но острое лезвие лишь высекло зарубку на древке и ушло в сторону.

Не понял...

— А ты еще кто?! — только и воскликнул я, глядя на «левого» мужика, который с какого-то хера

вознамерился меня зарезать.

Судя по гладкому подбородку, простой одежде, а главное — бьющемуся в конвульсиях телу стражника под его ногами, он явно не из северян. Так какого черта ему надо?! Дружок этого полоумного детины?

— Верни его!!! — звериный рык напомнил о бородатом придурке.

Отбросив кинувшегося на него дружинника, великан играючи смел с дороги низкого мужичка. Описав в воздухе вычурное сальто, несчастный пулей улетел куда-то в беснующуюся толпу обывателей.

Ага, друзья из них так себе. Хоть что-то прояснилось.

На смену улетевшему коротышке возникло сразу несколько персонажей покрупнее. Их можно было бы легко спутать с обычными караванщиками или местными забулдыгами, если бы не перепачканная в грязи походная обувь, суровые рожи и извлеченное оружие. Эх, вот бы их Аллерии показать, чтобы она, наконец, уяснила разницу, между гвардейцами и наемниками. Авось, больше про красные плащи заливать не будет...

— Вы кто такие?! Я вас не звал! Идите нах... — мою тираду заглушил рев великана.

Хватившись за торчащую из бедра рукоять какого-то клинка и завопив от боли, он ринулся на обидчиков. «Забулдыгам» стало резко не до меня. Сами виноваты, нефиг в слабоумных мужиков оружием тыкать!

— Сходил на праздник, блин... — фыркнул я, выискивая в беснующейся толпе Аллерию, герцогиню, или хотя бы Гену.

Но сложновато найти кого-то конкретного в бешеном калейдоскопе перепуганных тел. Тем более, когда в башке, будто паровоз гудит. Да отчего мне так хреново-то? Подумаешь, по роже пару раз треснули — первый раз, что ли?

— Больно!!! Больно!!! — вновь завопил огромный идиот, буквально размазав одного из нападавших о площадь.

Судя по сломанному топорищу, торчащему из его задницы — дела у него идут не ахти.

Расталкивая разбегающихся горожан локтями, пинками и клинками, из общей массы, на пустырь у фонтана высыпало еще несколько засранцев. Железные серпы, дубины, трофейные копья, тесаки... Они бы еще вилами вооружились! А я-то думал, что это у нас был бомж-отряд!

Устремленные к сцене взгляды, явно намекали, что, у днище-наемников запланирована встреча с одним богатеньким князьком. И хрен бы с ним, да только их маршрут уж больно близко пролегал к моей побитой тушке и взбешенному великану, который, в отчаянных попытках добраться до меня, не делал разницы между мужиками и дружинниками.

Сбежать бы, да некуда. Куда ни плюнь, везде жопа.

С одной стороны, ополоумевший идиот, который твердо убежден, что если по мне как следует треснуть, то я, каким-то боком, воскрешу его мертвого дружка. С другой, толпа непонятных головорезов, открывших сезон охоты на северян. Приправить все это дружинниками, которые гасят вообще всех, кто под руку попадет и водрузить на почетное место посреди этого дурдома потасканного жизнью старлея. Ах да! Еще же и гражданские, которые огребают вообще ото всех! Зашибись! Офигенный бутерброд! Дайте два и колу заверните!

Прямо меж трех огней зажали, ушлепки!

Еще раз поглядев на разбегающуюся толпу гражданских и не найдя даже деда, я злобно сплюнул кровью и крепче стиснул рогатину.

— Желание загадать, что ли...

В отличии от тихо ругающихся между собой мужчин, стоящих неподалеку, главе гильдии не было дела до насмешек князя. Она не уроженка Грисби и даже не подданная Западного предела — с чего ей переживать от издевательств над местечковым лордом? Тем более, что тряпичная кукла и впрямь похожа на сира Аарона...

— Глядите! Глядите на своего лорденьша! Вот как он вас защищал, вот кому вы служили! — раскатился басовитый княжеский голос, в момент, когда стражники с шестами принялись окунать куклу в фонтан с вином.

— И ради этого я двойную плату ссудила... Никакой фантазии. — вздохнула девушка не особо впечатлившись выдумкой северян.

Зря она отпустила тех двоих. Наблюдать за ревностью рыжей «дылды» и слушать оправданиями прыщавого недомерка было хоть немного занятно.

Пока одна часть толпы скрипела зубами, глотая очевидное оскорбление их господина, а вторая покатывалась со смеху над незатейливым северным юмором, управляющая отделением лишь сожалела о нецелевом расходе гильдейских активов. Две полные команды, три мешка уксусного порошка, полевая плата для рабочего контракта — и ради чего? Этой безвкусной буффонады?

Право слово, если князь так сильно хочет понравиться простолюдинам, то стоило бы свободных авантюристов за волками отправить — уже второе стадо погрызли. А еще лучше, если бы князь облился ламповым маслом и сжег себя на потеху толпе. Такое бы наверняка оценили по достоинству. Она уж точно.

Из передних рядов послышался нечеловеческий вопль, громкий стук и чья-то звонкая ругань. Большинство горожан предпочло не придавать этому значения. Как и всегда, примитивные кривляния и бесплатные угощения занимали чернь куда больше насущных проблем.

Покуда от сцены не донесся протяжный женский вопль.

Судя по его интенсивности и продолжительности — у фонтана происходит нечто неладное. От простой драки так не паникуют.

— Стена!!! — голос князя прокатился по площади подобно грому. — Построение стеной!!!

— Снова какая шутка или... — девушка осеклась, уставившись на еще недавно сквернословящих караванщиков.

Одновременно с приказом князя, они вдруг прекратили перепалку и, поглядев куда-то в толпу, принялись поспешно проталкиваться ближе к сцене. Плотницкий топор возникший в руке одного из них, не оставлял места для сомнений.

— Значит, не ошиблась... — глубоко вздохнув, глава проверила ход шпаги в ножнах и заспешила за незнакомцами.

Гильдия, ни под каким предлогом не разрешает своим администраторам соваться в политику и взаимоотношения великих домов. По инструкции, управляющая была обязана сообщить о своих подозрениях в резиденцию или, самое большее, непосредственно инспектору. Но устав уставом, а возможность воочию узреть смерть Рорировского выродка случается лишь раз в жизни. Если очень повезет, то, быть может, она сама его и добьет? Должен же этот жалкий городишко преподнести ей хоть что-то хорошее?

Тонкой невысокой девушке было непросто следовать за подозрительными мужчинами, пробиваясь сквозь чащобу из широких спин да острых локтей. Особенно когда все нарастающее смятение толпы, по мере приближения к сцене, переходило в испуг, а затем и вовсе в панику. Рубленые команды князя то и дело перекрывались криками и визгами, пока совсем не потонули в волнах всеобщего страха. На площади начиналась давка.

Из бурного потока напуганных обывателей вдруг возникло мужское лицо. Знакомое. До рези в глазах. Девушка узнала бы его из тысячи.

Весь пыл вдруг испарился. Колени подкосились, сердце дрогнуло, а грудь сжало кулаком.словно выброшенная на берег рыба, она хватала воздух, глядя на оживший призраком. Седина в бороде, морщины у глаз, пара лишних незнакомых шрамов и кафтан простого стражника вместо дорогого северного панциря. Но это он! Точно он!

В отличие от сновидений, наяву постаревший палач предстал без бердыша и кровожадной ухмылки. Сжимая побитую рогатину, и сияя свежей раной в области живота, он грозно высился над тройкой вооруженных заговорщиков. Неизвестные мужчины, то и дело, нанося удары, кружили вокруг городского, словно разъяренные пчелы, но длинная отточенная рогатина вынуждала их раз за разом отступать.

Юная девица, вынырнувшая из-за спины ошарашенной Эмбер, и спешащая куда-то к сцене, вдруг оказалась между молотом и наковальней. Пытаясь проскочить между тяжелым копьём и короткими клинками, испуганная дуреха неудачно подвернулась под блеснувший мясницкий тесак. Вместо руки северянина, зазубренное лезвие располосовало голову несчастной, принуждая ее упасть на колени, с ревом зажимая кровоточащее лицо.

Пользуясь заминкой, постаревший палач ткнул толстым наконечником и спустя мгновение, исторгая бурный поток из распоротой глотки, прямо на девицу рухнул «мясник». Легкая победа, похоже, вскружила стражнику голову, не позволив вовремя среагировать на удар со спины.

Отчаянно зарывчав, городской описал рогатиной широкую дугу, отгоняя неприятелей, и вновь занял оборонительную стойку. Глава гильдии только сейчас заметила, что под ногами поседевшего палача лежит тело еще одного северянина. Несмотря на красную лужу, натекшую из живота молодого снеговика, судя по протяжным стонам, он был еще жив.

Запах крови и вид чужой смерти, наконец, вернул чувство реальности. Стиснув липкую от пота рукоять шпаги, Эмбер обогнула визжащую толстую женщину в безвкусном платье и за один прыжок оказалась возле заговорщиков. Заученные с детства движения, выпады и уколы выходили кривыми, неровными и излишне поспешными. Вместо сердца, острое пронзило легкое, вместо руки — скользнуло по рукаву, вспоров бедро. Вместо глаза, шпага угодила в перекошенный от ярости рот и, выйдя из шеи, намертво застряла меж позвонками.

Пронзив последнего противника, она лишь порадовалась, что старый мастер не видел этого апофеоза недостойного сумбура. Оно и к лучшему. Девушка не хотела снова оставаться без верховых прогулок на любимом пони на целую неделю.

Возникшее лицо северянина вытеснило неуместные детские воспоминания.

Холодные бирюзовые глаза мужчины на мгновение застыли. На его лице отразилось узнавание. Спустя столько лет, спустя столько отнятых жизней, столько принесенных в мир страданий, палач отчего-то дрогнул,

столкнувшись с однажды виденной девушкой.

— Ты... — только и выдохнул он, недоверчиво наставив обагренное кровью копьё на ту, кого собственноручно сделал сиротой.

— Я. — собственный голос показался ей совершенно чуждым.

Рогатина, замершая в считанных ладонях от девичьего лица, пробуждала картины далекого прошлого. Багровые капли катились по испещренному зарубками наконечнику, и каждая отражалась болезненным воспоминанием. Бердыш, рев толпы и летящая по ступеням отрубленная голова.

От возникших сомнений не осталось и следа. Провернув рукоять и надавив сапогом на горло еще живого противника, глава гильдии рывком извлекла тонкое лезвие. Из раскрытого рта обмякшего на коленях заговорщика едва полились первые кровавые ручейки, а отточенная шпага, описывая алый полумесяц, уже неслась к стражнику.

Смертоносный полукруг оборвался резким ударом в грудь и запахом мужского пота, резанувшим по девичьим ноздрям. Сняв хрупкую девушку, словно таран соломенную стену, стражник легко сшиб ее с ног. Спина впечаталась в дорожный камень, шпага вылетела из рук. На фоне чистого голубого неба блеснула залитая кровью рогатина. Не тратя времени на поиски оружия, глава резко вмазала каблук миниатюрного сапога в пах северянина. Но было уже поздно. Занесенная рогатина со свистом опустилась, рассекая голову вдруг возникшему незнакомцу.

— Стой, что?! — Эмбер перевела взгляд с взорвавшейся кровавым фонтаном головы обратно на северянина.

Он ее защитил? Палач? Уберег от смерти? Ее?! Нет, она должно быть спятила, этого просто не могло случи...

Северянин, болезненно морщась и зажимая заливающийся кровью кушак, протянул лежащей на спине блондинке древко своей рогатины.

— Хватайся. — бросил старик без единого намека на злой умысел.

Несмотря на очевидные страдания, влажные губы северянина вытянулись в едва заметной улыбке. Будто этого было достаточно. Будто такой простой жест способен искупить годы ее кошмаров. Будто смерть вшивого низкородного убийцы может перевесить казнь отца. Будто...

Красный кафтан на теле старика вдруг вздулся и через мгновение в лицо девушки брызнули капли горячей влаги вперемешку со звеньями кольчуги. Пожилой северянин недоверчиво схватился за торчащий из его груди наконечник копья. Спустя мгновение, из его влажных губ вырвался бурный поток крови.

Отчаянно пытаясь удержаться на ногах, старик осел на колени, не переставая хвататься за обагренное лезвие. За его сгорбленной спиной высился незнакомый молодой стражник. Тот самый, что прежде валялся под ногами, притворяясь раненым. Напрягая мышцы на безбородом лице, он тщетно пытался вытащить наконечник своего копья из тела сослуживца.

Глава 17: По соображениям глупости

Словно морские волны огибающие скалы, поток напуганных людей как мог, сторонился места вспыхнувшей стычки. Под нескончаемым топотом бесчисленных сапог, ботинок и туфель раздавался дребезг дорогого металла. Оскорбленно звеня, шпага шуршала по площади, то и дело отскакивая от бесконечного парада дешевой обуви.

Годы тренировок не прошли для девушки даром. Уперевшись ладонями в скользкий от чужой крови камень и подобравшись словно пружина, глава гильдии одним рывком вскочила на ноги. Сущие пустяки, для того, кто сотни раз наворачивался с седла.

Поиски звенящей неподалеку шпаги прервались холодным блеском бирюзовых глаз. Стоя на коленях, постаревший палач продолжал давиться собственной кровью, из последних сил держась за потертую старую рогатину. Только упертое в камень древко, не позволяло ему рухнуть.

Несчетными ночами она мечтала об этом моменте. Грезила узреть угасание в столь ненавистных глазах. Насладится его страхом, насытиться болью и наконец, вкусить столь желанный плод справедливого возмездия. Но сейчас, глядя как из старика, струйка за струйкой вытекает жизнь, она не ощущала ничего кроме ярости.

И отнюдь не к палачу.

Схватившись за толстое древко, управляющая гильдии вырвала рогатину из обессиленных рук угасающего мужчины.

Молодой северянин, тщетно пытающийся извлечь свое копьё из широкой спины товарища, недоверчиво уставился на миниатюрную девушку, нацелившую толстый наконечник в его грудь. Лишь в последний миг он успел бросить свои потуги и отскочить, избегая смерти.

Старое, но крепкое лезвие, разрывая красный кафтан, прочертило глубокую борозду на груди стражника. Кольчужные кольца истерично засрежетали, в воздухе мелькнули искры. Безбородое лицо дрогнуло во вспышке мимолетного ужаса.

Но напрасно — кольчуга выдержала скользкий удар.

Стиснув челюсти от тяжести северной древесины, Эмбер потянула рогатину для нового выпада, но опоздала. Ярость ли притупила натренированную резкость, или чужеземное оружие оказалось слишком увесистым для девичьих рук, но, оправившись от шока, безбородый стражник успел ухватиться за основание наконечника.

— Ты кто вообще такая?! На кого кидаешься, дырка полоумная?! — дрожь в его голосе выдавала испуг, но сил в мужских руках от того не убавилось.

Дернув рогатину на себя, он без труда разоружил девушку. Прежде чем та успела среагировать, северянин ловким и очевидно натренированным движением развернул оружие да размашисто саданул толстым лезвием по женской груди.

Едва не отправившись в полет, глава гильдии припала на колено, отчаянно пытаясь вобрать хоть немного воздуха в ушибленную грудь. Из под запятого чужой кровью и дорожной пылью камзола, на камень высыпалось несколько мелких костяных пластинок. Только корсет с собственноручно нашитыми чешуйками спас главу от смертельной травмы.

— До чего же вы конелюбы живучие... — присвистнул стражник, обходя умирающего сослуживца и приближаясь к девушке. — Ну да пес с ним. Рогатина, орудие для настоящего воина, а не напомаженной южной бабы! Чтоб ты знала, дрянь проткнутая, ей еще и рубить можно!

Подтверждая слова делом, он немедленно занес окровавленное лезвие над светлой головой.

Возможно, он возжелал избавиться от случайной свидетельницы, возможно, отомстить за мгновение позора. Девушке было ясно лишь одно, оставлять ее в живых он не намеревался. В отчаянии подняв руку, будто хрупкое запястье может уберечь от массивного клинка, Эмбер невольно зажмурилась. Испещренное сколами лезвие молнией сверкнуло перед закрытыми веками и шумно звякнуло у самого сапога. Управляющая подняла взгляд с промахнувшейся рогатины на трепыхающегося стражника.

— Пусти! Пусти, хрен старый! Предатель! Размазня! Безхребетник! Пусти, кому сказано?! — вопил молодой парень, прыгая на одной ноге и пытаясь сбросить повисшего на нем старика.

Свистя пробитыми легкими и украшая чужой красный сапог собственной кровью, палач отчаянно цеплялся за ногу напарника, стремясь сбросить его на землю. Но безрезультатно — слишком неравны силы. Тщетная попытка отчаявшегося мертвеца, не больше. Однако тратя свой последний вдох на обреченную борьбу, старик выиграл столь драгоценные мгновения.

Заслышав вновь раздавшийся звон родного клинка, девушка без промедления воспользовалась шансом и метнулась в сторону.

Толпа начала иссякать, и густой лес чужих ног превратился в редкую рощу, позволяя разглядеть лежащую неподалеку шпагу. Чей-то грязный рваный ботинок больно прошелся по девичьей руке, но пальцы уже ухватили

рукоять. Изготовленная специально под ее ладонь, вычурная защитная дужка словно делилась своей стойкостью с хозяйкой. Жжение в груди притупилось, бешено колотящееся сердце сбавило обороты.

Упирая прочный клинок о камень, и опираясь на рукоять, девушка поднялась на ноги.

— Хорош пялиться, хрен продажный! — рывкнул молодой стражник, пнув окровавленным сапогом бородатое лицо палача.

Старик безвольно растянулся на спине, захлебываясь нескончаемым потоком грязно-малиновой жидкости из легких. Убедившись, что товарищ больше не выкинет никаких сюрпризов, молодой переключился на окружение:

— Куда затерялась, дырка белобрысая?! Сбежать думала, али...

— Здесь.

Без труда пройдя сквозь кафтан и кольчужные кольца, блестящее острие шпаги утонуло в широкой груди стражника. Впервые она отступила от своих привычек. Никаких изящных движений, никакой театральности. Лишь короткий выпад прямо в сердце.

Тонкие брови северянина изогнулись в недоумении. Красивые яркие глаза недоверчиво уставились в бесстрастное девичье лицо. Губы пришли в движение, но резкий поворот рукояти лишил мужчину права последнего слова. Испуганно моргнув, стражник упал на колени. Его безвольно опущенная голова, будто склонилась в почтительном поклоне.

Не успело тело незнакомца испустить последний выдох, а глава уже кинулась к беспомощно угасающему палачу. В ее голове бушевал бурный вихрь вопросов и каждый требовал ответа:

— Зачем?! Слышишь меня?! Зачем ты... Ты... Ты!!! Ради чего?! — рыча от натуги, девушка перевернула раненого на бок, не позволяя ему окончательно захлебнуться.

Зачем он столкнул ее на землю, уберегая от чужого клинка? Почему не позволил молодому стражнику ее добить? Он же узнал ее! Точно узнал! Что у этого старого северного идиота на уме? Искупление? Издевка? Маразм?!

Стражник выплюнул на потертый камень целое море гадко-алой жижи и протяжно засопел, явно пытаясь что-то сказать. Управляющая устрашилась, что он может умереть еще до того, как она получит хотя бы один ответ:

— Почему... — слова встали комом в ее горле.

Самый главный вопрос так и остался неозвученным. Ушибленную грудь сжало кулаком так, словно, произнеси она эти слова вслух, как вновь вернется в тот день. К катящейся по ступеням голове, ликованию толпы, и окровавленному топору.

— Князь... — низким утробным голосом просипел бывший палач. — Помоги...

Должно быть, он совсем сбрендил, раз решил, будто она бросится помогать этому северному ублюдку! Помочь князю? Она? Да он с титана рухнул, раз просит ее о таком! Она лучше овса вперемешку с ослиной мочой пожует, чем хоть пальцем пошевелит ради кого-то из выводка этих пустоголовых Рориков! Да лучше за сутулого рогача замуж выйдет, чем...

Ослабевшая рука потянула мокрый от пота воротник форменной рубашки.

— Не дай ему... Погибнуть. Важно. Очень важно! — с каждым новым словом, пепельно-красная лужа под стариком становилась все шире и шире.

Вид страданий на едва тронутым морщинами лице отозвался болью в груди. Смерть, неумолимо приближающаяся к старику, вместо покоя, приносила лишь острую резь в девичьем сердце.

— Да чтоб тебя! Выродок простуженный... — звучно сплюнув, девушка резким движением оторвала свой воротник.

— Только попробуй помереть, пока я не вернусь! Твоя голова достанется мне, слышишь?! — рычала она, спешно заталкивая грязную ткань под разорванный копьем кафтан. — Жизнь не спасет, так хоть кровь остановит... Наверное. Или нет. Почем мне знать, я что, похожа на аптекаря?!

Один лишь вид растянувшихся в улыбке влажных мужских губ, приводил ее в бешенство.

— Сходила на праздник, седлать твою мать!

С самого детства и аж до самого вступления в наемный отряд я думал, что рогатина — это такая палка, раздвоенная на манер рогатки. Ну, типа, упираешь один конец в землю, а раздвоенным, ловишь медвежью голову.

Почему? А хрен его знает! В какой-то книжке со сказками картинка была.

Кто же знал, что рогатина, это тяжелое пехотное копьё? С огромным таким наконечником!

— Иногда приятно ошибаться, да чувак?! — рывкнул я, от души полоснув крупным лезвием по ноге подскокившего противника.

Заревев белугой, несчастный немедленно выронил деревянную киянку и принялся комично скакать на одной ноге. Его свежесломанный нос забавно контрастировал с щедро перебинтованной ладонью и взлохмаченной бородой.

Минутка юмора прервалась окровавленным кулаком, опустившимся на голову подранка. Рухнув как подкошенный, мужик больше не подавал признаков жизни. Несмотря на множество ранений, что и слона бы свалили, полоумный верзила ни на секунду не отставал от меня.

Сложившуюся ситуацию иначе как идиотизмом не назовешь. С правой стороны — куча мужиков вооруженных всяким хламом, вроде кинжалов, серпов или плотницких топоров, которые то и дело пытаются пробиться сквозь плотный строй северян вокруг высокой сцены. С левой — та самая шеренга дружинников, которая, выставив рогатины и сомкнув ряды, колет да рубит все подряд, отчего счет мертвых или раненых тел вокруг сцены идет уже на десятки. И, судя по мелькающим то тут, то там женским платьям — северяне не делают разницы между наемниками и случайно подвернувшимися горожанами.

А посреди всего этого великолепия — моя несчастная задница, которая носится вокруг сцены, то и дело уворачиваясь от копий, топоров и этого гребанного полоумного исполина. Несмотря на целый букет свежих ран, слабоумный великан продолжал преследовать меня, требуя вернуть своего мертвого товарища, попутно раскидывая всех, кто попадался под руку.

Впрочем, князю приходилось еще хуже. Скача по сцене и сверкая красивым длинным мечом, он отбивался сразу от троих засранцев. Его дружинники, стоя спинами к помосту, само-собой, не замечали, что их благородного командира вот-вот порубят на лоскуты.

Долбаный цирк! Чувствую себя какой-то белкой в колесе. Еще и в глазах постоянно темнеет... То ли дышалка не выдерживает, то ли уж слишком головой о площадь приложился.

Очередной круг промеж толстых копий и коротких кинжалов закончился подвернувшимся под ноги мертвым мужиком и звучным ударом рогатины о мощный камень. Чуть не разбив черепушку я едва-едва успел откатиться от бритвенно острого наконечника северянина и тут же получил монструозным сапогом по заднице.

Запнувшись об меня, слабоумный великан врезался прямо в строй, сминая дружинников словно кегли.

Поглядев на образовавшийся пролом в строю, огромную окровавленную задницу, и оценив количество вооруженных мужиков за моей спиной, я не нашел ничего лучше, чем ломануться к сцене.

Грузно пыхтящий идиот, пытающийся встать с живого ковра из звучно матерящихся северян, оказался довольно удобной лесенкой. Забравшись на сцену и обернувшись, я облегченно выдохнул. Кажись, пронесло...

Утирая пот и борясь с вновь подступившим головокружением, я окинул взглядом площадь.

Раздираемая паникой толпа отодвигалась все дальше и дальше, оставляя после себя лишь затоптанные или изрезанные тела. Что в какой-то степени радовало, ибо вокруг помоста на ногах оставалось не больше десятка вооруженных мужиков. Их малое количество вкупе с дерьмовым оружием не оставляли и шанса против дружинников. Все-таки, ножи да топоры не особо годятся против бородатых громадин в отличных доспехах да с офигевшими рогатинами. Кажется, я начинаю понимать, каким хреном снеговикам удавалось насовывать южным рыцарям с их бешеными лошадьми. Строй-то они держать умеют...

Передышку и размышления на тему важности дисциплины в ратном деле прервал яркий клинок сверкнувший поблизости. Испуганно вздрогнув, я уставился на красивый длинный меч у своего брюха. Необычайной остроты лезвие впилось в мой живот, но отчего-то не смогло прорезать стеганку.

ТЬфу! Совсем про князя забыл!

Сжимая украшенную гербами рукоять, высокий молодой бугай недоуменно уставился мне в лицо:

— Колдовство? — то ли удивленно, то ли разочарованно выдохнул он и попытался дернуть клинок на себя.

Но, несмотря на его потуги, лезвие продолжало безобидно упираться в мой пояс. Я почти уверовал в собственную богоизбранность и уже начал задумываться над тем, каких именно девственниц буду требовать себе в жертву, но князь обломал всю малину.

Крякнув от натуги, громила наконец отодрал лезвие от моего пуза и вместе с кожаным поясом, на измазанном чужой кровью клинке повисла увесистая железная палка. А-а-а... Точно! Совсем про магнит забыл!

Пока князь оценивал новый модный аксессуар на своем оружии, пара мужиков уже неслась к нему со спины. Один — просто незнакомый наемник из толпы, а вот болтающуюся на щеке накладную бороду второго я узнал сразу. С этого-то козла все и началось!

Заслышав топот, северянин резко обернулся и одним махом, располовинил ближайшего.

— Ну нихрена себе... — только и выдохнул я, глядя как торс вопящего наемника соскальзывает вниз, а ноги, продолжая тараторить по доскам, несутся прочь с помоста.

Световой меч, блин! Одним махом разрубил! Это магия какая-то или что? Черт, я тоже такой хочу!

Впрочем, офигенные мечи не особо помогают против толпы. Пока князь заносил оружие для нового удара, кинжал полубородого устремился прямо ему в лицо. Ни защититься, ни отклониться, благородный громила уже не успевал.

— Мое!!! Мое!!! — над моей головой раздался рев великана.

Спустя мгновение сцена под ногами куда-то подевалась, а перекошенное от ярости лицо полубородого

оказалось у самого носа. Несчастный даже удивиться не успел. Столкнувшись с моей запущенной в полет тушей, он немедленно завалился на сцену.

Красивые голубые глаза ряженого северянина смотрели прямо в душу, а его влажные губы находились в миллиметре от моих. Капля моего пота смешалась с его слюной, теплое мужское дыхание щекотало ноздри, а в воздухе витал сладкий запах луковой похлебки...

— Уйди, противный! — наконец очухался я и от души приложил ряженого дядьку лбом в нос.

Тот не остался в долгу, и моя челюсть звучно хрустнула под напором внушительного кулака.

Обмен зуботычинами уступил место стали. Сбросив меня с себя и навалившись сверху, мужик направил острие ножа прямо в мой глаз. Попытка предотвратить смертельный удар взорвалась вспышкой пронзительной боли и брызгами крови.

Короткое лезвие пробило мою ладонь и остановилось у самого лица. Несмотря на очевидную опасность, этот глупый маневр сохранил мне жизнь. Упирая локоть в деревянный настил сцены, я с трудом, но все же сдерживал натиск полубородого, который навалился на рукоять всем своим весом.

Короче, жить захочешь, не так раскорячишься!

Левая рука пыталась нашарить кинжал или хотя бы чесалку, но этот чертов пояс никак не находился. А да, магнит же... Вот же гадство!

Комично тряхнув приклеенной бородой, мужик понял, что ничего не добьется и попытался вынуть короткое лезвие из моей ладони, дабы ударить снова, но переплетая его пальцы со своими, я быстро пресек любые попытки выдернуть нож. Не думал, что настанет день, когда придется держать мужика за ручку. То глазками играет, то губы облизывает...

— Слышь, ты точно не гомик?! — уточнил я, стараясь отвлечься от «интересных» ощущений в пробитой руке.

Вместо ответа полубородый заломал мне ладонь и наконец, выдернул лезвие. Из раны брызнула кровь, щедро окропляя мои глаза. И без того затуманенный взор приобрел темно-алые оттенки. Сквозь кровавую пелену я видел, как напрягаются челюсти, как переливается обгаренный клинок, как нож устремляется в мою плотку. Еще мгновение и мне пизд...

Раздался глухой стук. Занесенный нож больно саданул по щеке и, вылетев из ослабевшей руки, заскользил куда-то в сторону, оставляя после себя густую багровую дорожку. Полубородый неуверенно покачнулся и бессильно обмяк на моей ширинке.

— Что за гомики пошли... Хоть бы цветы сперва подарил! — нервно пробормотал я, пытаюсь неловко выползти из под ряженного извращенца.

Глава 18: Настоящая блондинка

По мере приближения к сцене, поток людей становился все реже и реже. То тут, то там всплывали картины затоптаных в давке людей. Некоторые пытались уползти самостоятельно, некоторые зажимали переломанные конечности и звали на помощь, а некоторые...

Глава скрипнула зубами, отводя взгляд от растоптанного тела покоящегося в луже свернувшейся крови. Похоже, что паника погубила больше жизней, чем топоры заговорщиков и копья северян вместе взятые. Чуть дальше лежал другой покойник с разбитым черепом. Новенький оловянный жетон на шее ставил жирный крест на оптимистичных недавних прогнозах. Похоже, выпускник пытался играть в героя, но лишь пополнил списки потерь гильдейского актива.

У сцены кипел бой. Плотный строй северян окружил стропила и, оцетинившись массивными рогатинами, пронзал да разрубал любого, кто пытался приблизиться.

На каждого убитого заговорщика, приходилась пара безоружных тел. Вероятно, в панике, часть зрителей решила искать защиты у снеговиков. Несчастные невежды. Защищая князя, дружинники не делают никаких исключений. Никогда.

Остановившись на почтительном расстоянии от сцены, глава подняла взгляд от усыпанной телами площади на высокий помост. Как она и ожидала, северяне не были бы северянами, если бы не прохлопали самое важное — их дражайший князь остался в одиночестве. Не обращая внимания на свежие раны, богато одетый мужчина едва сдерживал натиск трех нападавших разом.

Князь слыл опасным и опытным бойцом. Еще на заре своей зрелости, он лично возглавлял штурм Грисби, смяв ворота и выкурив осажденных из старого района. В бою на этой самой площади, его легендарный меч зарубил немало гвардейцев и едва не лишил головы самого сира Аарона.

Но в этот раз удача изменила «Разорителю». И даже невероятно острая ледяная сталь, по сравнению с которой даже родная шпага казалась посредственностью, не обещала спасения.

Одним махом разрубив голову неприятеля, князь едва не получил кинжалом в глаз и лишь его могучий кулак остановил неизбежное, заставив клинок лишь скользнуть по толстому рукаву богатого украшенного кафтана.

— Верни!!! Верни!!! — вслед за звероподобным ревом, от которого по нежной коже побежали мурашки, за спинами дружинников показался наемник.

Не обращая внимания на кипящий бой, он стремительно ринулся между северянами и заговорщиками. Его уверенную поступь не замедлил ни строй копий, ни натиск заговорщиков. Порванная стеганая куртка, переливающееся на солнце тяжелое копьё, покрытое шрамами лицо и целеустремленный взгляд...

Тугой корсет резко стиснул девичью грудь, отчего у главы перехватило дыхание. Нутро обволокло нечто теплое и невероятно густое. Девушка даже не поняла, что ее впечатляет больше, его невероятная отвага или безбашенность, граничащая с самоубийством?

Нет, выглядит очень эффектно. Завораживающе. Даже красиво! Но за каким овсом его понесло в самое пекло? Он обезумел от ран или...

Высочивший из-за сцены верзила в железном нагруднике сразу расставил все по местам. Бородач, размерами больше походивший на сумпурня, небрежным движением руки опрокинул на землю сразу двух дружинников, и устремился вслед за наемником, напрочь игнорируя перезвон рогатин и клинков. Похоже, это был не первый их круг вокруг помоста.

Споткнувшись на повороте, высокий наемник исчез под ногами сражающихся. Миг спустя, бородачатый великан, следовавший по его пятам, вдруг покачнулся и на всей скорости врезался в шеренгу дружинников.

— Таран натуральный, етить его в сраку... — озвучил кто-то мысли главы гильдии.

Встрепенувшись, Эмбер уставилась на одноногого старика, стоящего подле нее. Судя по ярко красному отпечатку подошвы на испещренном шрамами лице, инструктор едва не пополнил список жертв давки.

— Ох-е! Фальшивочка! Здрасте вам просратья... Тьфу, то бишь, день добрый, сударыня! — сумбурно поздоровался наставник, и заткнув за пояс потертый окровавленный нож, протянул ей морщинистую руку.

Вспыхнув и уставившись на ладонь, Эмбер уже решила с какого именно пальца начнет крушить старые кости обнаглевшего северянина. Но опомнившись, быстро одернула руку:

— Не зовите меня так. Никогда. — коротко бросила девушка, переключаясь обратно на сцену.

— Да я-то тебя и не звал, сама приперлась... — еле слышно проворчал мужчина и тут же воскликнул. — Что творит-то, балбес?!

Сломавший строй бородачатый «медведь», отчаянно цеплялся за высокий помост, в попытках подняться с яростно бранящихся северян. По нему, словно по осадной лестнице, на сцену взбежал потерявший рогатину наемник. Взобравшись повыше, он, за каким-то овсом, остановился и с задумчивым видом окинул стремительно

пустеющую площадь.

Нападавшие, похоже, смирились с поражением и на каждого бьющегося, приходилось трое улепетывающих в переулки. Их спины то и дело настигали запущенные в полет рогатины дружинников, но большинству, похоже, удастся уйти. Впрочем, надолго ли? Вероятно, стражники уже опустили городские ворота, готовясь к худшему.

— Че встал, увалень?! Князю! Князю помоги... Ой елки. — осекся инструктор, когда ледяная сталь устремилась в торс наемника.

Увидав нового участника представления, князь, не утруждая себя размышлениями, с ходу обрушился на незнакомца.

Сердце дрогнуло, а спина покрылась холодным потом. Девушка в ужасе закрыла глаза, не желая видеть, как легендарный клинок разрубает мужской живот. Мысли о побоище, заговорщиках, и даже палаче отошли на второй план, уступая хорошо знакомому чувству безвозвратной утраты.

Она ведь так и не успела узнать его настоящего имени, а он...

— Заговоренный, етить-колотить! Всегда знал, что с этим отморожком что-то нечисто! Не зря я его Четвертым назвал! — тирада инструктора заставила девушку вернуться в реальность.

Меч, по слухам разрубающий титанов пополам вместе с рыцарями, безобидно уперся в широкий торс наемника. Двое северных громил удивленно пялились то на клинок, то на друг-друга.

— Волшебство... — только и выдохнула девушка.

Ее подозрения неожиданно получили подтверждение. Наемник — скрытый чародей. И невероятно искусный. Это объясняло и его недавние победы и несвойственную тоску, поселившуюся в женском сердце. Теперь она точно знала, что не сошла с ума, а оказалась одурманена коварными чарами этого...

— Мое!!! Мое!!! — отчаянный вопль выскочившего на сцену бородатого монстра громом раскатился по площади.

Князь как раз разрубил одного из нападавших, когда мощная рука брезгливо смахнула наемника в сторону. Забавно пискнув, тот на всей скорости влетел в последнего заговорщика, оставшегося на сцене.

Не обращая внимания на рухнувших друг на друга мужчин, великан ринулся напрямик к князю. Сверкнувший меч пронзил монструозную грудь насквозь, но смертельная рана не остановила громилу.

— Верни!!! — с диким воплем, он буквально завалился на князя, сминая его всем своим весом.

— Убьет ведь, падлюка окаянная... — фыркнул инструктор и быстро нагнувшись, защелкал кожаными ремешками на протезе.

Глава хотела спросить, про кого именно старик ведет речь, но блеснувший на сцене клинок не нуждался в пояснениях. Даже с тридцати шагов, девушка отчетливо видела, как трясая фальшивой бородой, над наемником склоняется незнакомец в красном кафтане. Как руку Себастьяна пронзает нож, как струится кровь, как близок он к смерти.

Северяне продолжали методично добивать раненных заговорщиков, упорно не замечая развернувшегося на сцене побоища. Бородатых снеговиков совершенно не занимало, что их господин в этот самый момент остался один на один с массивной тушей. Громадные кулаки раз за разом опускались на князя, и лишь его изворотливость и недюжинная сила сохраняли мужчине жизнь. Но надолго ли их хватит?

Крикнуть северянам? Предупредить их? А услышат? А послушают? Это же дружинники. Бороды заменяют им и уши, и глаза, и даже мозг. Как они только дышать не забывают, вырожденцы ледяные, чтоб их...

Слева князь, справа наемник. Слева один северный подонок, справа другой. Смерть одного Простор так просто не оставит, на гибель другого всем плевать. Выбор прост, как кавалерийское копьё.

Скрипнув зубами, светловолосая девушка перехватила шпагу на манер дротика. Тонкие пальцы вспыхнули огнем. Кровь заскользила по металлу, мешая нормальному хвату. Наточила на свою голову, дуреха...

Копье из шпаги, как из северянина всадник, однако выбор невелик. Не протезом же этого старика кидаться? А любая попытка приблизиться к сцене обязательно перейдет в противостояние с разгоряченными битвой дружинниками.

Еще раз взглянув, как бородатый верзила вдавливая князя в трещащие доски, глава переключилась на наемника. Нет уж! Лучше она осла под хвост поцелует, чем хоть пальцем шевельнет ради хоть кого-то из этих Рориков. Тем более, что на наемника у нее большие планы и...

Перед глазами мелькнула короткая толстая палка с весело звенящей пружинкой. Переливаясь на солнце, импровизированный снаряд на быстрых оборотах неся к сцене. Прежде чем девушка успела что-то осознать, палка на всей скорости врезалась в голову фальшивому дружиннику. Вместе со звуком откупоренной бутылки, разнесшимся по всей площади, мужчина с ножом на мгновение замер и бессильно рухнул, утыкаясь пышной бородой прямо между ног недоумевающему наемнику.

— Мастерство-то не пропьешь! — самодовольно выпалил инструктор, стоя на одной ноге. — Что устала?! — переключился он на девушку. — Ты князя выручать будешь или тебя умасливать надобно?!

Она могла бы во всех красках рассказать, почему никогда и ни за что не станет помогать Рорику. Могла пуститься в пространные рассказы о казненном отце, вероломстве северян, и лишенном титуле. О том, что она, куда с большим удовольствием угостила шпагой самого князя, нежели его убийцу.

— Хорош сиськи мять! Давай, засади свою зубочистку ему прямо в борщ! — от скрипучего голоса мужчины, порезанные пальцы вспыхнули сильнее. — Или мне давай, раз сама криворукая!

К овсу все это. Сегодня она уже пощадила того, кого клялась убить. Где одна нарушенная клятва, там и другая... Не стоять же как дура?

— Вот же хрыч... — выдохнула она, одним махом запуская шпагу в полет.

— Ну, вроде не притворяется... — заключил я, глядя на красную желеобразную мерзость, выглядывающую из разбитой головы.

Все-таки, прикидываться мертвым со вскрытой черепушкой, примерно тоже самое, что и изображать натурала с хреном в заднице.

Орудие убийства покоилось неподалеку и являло собой деревянный стариковский протез. Эту пружинку я из тысячи узнаю — сам ее туда вкорячил, дабы старику культу не так набивало.

Понятия не имею, как и откуда протез здесь взялся, но деревяшка хрыча, похоже, спасла мне жизнь.

Странно, но сквозь шум в ушах больше не прорывалось ни криков, ни дребезга стали. Борясь с вновь накотившим головокружением, я кое-как поднялся на ноги.

На сцене, кроме распластавшейся громадной туши слабоумного бородача, отрубленных конечностей и пары свежих трупов никого не было. Площадь пришла в запустение. Лишь творящийся бардак напоминал о недавнем дурдоме. Опрокинутые столы, бочки, снесенные навесы и хренова куча покойников.

У самого помоста, в окружении плотного строя дружинников, маячил снежно-белый плащ князя.

Доносившиеся из-за хмурых бородатых рож фразы в духе: «Какими же судьбами?» и «Та, дверью жопу защемило, не там свернул.» не прояснили ровным счетом ничего.

— Пошли на праздник, говорили они... Будет весело, говорили они... — борясь с подступающим кашлем я покосился на прошитую ладонь. — Блин, мне бы к доктору. А лучше в отпуск.

Подобрав стариковский протез, я кое-как заковылял к лестнице.

Огибая труп бородатого великана, я с удивлением понял, что он еще жив. Несмотря на длинную шпагу, торчащую из его головы, верзила бессильно сучил рукой, пытаясь, дотянутся до...

— О! А вот и чесалка! — еле слыша свой голос, воскликнул я, нагибаясь за своим скарбом.

Порванный пояс, ржавый нож, переломанный пополам кинжал и...

— Верни... Верни... — сипел бородач лежа на боку и сверкая мелкими глазками, протягивал толстые окровавленные пальцы ко мне.

— погоди... — болезненный кашель прервал внезапное озарение. — Ты... Тьфу! Ты за ним, что ли бегал? — отплевываясь, я протянул магнит еле живому великану.

Ослабевшие пальцы оплели толстую железную палку. Совершенно неуместная улыбка исказила и без того гротескное лицо. Поросячьи глазки радостно заблестели. Повернув жезл другим концом, верзила неловко ткнул его в свой разбитый и изорванный нагрудник.

Из-под обломков демшанского железа, словно стайка бабочек, взлетели несколько картинок и намертво присосались к верхушке магнита.

— Гы... Волшебный... — довольно заурчал он, разглядывая приклеенные на железные пуговицы картинки с каракулями.

Ночные башни, одинокие путники, таинственные капюшоны и тому подобные угольные рисунки. Крайне мрачные каракули.

— А я думал, ты за того мужика отомстить вздумал... Ну, с которым вы на площади народ дурили. — совершенно искренне сказал я, пялясь на умалишенного.

Все это время он за магнитом бегал? Я думал, его полоумный лепет подразумевал: «верни моего напарника» или что-то типа того... Черт, в итоге из нас двоих слабоумным оказался я.

— Братик... — качнув тонким лезвием, торчащим из его головы, прошептал громила, продолжая самозабвенно играть с магнитом.

Его туша напоминала накачанный водой мяч, в который долбанули картечью. Обломки клинков, топоров, ножей виднелись то тут, то там. Из многочисленных порезов и зияющих дыр неумолимо текла кровь, исчезая в щелях между деревянными досками. Кажется, еще чуть-чуть, и под сценой можно будет бассейн открывать.

То, что бородатый уже не жилец и местные коновалы бы поняли. И стоило ему ради этой несчастного магнита так подставляться? А нафиг я эту палку вообще подбирал? Далась она мне. Твою-то мать...

— Как-то тупо вышло... Ты уж извини, что до меня сразу не дошло. — подвел я итог нашему разговору,

ощущая как где-то на границе сознания вновь трещит забрызганная кровью рация.

Но здоровяк уже не слышал. Его счастливые мелкие глазки безжизненно таращились на толстый жезл, усеянный черно-белыми рисунками. Поглядев на окровавленную рукоять шпаги, я пожал плечами и одним движением вытащил оружие из головы покойника. Ему оно уже ни к чему. И к тому же, думается, я знаю хозяйку этой острой зубочистки. Кошунственно, но мне уже столько раз довелось глядеть на чужую смерть... Абстрагироваться. Нужно просто отрешиться. Каким бы циничным это ни было. Кукуха не казенная. По своим горевать некогда. По чужим и подавно.

Зажав шпагу подмышкой, я спустился с лестницы и тут же едва не напоролся на какую-то толстую красную железку, уткнувшись прямо в щеку.

— Но-но, простуженный! — послышался голос деда. — Пугалку убери, с моих он!

Дружинник задумчиво блеснул свежим порезом на брови, но рогатину так и не убрал.

— Древко в землю!!!

От решительной команды князя, бородатый едва не подпрыгнул. Послушно стукнув древком по камню, он отошел в сторону, безропотно уступая мне дорогу. Да, дисциплина у них на высоте.

У самых стропил, в окружении плотного строя дружинников, стояли дед и молодой князь. Вернее, стоял лишь князь, ибо дед едва ли не висел на усеянном наливающимися синяками да кровоподтеками громиле. Стоя на одной ноге, старик фамильярно держался за дружелюбно предоставленный локоть. Чего это они? Дед-то точно не из благородных. Откуда такое панибратство? Они знакомы, что ли?!

— Ай... Всю ногу кровушкой залил, бестолочь! — заворчал старик, вырывая свой протез из моей руки.

В ушах что-то истошно пищало, а цвета то и дело исчезали из поля зрения. Дед с князем о чем-то самозабвенно трепались. Впечатления от прошедшего «праздника», куча трупов, и оригинальные способы вздрючить стражу за произошедшую бойню, периодически соскакивали на какую-то малопонятную для посторонних фигню. Из их бесконечных «А помнишь?! Ну, тогда! Ну, помнишь?!» я сделал вывод, что хрыч каким-то боком водил личное знакомство с благородным бычарой когда тот был еще совсем сопливым.

Странно, в отряде он о подобном не распространялся. Или распространялся? А хрен его знает! Он постоянно какую-то чушь сочиняет, то про драконов, то про принцесс, то про деревья ходячие. Поди, там разбери, где правда, а где деменция.

Получив от одного из дружинников строгий наказ не покидать площадь и убедившись, что никто из северян не собирается меня арестовывать, пытаться или убивать, я отошел в сторону.

Тампон из набивки от стеганки получался такой себе, и кровь то и дело капала с пробитой ладони на усеянную телами площадь. Со стороны главной улицы уже показались стражники во главе с рыжим сотником. Выслушав много громогласных и не лестных речей от своего побитого «князюшки» северяне с простенькими копьями занялись ранеными.

Как, в общем-то, и я:

— Твое?

От блеска протянутой шпаги, блондинка, наконец, опомнилась и подняла стеклянные глаза от мертвого стражника. Сидя на коленях в окружении нескольких порубленных, истоптанных и исколотых тел, она не особо напоминала прежнюю заносчивую стерву. Изорванный камзол и свежие синяки придавали Фальшивке довольно жалкий вид.

Приняв свое оружие, она еле заметно кивнула.

— Ну и? — пожал я плечами, поглядывая на суетящихся вокруг стражников. — Как на празднике погуляла?

Ни Гены, ни Аллерии, ни малолетки. И куда подевались? С дедом же были.

— Восхитительно. — не поддержав шутки, ответила девчонка, не сводя глаз с покойника.

Понятно, на болтовню ее не тянет... Ну и ладно. Пойду лучше на той перевернутой лавке поваляюсь. А т такое чувство, будто вот-вот упаду.

Стоило мне сделать шаг, как девушка вдруг заговорила:

— У тебя когда-нибудь было такое, что давно заветная мечта, наконец, осуществилась, но во рту растекается лишь пепел горечи? — витиевато закончила она, глядя на свою руку.

Ее правая ладонь почему-то обильно кровоточила. Не так как у меня, но все же. И без того скользкая от моей крови рукоять шпаги, увлажнялась алыми каплями с ладошки девицы. Это мы типа, сестры по крови теперь? Или братья? Или...

— Ну и?

ТЬфу, отвлекся! Совсем голова ватная.

— Э-э-э... Ну... В детстве хотел стать военным. Ну, в перерывах между мечтами собаке, компьютеру и девчонке с соседней парты. Сиськи у нее рано начали ра...

— И? — судя по тону, Фальшивку мало волновали чьи-то сиськи.

А зря. Дойки там были — закачаешься! Жаль лишь, что ничего кроме доек не помню. Ни имени, ни школы, ни даже своих родителей. Хотя, у блондинки и своя грудь есть — нафига ей про чужую слуша...

— И-и-и?! — начиная заводиться, с напором протянула глава.

Ах, да, точно!

— И ничего. Стал я этим «военным». Лучше бы собакой стал, если честно. Короче, мечтать было куда приятнее.

По блеску в глазах, я понял, что это именно тот ответ, что девушка хотела услышать. Повисла пауза. Управляющая задумчиво жевала губу, глядя на труп старика, а я... погоди, это же «сержанта» труп! Мы же только вчера с ним виделись! Это же он помогал мне отмазать Лелика и Болека! Елки-палки...

Я уже хотел спросить, кто так раздраконил грудь несчастного мужика и почему из-под его кафтана торчит кусок ее рубашки, но меня прервал до боли знакомый голос.

— Руки прочь! Я представляю ее светлость, Жиннет Гилберте! Кому сказала?! Не смейте меня задерживать! Куда за грудь хватаешься?! А ну пусти, урод бородатый!

Метрах в тридцати, возле снесенной палатки с пивом, перекрашенная овца отважно противостояла охреневающим стражникам. А охреть было от чего — и так не самая низкая и хрупкая Аллерия, будучи наряженной в свои доспехи, не уступала во внушительности даже северянам.

Погоди, она сказала, Гилберте? Это типа, того барона зовут Робуте Гилберте? Серьезно?

Впрочем, про «светлости» на всю Ивановскую орать... Типичная блондинка. Ладно, теперь хоть понятно, куда она пропала. Переодевалась да марафет наводила. Надо бы ее уговорить, пока она мужиков не спровоцировала. Вон, как мечом на всю округу светит!

— Подожди! — донесся голос Фальшивки, едва я сделал пару шагов.

— Ну чего еще?

— Я так и не поняла... Какова твоя роль? Почему князь на тебя накинулся? На чьей ты был стороне?

— А были какие-то стороны? — совершенно искренне спросил я, все сильнее и сильнее теряя связь с реальностью.

Не знаю как остальные, а я просто пытался не огрести. Получилось не очень... Елки, еще немного и я в обморок грохнусь. Чтож за фигня-то? Может нож того полубороного отравленным был?

Глава уставилась на меня непонимающим взглядом. Я бы ответил тем же, ибо ни хрена не вдуплю, о чем она талдычит, но та крашенная овца сейчас поважнее.

Едва подойдя к паре стражников, уже направивших копыя на беснующуюся рыцаршу, я едва устоял на ногах.

— Живой!!! — груды железа, сисек и тупизны буквально смяли мою шею, не позволяя вздохнуть.

Нет, ну мне конечно приятно, когда за меня так переживают, но задушит же! Еще и мечом по локтю прошлась! И вообще, лучше бы в бою помогла. Меня там раз десять едва не прибили!

— Подожди... Что это у тебя? — рыцарша ткнула пальцем мне в стеганку, отчего мой бок вспыхнул огнем.

— Че творишь-то, ненормаль... Ну ни хрена себе!!! — я удивленно уставился на незнакомую железку, торчащую из стеганки.

Прямо промеж ребер застряла плетеная рукоять неизвестного кинжала.

Когда это меня пырнуть-то успели? И почему я ни фига не чувствую? Шок что ли? А, погоди... Кажется, когда тот слабоумный еще в первый раз втащил мне и я влетел в толпу бородачей у помоста, в боку что-то кольнуло. Точно! Тот полубородый как раз нечто из-за спины доставал!

Етить, я же на кинжал налетел!

— Подожди, не двигайся! — приказала Аллерия и, прежде чем я успел возразить, одним махом вынула застрявшую меж ребер рукоять.

Вернее, стилет. Знакомый стилет, кстати.

— Невероятно... — подивилась она, уставившись на острое лезвие длиной в вытянутую ладонь. — Как ты вообще выжил?!

Уставившись на весело зажурчавшую струю из своего тела, я понял, что никак. Походу, клинок пробил какие-то органы или артерии, и лишь тонкое тупое лезвие не позволяло истечь мне кровью. Пока эта дура его не вытащила.

С каждым ударом сердца, поток крови становился все темнее, темнее и темнее...

— Настоящая блондинка, блин... — сказал я, но так и не услышал звук своего голоса.

Глава 19: Дивный старый мир

Тускло переливаясь в лучах закатного солнца, многотонная башня танка уже не наводила былого ужаса. Погнутый ствол орудия безобидно вгрызся в бетонные обломки, пока остальная часть монструозной машины, искря катками об арматурины, тщетно пыталась выбраться из собственной могилы.

Или это лишь предсмертные конвульсии? Могут же у танка быть конвульсии?

Не, бред какой-то. Походу, опять контузию поймал, раз о такой фигне думаю.

Впрочем, сомнительно, что из экипажа кто-то выжил. В прожженный кумулятивом борт, как мне кажется, можно слона заголокать. Наверное, мертвое тело мехвода придавило рычаг, заставляя подбитую технику медленно вращать катками, невзирая на слетевшие траки. Ну, или что там за управление у этих иностранных коробок? Джойстик или руль?

Я вновь попытался откинуть с ног придавивший меня бетонный обломок. Нифига. Весит тонны две, не меньше...

Ну, зато теперь я знаю, почему танки избегают таранить здания. А то все гадал, чего это консерва в объезд многоквартирного дома поехала, а не тупо пробилась через подъезд. Так ведь и быстрее и внезапнее. Пробил всеми своими семьюдесятью тоннами бетонную плиту и — хоп! Иностранная делегация передает пламенный привет автоматизированным станциям помех! Бурные овации встречающих, слезы счастья на глазах делегатов и полсотни трупов несчастных срочников, у чьих командиров не хватило мозгов организовать периметр вокруг своей дислокации. Опять нам отдуваться придется... И, судя по количеству обожженных ошметков родного пикселя — в последний раз.

Чертовы рэбовцы! Ну не могут не обоссаться! Вечно нас под монастырь подвести норовят. Мы, между прочим, радиоэлектронная разведка, а не носовые платки, чтоб им соплю утирать!

Ладно, хоть подвал вырубил. Оказывается, танки именно из-за них здания не таранят. Пол их не выдерживает. Проваливается. Отчего дорогушая махина намертво застревает в руинах. Заклинивший башенный привод, слетевшие гусеницы да поломанный ствол — эта коробочка еще легко отделалась!

— Ну, или не очень... — натужно прохрипел я, упирая трубу одноразового гранатомета в навалившийся бетонный блок.

Опять ни хрена. Ни на миллиметр не сдвинуть. Черт, еще и ног совсем не чувствую. Походу все — отвоевался.

Я оглядел разрушенный недавней бомбардировкой квартал, но так и не нашел никого из своих. Походу, весь взвод положили.

Ну да, тут пара обугленных автоматов, там чей-то шлем валяется, а вон и тело «микрофонщика» прямо надо мной со второго этажа выглядывает. Судя по отсутствующей половине лица и исчезнувшей левой руке, рядовой уже никогда не поблагурует знанием португальского с английским. Да и про свои азиатские порно-мультики о сиськах и перерождениях больше никому не расскажет.

Блин, нехорошо как-то над своими же потешаться... Зачерствел, что ли? А хотя, как иначе-то. Уже третья военная кампания по счету и бог знает какой двухсотый в почетном списке взвода. Тут либо черствей, либо в дурку отправишься. А без юмора, пусть и трижды черного и тупого — в нашем деле никуда. Сердце на полку, а чувство вины в унитаз. После победы поплачем. Все вместе. Кто от счастья, кто от горя. И вообще, пошел этот микрофонщик в жопу! Капитан может его сколько угодно отмазывать, но я-то знаю, кто в тот дом с гражданскими гранату кинул...

Ладно, к черту. Надо выбираться, прежде чем иностранцы прочухают, что их танковый взвод вместе с сопровождением елдой накрылись.

Почувствовав подступающую боль, я вынул из пенала и проглотил еще одну таблетку кеторола. Промедол попривычнее, конечно, но и так сойдет. Ладно, отдохнули и хватит. Пора бы и делом заняться.

Отстегнув автоматный ремень, я, кое-как, метнул его в сторону. Мимо. Подтянул и метнул еще раз. Опять мимо... С пятой попытки, карабин наконец зацепился оторванный кусок камуфляжа.

— Говорил же дураку, под погоном ляжку не продевать... — скрежеща зубами от натуги, я подтянул к себе почерневшую от копоти конечность.

Запекшаяся кровь на пустом погоне, равно как и выглядывающие лоскуты мертвой плоти волновали меня куда меньше, закрепленной на оторванной руке рации.

— Прогресс, елки-палки... — порадовался я новенькой шестьдесят-восьмерке.

Вся в крови, один тумблер куда затерялся на дисплее с частотами ничего не разобрать, но...

— Хрипит, родная! — радостно воскликнул я, положив наушники на плечо.

Пальцы едва слушались, но частота РЭБовцев нашлась быстро. Белым шум. Ладно, резервная. Обратно шум Хрен с ним, давай общую. Вакуэйшн? Что еще за Вакуэйшн? С каких это пор басурмане на общей частоте сидят? И

куда это они эвакуируются? Город-то почти за ними, разве нет?

Пальцы снова застучали по клавишам, но в наушниках ничего не изменилось. Шум, хрип, чьи-то истеричные вопли, механический голос, монотонно ведущий обратный отсчет

Из-за коптящего угла здания, высекая искры на повороте, вдруг показалась рэбовская мотольга. Красуясь не свернутой антенной, словно парусом, гусеничный вездеход не сбавляя скорости, понесся по раздолбанной воронками дороге.

В противоположную от меня сторону.

Вот же задроты конченные! Нет, чтобы раненных поискать — за свои жопы трясутся! Ну ничего, я до них еще доберусь... Все под трибунал пойдут, ссыкуны очкастые! Элита доморощенная! Вечно задницы из своих кунгов показать бояться!

Вслед за первой мотольгой показалась вторая, третья, четвертая... За ними запыхала наша буханка с «арбалетами» и командирский «Тигр». В отличие от старого «Газика», новомодный «Тигр» не справился с управлением и, задорно кувыркаясь, улетел в кювет. Ни одна машина даже ход не сбавила. Будто не заметили.

— Ох, не к добру все это...

Нервно сглотнув, я потянулся в нагрудный карман за сигаретой. Буржуйский табак отыскался сразу, а вот зажигалка куда-то запропастилась. Тем временем на частотах происходило что-то страшное. Кто-то из иностранцев молился, кто-то из наших матерился, а кто-то разъяренно требовал вертолет.

Поиски зажигалки прервались истошным визгом. Все сигналы мгновенно оборвались, и из рации доносился лишь пронзительный хрип. Солнце, что уже склонилось за горизонтом, отчего-то поднялось обратно, освещая окрестности все усиливающимся светом.

Темно-синее небо приобрело неестественные бледно-белые оттенки. Многочисленные розовые облака испарились за секунду. Сильный подземный толчок обрушил пяток этажей напрямик на завалившийся танк. Сквозь резкий ветер, перерастающий в бурю прорывалась лишь истеричная статика из наушников.

Походу, все же отбегались. Все и разом. Как в нашем любимом анекдоте про рэбовцев — ребята решили повоевать, но полем боя стала их жопа...

Тени от разрушенных домов стремительно вытягивались, стремясь в мою сторону подобно щупальцам бесплотного кальмара, пока, в одно мгновения, они разом не испарились во сиянии бушующего пламени.

— Ну пизде... Стоп, что?! — только и выдохнул я, уставившись в красивое голубое небо.

Очень красивое, очень голубое, и совершенно незнакомое. Ни дыма, ни розовых облаков, да и солнце какое-то больно утреннее...

— Ух, е! — грудь что-то сильно обожгло, и я немедленно вскочил на ноги.

Под удивительно чистенькие берцы рухнула, какая незнакомая железка. Дымящаяся, бесформенная — будто толстый лом в плавильную печьку сунули.

Секунду, да это же автомат! Елки-палки, точно он! Вон, приклад весь почернел и тлеет!

— Что за фокусы... — покачав головой, я жадно затянулся табачным дымом и удивленно уставился на зажженную сигарету.

Не понял. Я же не успел прикурить, разве нет?

Истлевший бронжилет, кусок расплавившегося пластика вместо наушников, рация вообще хрен пойми где, от кобуры только лямки остались, а вместо штанов — изорванные лохмотья. Только китель и берцы не пострадали.

Дальше — больше.

Вместо руин вечернего южного города — утренний лес средней полосы. Вместо осени — цветущая весна. Вместо ангелов или чертей — поющие птички и насупленный еж, самозабвенно жрущий каких-то насекомых у поросшего мхом камня неподалеку.

Ни рай, ни ад, ни военкомат. Может я сбрендил? Ну, тронулся на почве посттравматического синдрома и не в весеннем лесу кукую, а дурке галоперидол с ложечки кушаю? Или это чистилище какое?

Очень надеюсь, что нет. Ибо если сейчас придет бог и спросит меня, зачем я загубил столько людей, то что я ему скажу? Что делал свою работу? Про присягу или политику расскажу? В устав ткну? Было бы забавно...

Промыкавшись по крошечной полянке с пару часов, я так и не дождался ни ангелов, ни демонов, ни даже санитаров. Только комарье познакомиться прилетело.

Странная какая-то фигня. Может то не взрыв был, а телепортация? Ну, как в кино? Инопланетяне похитили? Не, фигня какая-то. На кой ляд инопланетянам мог понадобится несчастный старлей? Пользы никакой, а для анального зондирования топ-модели и чиновники существуют. Первые симпатичные, а у вторых задницы большие.

Хотя, в тех мультиках, что микрофонщик врубал, нечто похожее было. Типа, идет какой-то студентик нарисованный, а его — бац! И маршрутка японская сбивает. А там фигак-фигак и малолетка какая-нибудь с бидонами вместо груди. Типа богиня азиатская. Ну и пошло поехало — супер-силы, темные властелины, кошкодевочки и порядочные да беспорядочные половые отношения со всеми разом. Из этого следует вопрос: а

моя-то богиня где? По почте затерялась или их выдают только тем, кто под машину попал? Типа, ядерный взрыв уже не считается? Или сисястые девицы у них только для японцев?

— Что за дискриминация, блин... И кстати, что за «они»?

Конечно, я не думал о всяких богинях или инопланетянах всерьез. Но без юмора никуда, а все эти неуместные размышления и всплывшие в памяти мультяшные кривляния кое-как помогли побороть подступающий приступ паники. Скинув с себя всякий хлам, типа расплавившейся зажигалки или истерзанного броника, я решил отправиться, куда глаза глядят.

В конце-концов, раз такая мистика творится, то может я здесь не один? Вдруг и микрофонщик где-то шарится? Правда, он минут на пять пораньше меня откинул, но... Блин, может это, правда инопланетяне похитили? Ну не может быть такого, что я и впрямь помер! Бред же полный. Скорее уж какие-нибудь эксперименты по телепортации или предсмертные галлюцинации.

А впрочем, про загробную жизнь не просто же так из поколения в поколение верят? Или все же, просто так? Ай, да какая разница?!

К исходу первого дня, в окружающем лесу не нашлось ни богов, ни инопланетян, ни даже скрытой камеры. Только какая-то мелкая лохматая коняшка странного фиолетового оттенка, заслышав мои шаги, испуганно ломанулась в ближайшие кусты.

Не считая одежды, из вещей у меня осталась только полусгоревшая пачка импортных сигарет пара охотничьих спичек из сухпайка да расплавленный автомат, который я таскал чисто по привычке. Пришлось ночевать не жрамши, не пивши но хоть с костром. Не то, чтобы я был не способен развести огонь с помощью палки и сплетенной из стеблей веревки, но... То в теории, а спичками как-то привычнее.

Первая ночь была самой хреновой. Нервно сжимая расплавленный автомат и вздрагивая от доносящихся шорохов, воя и клекота неизвестных ночных зверей я все подбрасывал хворост в и без того огромный костер.

Еще и луна эта чертова... Вроде обычная, но, по-моему, кратеры как-то не так расположены. Да и оттенок какой-то фиолетовый. Может атмосферная аномалия?

Второй день был похож на первый, за тем исключением, что искал я жратву, а не солдат. Правда, в итоге сам едва едой не стал.

Поплутав по лесу до полудня, я, наконец, заслышал прорывавшийся сквозь ветки шум. Расследование привело меня к широкой речке переходящей в пологий водопад. В бурном потоке пенящейся воды, меж острых камней задорно плескались крупные рыбы.

Не бог весть что, но попить да помыться можно. Благо вода оказалась на удивление чистой и вкусной. Долгожданное утоление жажды портило лишь собственное отражение. Бровей нет, волос тоже, а количество застарелых шрамов, кажется, только увеличилось. Но в остальном ни царапинки.

Поглядев на весело плавающую рыбу, я решил, что пора бы и перекусить. Удочки или сети у меня не было, зато была нога. Старый трюк — копаешь ямку у самой реки, прокапываешь каналчик между ямкой и рекой, и швыряешь в ловушку хлеб или червяка какого. А дальше только сидеть и ждать, пока какая-нибудь несчастная рыбешка приплывет полакомиться угощением. Как только заплывет в ямку, ставишь ногу в горлышко канала, дабы не сбежала, и достаешь несчастную голыми руками.

Наловив несколько совершенно незнакомых, но очень аппетитных рыбин, я едва ли не вприпрыжку ломанулся поближе к лесу, дабы поскорее развести костер и наконец-то пожрать.

Гастрономические эксперименты с загробной фауной были отложены в виду обнаружения инопланетного жилища. Ну, вернее шалаша. Обычный такой шалашик, с обычным кострищем, обычным шестом для копчения мяса и обычным жертвенным алтарем.

Я посмотрел достаточно голливудских фильмов, чтобы как следует обосраться, при виде хитросложенного стола из черепов и костей животных. Выложенные в причудливом узоре птичьи и звериные останки хоть и выглядели жутковато, но в пот меня бросило от вида пары человеческих черепов испещренных непонятными то ли рунами, то ли иероглифами. И, что самое хреновое, на одном из них все еще виднелись следы сравнительно свежей крови.

К несчастью, едва я развернулся, чтобы побыстрее свалить подальше, как встретился взглядом с петухом. Нет, серьезно! Натуральный петух! Ярро-красный гребень, мощные крылья, толстые когтистые лапы, бешеные глаза, полный клюв игольчатых зубов и два метра роста.

От его разъяренного клекота у меня заложило уши, а нутро заледенело. Пользуясь замешательством, гуманоидная птица ломанулась прямо ко мне, норовя вскрыть мою черепушку. Лишь несчастные рыбешки, хлестнувшие по пасти твари, остановили неизбежное. Пока петушара недоуменно выкашливал жабры и плавники из чересчур острых зубов, я успел, как следует зарядить берцем по короткой куриной лапе. Результатом стало мощное крыло, со всей дури хлестнувшее по лбу. Сообразив, что одними ногами с петухом не разобраться, я взялся за расплавленный автомат. Но толстые перья твари смягчили удар двухкилограммового лома и вместо победы, я

огреб когтистой лапой по и без того изорванным штанам.

Вспышка боли, и блеск собственной крови заставили меня вернуться к первоначальному плану — валить отсюда нахрен! Но увь, петух оказался тем еще спринтером. Нагнав меня у самого берега, он одним прыжком впечатал мою тушку в песок. Игольчатые зубы норовили вцепиться в плотку, пока когтистые лапы вгрызались в колени. Птица весила не меньше пары центнеров, и спихнуть ее с себя никак не удавалось. Уворачиваясь от хищной пасти, вырывая охапки перьев и даже кусаясь, я кувыркался с гигантским петухом по мягкому песку, покуда тот не сменился потоком кристально чистой воды.

Намочив перышки, птичка испуганно отпрянула, явно желая как можно быстрее оказаться снова на берегу, но хрен там! Сообразив, что уродец не просто так воды испугался, я ухватил инопланетного петуха за толстые крылья и оттащил куда поглубже. Благо, несмотря на высокий рост, у птички довольно короткие лапы и до дна она уже не доставала.

Честно говоря, я хотел утопить петушару, но многочисленные перья служили ему неплохим спасательным жилетом. Птица наотрез отказывалась погружаться, бултыхаясь, словно поплавков и попутно пытаясь откусить мне половину лица.

Отпрянув, я нечаянно упустил сопротивляющегося мутанта, позволив реке разобраться с ним самостоятельно. По мере того, как течение уносило пернатого дальше от меня и ближе к острым камням, разъяренный клекот все чаще срывался на нечеловеческий визг.

Выбравшись на берег и дойдя до водопада, я с удовлетворением отметил, что пузырящаяся пена внизу приобрела прозрачно-алые оттенки. Пернатый зад, красуясь парусом из пары безжизненных куриных лапок, продолжал свое отважное плавание по водам загробного мира.

Вид перевернутого вверх ногами петуха несколько приободрил пошатнувшийся боевой дух. Возвращаясь за потерянным автоматом и стискивая в кулаке подвернувшуюся палку, я ожидал, что из чащи на меня выскочит еще несколько двухметровых аборигенов, но все было тихо. Наконец сообразив, что в тесном шалаше больше одного петуха не поместится, а больше жилищ в округе не видать, я, наконец успокоился.

Понятия не имею, как тот пернатый разводил огонь. Может он огнем плюется — хрен его знает, но ни растопки, ни огнива так и не нашлось. Пришлось использовать последнюю спичку. Благо, бешеной птичке были не чужды блага цивилизации, и возле кострища покоилось несколько крупных глиняных горшочков, в которых я решил забачать уху. Предварительно помыв у реки, конечно. Мало ли что этот петух в них делал? Не зря же их в тюрьмах недолюбливают...

К сожалению, кроме черепов, горшочков, неизвестного мяса и ржавого ножа, в логове чудовища ничего интересного не нашлось. Впрочем, мне и его самого хватило. Здоровая тварь. Мышцастая такая. Одни когтистые лапищи чего стоят — все ноги изодрал, гад! И перья плотные, будто броня. Блин, если в загробной жизни все население такое, то Марианская впадина — всего лишь выбоина на дороге, по сравнению с той жопой, в которую я угодил.

Наварив горячей похлебки и быстренько все сожрав, я решил уйти как можно дальше от логова этой непонятной твари. Мало ли, может у него тут друзья неподалеку? Да и жутко оно, возле этого алтаря ночевать. Все эти черепа, кости, мясо непонятно чье...

Прихватив ржавый, но очень острый ножик да пару горшочков, я отправился вниз по реке.

На обязательных для контрактников курсах выживания, помимо пьянок, походов по бабам и покупке самогона у местных селян учат еще и выходить из экстремальных ситуаций.

Ну, типа, если ты вдруг выпал с вертолета и оказался где-то в незнакомом лесу, то просто найди речку покрупнее да топай вдоль нее. Мол, люди всю историю основывали поселения вдоль всяких рек. Ну, вода, рыба, транспорт и вот это все.

К счастью или к сожалению, но до вечера поселения я так и не нашел. Зато нашел новое приключение на свою уставшую задницу.

Решив, что пора бы организовывать убежище на ночь да разжигать костер, я неожиданно для себя обнаружил, что лес кончился. Впереди открывалась залитая закатными лучами полянка. По самому берегу реки, через какой-то примитивный и полуобвалившийся каменный мост протянулась узкая заросшая дорога.

Рассматривая плоды цивилизации, я не сразу заметил ее основы, которые сидели не дальше чем в десятке метров от меня. Больше десятка хмурых и небритых мужиков, что грелись у костра на самой опушке, удивленно уставились на меня. Их кольчуги, дубины, копыя, и топоры, переливаясь фиолетовыми оттенками в свете костра, не сулили ничего хорошего. Но они хотя бы были людьми, а не адскими демонами.

— Не было печали, так предки поднаسرائи. Эка страсть по лесам шарахается... Здрасте вам просраться, мил человек! — воскликнул сидящий на бревне высокий старик и ткнул в меня какой-то потертой деревяшкой. — Парень, ты дракона в десны жахал, али в печку заместо пирожков сигал? Чего такой подгоревший-то?

Остальные же, как бы невзначай, потянулись к своим примитивным дубинам да копыям. Из взбудораженных

перешептываний, я понял, что являюсь привидением, колдуном, бабайкой и заблудившимся сельским пьяницей в одном лице.

— Да тут на десяток лиг ни одного дома!

— Говорю же, призрак это! Того безголового покойника у дороги! Явился наказать нас, за то, что не похоронили!

— Так у этого же башка на месте! Волос только нет!

— Он же призрак! Ясен-красен, что на месте! Как привидение без башки-то жить будет?!

Забавно, но хоть они и говорили на совершенно незнакомом языке, я их прекрасно понимал. Может я и впрямь колдун?

Перепапку взбудораженных идиотов прервал резкий окрик. Сидящий рядом со стариком высокий парень в железном панцире, поднялся с бревна и ткнул в меня древком толстого копья:

— Честные люди ночами у чужих костров не разнохивают... Что задумал? Откудова явился?!

— Да так, товарища искал... Мужики, а вы тут петуха не видели? Большой такой — в речке купался? — спросил я первое пришедшее в голову.

Отчасти, для того чтобы убедиться, что и они меня понимают. А отчасти, чтобы зубы заговорить, да свалить по-быстрому. Уж больно рожи у них бандитские...

Глава 20: По уставу не положено

Мало какой солдат или офицер питает теплые чувства к наемникам. Если мы и наши коллеги с другой стороны фронта сражаемся за родину, идею, родной дом или пропаганду политиканов, то вольные стрелки пришли зарабатывать деньги на чужих смертях. И не так уж важно, на нашей они стороне или чужой. Разница лишь в том, что своим достаются презрительные взгляды, а чужим пуля в лоб без всяких разговоров.

Стоит ли удивляться, что я несколько охренел, когда узнал, что иду в одном строю с наемниками? Пусть и средневековыми.

Той ночью за общий костер они меня так и не пустили. Зажгли новый подальше от своего да велели до рассвета не показываться, если не хочу из арбалета схлопотать. Даже к дереву привязаться заставили, козлы.

По-моему, они всерьез сомневались, что я человек, а не какая-нибудь потусторонняя нечисть. Впрочем, поглядев поутру на мою искусанную комарами хмурую безбровую рожу, они все же успокоились и предложили довести меня до ближайшего города, в который сами и направлялись. Не бесплатно, конечно.

То, что они не заинтересовались рублями, долларами, парой оставшихся сигарет или ржавым ножиком — не стало сюрпризом. А вот охотно принятый автомат меня удивил. Он же сплавился совсем! С виду, просто железка какая-то. И патронов нет. А поди ж ты, взамен и штанишки заплатанные дали, и на котловое довольствие поставили.

Топая в конце колонны следом за повозкой запряженной флегматичным мохнатым быком, я все гадал о причинах, по которой полтора десятка суровых мужиков так обрадовались незнакомой железке. И только малолетний пацан, служащий в наемном отряде каким-то «шарпальщиком», подсказал: мол, продешевил ты, дядя. За такой кусок отличной стали можно не то что штаны, а самый настоящий меч выменять. Да не простой городской, а хороший, что в замке какого-нибудь лорда для гвардейцев ковался.

Лорда, блин... Вот уж попал так попал. То, что у них телевизоров не водится и так понятно, но к феодализму жизнь меня не готовила. А, пофиг. Не каменный век и на том спасибо.

К счастью, когда я начал расспрашивать пацаненка про эльфов и гоблинов, тот лишь уставился на меня как баран на новые ворота. Хоть что-то хорошее. Но, без грудастых эльфиек, конечно, немного грустно.

Путь до города, куда наемники доставляли какую-то небольшую посылку, пролегал довольно далеко от любых населенных пунктов. Окольными путями они доставляли груз из какого-то «Молочного холма», до «Мапры». У меня хватило мозгов не задавать лишние вопросы по поводу содержимого свертка. Уж больно капитан за него трясся, доверяя лишь одноногую пенсионеру. По-любому наркотики средневековые, к гадалке не ходи!

Телега то и дело застревала на заросших и давно не хоженных дорогах, а до конца путешествия оставалось не меньше недели. Никто из мужиков не порывался заводить со мной знакомство, и лишь болтовня пацаненка скрашивала унылые походные дни да пресную пшенку с луком из общего котла. Похоже, мальчика в отряде никто всерьез не воспринимал, а тут пара ушей нарисовалась, на которые присесть можно. А я и не возражал — надо же от кого-то о дивном новом мире узнавать?

Как выяснилось, я рано порадовался отсутствию гоблинов с эльфами, ибо драконы у них все же водятся. Драконы, какие-то сумпурни, бабайки, колдуны и прочая непонятная нечисть. И, судя по обрывкам разговоров мужиков, пацан вовсе не басни перечислял, а суровую реальность. Впрочем, мог бы и сам по тому петуху догадаться, что не все ладно в королевстве местном.

Хотя, королевства тоже не завезли. Вернее, завезли, но аж пять с половиной штук. Которое из них было половиной я так и не понял, ибо когда пацан заявил про Виридикс, то немедленно получил по уху от низкого копейщика. Вскоре копейщик и сам огреб, когда назначил на роль «половины» какой-то Эрон.

Глядя на то, как одноногий дед на пару с высоким капитаном разнимает начавшуюся свару, я понял, что феодальная раздробленность перестала быть для меня всего лишь малопонятным термином из школьного учебника.

Кстати, по поводу роста: местное мужичье оказалось на удивление щуплым. Не то чтобы прямо совсем, но ощутимо мельче моего. Примерно на голову. Только пенсионеру и командиру отряда не приходилось пялиться на меня снизу вверх. Дед был ниже всего на десяток сантиметров, а капитан даже повыше моего.

Секунду, а почему «даже»? Я вообще-то среднего роста. Хотя глядя на этих карликов легко позабыть, что в училище в середине строя стоял.

Эх, был бы со мной тот срочник... Со свинячьей фамилией... Кабанов, вроде? Громадный рыжий бугай. Метра два, не меньше! Вот бы аборигены охренели! Но, увы. Его, прямо из под моего носа, увел тот драный рэбовец. Редкий пьяница и матерщинник без грамма мозга! Окажись он на моем месте, и недели бы не протянул. Хотя, он вроде со всем своим взводом в Корею уплыл. Ну, или инопланетяне похитили — этих журналистов фиг поймешь...

На мой вопрос о столь сильных различиях в весовых категориях местных жителей, пацан недоуменно протянул:

— Дядька, ты какой-то совсем дурной... Вы ж северяне все такие!

О как, стало быть, я теперь северянин... Ну и ладно. Все равно эти придурки меня на смех подняли, когда на второй день, возле костра я попытался рассказать свою удивительную историю. Потом еще долго потешались, перевирая друг-другу мои истории про самолеты, танки и автоматы. Ладно, хоть делали это за спиной. Видимо, одного разбитого носа хватило, чтобы понять — в лицо на офицеров лучше не выпендриваться. Если они не рэбовцы, конечно.

Следуя вдоль петляющей реки, примерно на пятый день наша гоп-компания вошла в крайне мрачную и болотистую местность. И до заката так и успела ее преодолеть. Пришлось разбивать лагерь прямо посреди топей. Хорошо хоть комаров отчего-то не было.

Расположившись вокруг костра посреди гнилых деревьев и ужиная пшенной кашей вперемешку с тиной, капитан уже собирался назначить караульных и объявить отбой, как из-за толстого мертвого дуба явилась Она.

Мягко ступая по влажному мху изящными туфлями, отражая свет пламени стройными ногами и шурша легким пурпурным платьем, она без затей приблизилась к охреневшим наемникам. Ярко-зеленые глаза, копна идеально расчесанных роскошных рыжих волос... Посреди богом забытого, вонючего болота сногшибательная красotka смотрелась как новогодняя гирлянда на дорожном столбе.

Мелко дрожа, она прискорбно попросила присоединиться к костру, отчего обезумевшие без женской компании мужики, наперебой принялись уступать место молодой красавице. Дошло до мордобоя и еще немного и дело окончилось кровью, но вмешался капитан. Заткнув подчиненных и игнорируя их завистливые взгляды, он предложил женщине место возле себя и своего отца — того самого одного деда. Последний, видимо задолбавшись сидеть весь день на своем ишаке, мирно посапывал, прислонившись спиной к трухлявому пню.

Усевшись на предложенное место возле высокого северянина, женщина с благодарностью приняла миску с кашей и флягу неизвестно откуда взявшегося вина. Звонко смеясь над дебильными шутками и откровенно флиртуя с пускающим слюну мужичьем, за все время она так и не притронулась к угощениям.

Я хотел спросить у мальчишки, что за лажа тут происходит, но шарпальщик куда-то запропастился. Мои попытки расспросить барышню на предмет того, как такая женщина очутилась одна посреди болота и почему ее туфли блестят от чистоты, а в волосах нет тины, прервались, толком не начавшись. Что капитан, что наемники единогласно пообещали вырвать мне язык, если я еще раз посмею дерзить их госпоже.

Сама же «госпожа», лишь презрительно морщила накрашенные губки, стараясь не глядеть в мою сторону. Почему-то, когда взгляд ее красивых изумрудных глазок нечаянно падал на меня, миловидное личико искажалось в гримасе презрения и тошноты.

К полнолунию мужики все реже пытались острить и бороться за внимание дамы, ограничиваясь лишь преданными взглядами в сторону своей новоиспеченной госпожи. Только храп одного пенсионера да сумбурное бахвальство капитана все еще разносились поверх высокой болотной травы. Вскоре умолк и капитан, уставившись на костер широко открытыми глазами.

В отблеске потрескивающего пламени, из-за накренившегося ствола мертвого дерева, блеснуло что-то отвратительно черное. Толстый панцирь насекомого переливался в свете огня, пока многочисленные мерзкие тонкие лапки бесшумно тараторили по мокрой почве. И лишь тошнотворные жвала твари издавали едва слышимый треск, зазывая и подбадривая своих сородичей.

Из высокой травы и гнилых стволов на освещаемый костром островок посыпали гигантские черные пауки. Ну, как гигантские — размером с овчарку. С мерзкую такую, шестиглазую овчарку.

— Криси, Криси, малыш... — засюсюкал низкий копейщик, когда богопротивная тварь заползла к нему на колени. — Я знал, что она наврала, знал, что ты выжил... Иди к папе. Да, вот так... — мозолистые мужские руки нежно обвили мерзкое насекомое.

Баюкая тварь словно возлюбленного первенца, он не обратил никакого внимания на острые жвала блеснувшие во всполохе пламени. Мычащему колыбельную себе под нос мужчине, не было абсолютно никакого дела до острых клыков, утонувших в его горле.

Все больше и больше тварей приближалось к одурманенным наемникам, опутывая их многочисленными лапками и нетерпеливо щелкая жвалами.

Почему они не сопротивляются? Околдованы? А почему я нормально соображаю? Может это сон? Может, я все еще лежу под завалом, а все эти пауки всего-навсего галлюцинация умирающего сознания? А может и тот танк мне причудился? Может он просто плод воображения? Олицетворение тоски по прошлому, тяжести совершенных ошибок и неверия, что все закончится хорошо? Может зря я тогда огонь открыл? Может, то и впрямь беженцы были? Может, я все это заслужил...

— Так, а ну-ка отставить! — вспыхнул я, уставившись в яркие зеленые глаза.

Миловидное личико исказилось в смеси ужаса и отвращения. Какой бы потусторонней фигней эта дрянь не занималась, но на меня она явно не сработала!

— Я тебе сейчас покажу, как лейтенантам мозги пудрить! Шаболда болотная!

Не знаю, что за телепатия такая, но все эти философствования из меня еще в первую военную командировку выбили! По уставу не положено офицерам в головы лазить!

Накатившая волна паники уступила гневу. Отбросив брезгливость, и схватив подбирающегося к моим коленям паука, я с хрустом вырвал его жвало и воткнул твари прямо в глаз. Протяжно визжа, насекомое отскочило назад и, напорвшись на костер, вспыхнуло, словно облитый напалмом факел.

Остальные пауки, как по команде, прервались от своих жертв, и от десятка разъяренно щелкающих жвал у меня закололо в висках. Поблизости не было ни пистолета, ни меча, ни даже палки. Зато был костер! Подскочив к излишне красивой женщине, я рывком ухватил ее за мягкие волосы и не обращая внимания на впивающихся в ноги пауков, потащил к костру.

Истошно вопя, брыкаясь и кусаясь, она кляла меня почему зря. Слова: «тварь», «мерзость», «гадость» и «исчезни» чередовались с обещаниями золотых гор, сладострастных ночей и неведомых сил, которыми она одарит меня, если я ее отпущу.

Но хрен там плавал!

Сбрасывая с себя наседающих насекомых и не обращая внимания на бесчисленные укусы, я, наконец, дотащил девушку до огня. Кожа на моем кулаке запузырилась, когда ярко-красная шевелюра вспыхнула зеленым пламенем. Пронзительный вопль объятый пламенем женщины, казалось, раздавался из самой земли. Под напором огня, с ее лица комьями сходила кожа и, касаясь жарких углей, мгновенно превращалась в густой изумрудный пар.

Пауки обезумели и, опутывая меня тонкими лапками, остервенело вгрызались в плоть.

В момент, когда я почти решил, что настал мой конец, раздался громогласный крик пенсионера:

— Ведьма!!! Етить-колотить! Ведьма, мужики!!! А ну подъем, раззявы! В огонь эту тварь, в огонь!

Опустившееся на остров сонное царство взорвалось испуганными воплями и скрежетом извлекаемой стали.

Вгрызшиеся в мою спину и ноги пауки начали один за другим падать на землю под протяжное уханье стариковского протеза. Наконец отпустив обмякшую ведьму, я поймал кинутый капитаном топор и присоединился к сеансу дезинфекции болот от насекомых. Мерзкие твари, почуяв неладное, бросались врассыпную, но зазубренные наконечники и неказистые клинки не давали им и шанса. Обезумев от страха и ненависти, наемники расправлялись с одним пауком за другим, будто пытаясь искупить вину за недавнюю слабость.

Спустя минуту все было кончено.

На островок, усеянный разрубленными и пронзенными тушками насекомых, вновь опустилась гнетущая тишина, прерываемая лишь напряженным сопением десятка напуганных до усрачки мужиков. Морщась от боли и стараясь не глядеть на зияющие рваными дырами штаны, я обернулся на неподвижного копейщика.

На бледно-белом лице низкого мужчины застыла счастливая улыбка. В безжизненных глазах отражались зеленоватые всполохи костра. Только изящные туфли на догорающем скелете, напоминали о былом изяществе ночной гостьи.

С восходом солнца нервное напряжение на лицах мужиков уступило место обычной усталости. В утренних лучах, мертвые деревья и густая болотная трава больше не навели былой ужас. И лишь куски свежесжаренной земли да сложенная из камня пирамидка у потухшего костра, напоминали о случившемся.

Вопреки моим ожиданиям и бессонной ночи, наемники похоронили своих павших товарищей. Не было громких речей или душещипательных откровений. Пара загорелых мужчин упомянула какой-то «свет Бриолуса», что коснется павших, а одноногий пенсионер пожелал им поскорее воссоединиться с предками. Капитан только тихо пообещал, что найдет способ передать заработанную долю погибших их семьям, если они у них были.

И теперь, в братской могиле покоились копейщик, плохо знакомый мне арбалетчик и мальчишка шарпальщик. Обескровленное лицо пацаненка нашлось с первыми лучами восходящего солнца. Блестя мертвыми глазами, он лежал возле повозки, пока мохнатый бык вместе с ишаком флегматично щипали траву у его холодных рук. Похоже, отлучившись напоить животных, мальчишка первым повстречался с ведьмой.

Ведьма, блин... Всякой херни я навидался — обдолбанные наркотой фанатики, продолжавшие наступать на пулеметы даже когда им полбашки снесешь, отбитые на голову садисты, устраивающие в подвалах пыточные музеи, насильники, террористы, про людоедов даже слышал, — но ведьма?! Настоящая?! Нет, это что-то совсем за гранью.

Я привык находить плохое в людях, но встретить истинное зло в его первоначальном виде? Как в сказках или народных баснях? Ох, надеюсь, хоть демонов в их примитивном мирке не водится...

Поддавшись всеобщему энтузиазму свалить с болот поскорее и помогая вернуть на место смещенную ось повозки, я вдруг ощутил чью-то тяжелую ладонь на плече. Скомандовав подчиненным запрягать карликового рогача в телегу, капитан протянул мне пожелтевший лист бумаги:

— Контракт. — пояснил он. — Сроком на три месяца.

— Э-не, спасибо. У меня уже есть контракт и...

— С каждой выплаты нанимателя треть идет на содержание отряда... — проигнорировав мой отказ, продолжил высокий северянин. — Ремонт, фураж, провиант, иные расходы. Из оставшихся, пять долей беру я. Три достается отцу. Остальным по одной. Твоя ставка — три доли.

Не понял...

— С чего это такая щедрость?

— Место сержанта освободилось. — поглядев как я задумчиво разминаю бумагу в руках, капитан чуть улыбнулся. — Не тушуйся, просто крестик внизу поставь. У нас почти все неграмотные.

— Да я-то грамотный, но в наемники как-то не стремлюсь...

— Не спеши. — прервал он мой отказ. — До Мапры еще пара дней пути... На месте разберемся. Ты главное не спеши. Пообщайся с бойцами, с отцом. Приглядиись к отряду. Я отлично разбираюсь в людях и можешь мне поверить, ты был рожден для этой работы.

Глядя в спину двинувшему в начало колонны капитану я никак не мог понять, это комплимент или оскорбление? То, что после случая с ведьмой мужики меня резко зауважали, конечно, приятно, но в наемники соваться, пусть и средневековые... А впрочем, эти-то вроде нормальные. Наркоту не кушают, своих не бросают да и слово держат. Могли же легко отнять у меня железку и бросить у того леса. А то и вовсе убить...

— Ладно, что там понаписано-то хоть? — я уставился на лист, испещренный незнакомыми закорючками.

То ли иероглифы, то ли руны... Мда, мое мистическое знание местного языка на письменность не распространяется. Отличная новость. Просто супер. Такое чувство, что на их фэнтезийном принтере шрифт полетел.

Ну, зато теперь я знаю, что первым делом нужно будет какой-нибудь дневник или журнал завести, дабы этим чертовым закорючкам выучится. А пока, походу, придется и правда крестиком обходиться...

Потрескавшаяся бумага переполнялась заплывшими от влаги символами. Буквы и цифры часто сливались воедино, но опытный глаз пусть и с трудом, но различал начертанное. К счастью, с каждой новой страницей, символы становились отчетливей, а количество ошибок уменьшалось...

Невероятно, восхитительно, ужасающе прекрасно!

Так вот с чего все началось! Вот отчего все пошло не по плану! Из-за безымянного наемного отряда!

Он готов был поклясться, что в посылке, которую нес вольный капитан, находилось нечто архиважное... Что-то, что никак не должно было достигнуть адресата.

Мапра и Молочный холм — что же в них общего?

Еще раз пробежавшись по первым страницам, он оценил бумагу. Спасибо отцу, что отлично выучил его датировать находки. Да, дневнику, пожалуй, два года, не больше.

Два года? Турнир! Два года назад в Мапре, вновь заселенной после Визжащего шторма, проводился турнир! Конечно же! Как он мог сразу не догадаться?! Защитница ее светлости, герцогини Гилберте, просто не могла не представлять сюзерена на таком событии!

Похоже, барон не такой растяпа, как полагалось. Его замысел пал крахом вовсе не из-за собственной безалаберности, а из-за вмешательства извне. Тот бесконечно преданный покойному герцогу стюард, все же смог найти способ предупредить чемпионку наследницы о готовящейся помолвке. За ночь до своей скоропостижной смерти, он нанял наемников!

И болота! Из-за ведьмы на болотах никто об этом не знал! Отряд не должен был добраться до турнира! Если бы не хозяин дневника, наемники попросту сгнули в небытие, а бойкая юная рыцарша не получила бы письмо, не пережила турнир и свадьба не оказалась сорвана.

И, тем более, спустя два года некому было выкрадывать наследницу из ее покоев! Все пошло крахом из-за ненужного человека, в неуместном месте в неподходящее время...

— Простите что отвлекаю, но... Неужели так интересно? То есть, вы довольно долго изучаете эту... «Книгу». А я немножко тороплюсь... — заискивающая улыбка больно резанула по вспыхнувшему озарению.

Беспардонно облакачиваясь на полированный прилавок, престолицый посетитель кивнул на разбросанный перед ним скарб:

— Ну, так что, за сколько возьмете «Записки сумасшедшего»? Или вас интересует чешуйка дракона? А может, например, настоящее молоко единорога? — мужчина бодро тыкал грязным пальцем в никому не нужный хлам, придавая ему все более заковыристые названия.

— Это не молоко, а клей. Вероятно, костный. Предположу, говяжьую кость. А это, осмелюсь заметить, не чешуйка, а панцирь насекомого. Вероятно, императорского краба.

Нервно сглотив, посетитель облизнул губы:

— Ну а за книжку? Сколько дадите за книжку?

— Достойную цену, прошу не сомневаться. Но сперва дозвольте полюбопытствовать, а как именно вы ее нашли?

Ряженный в дырявый балахон и пропахший потом мужчина попытался выкрутиться и соврать, будто он и есть хозяин дневника, но быстро сдался:

— Где-то... С луну? Да, с полную луну назад. С месяц, в общем. Мы с братом и сестрой путешествовали и вдруг наткнулись на кучу тел на одной из троп. Ну, поймите правильно, мы не мародерствовали, но все те мужчины уже были мертвы а...

— То есть, сочинитель сего труда уже мертв? — к собственному стыду, антиквар заметил, что его голос предательски дрогнул.

— А кто его знает... Книжонка в мешке у кустов валялась. Ну, вдали от общей свары. Если бы брату до ветру не приспичило то...

— Более диковинок в мешке не сыскалось?

Сверкая краснеющими щеками, посетитель покачал головой.

Досадно...

— Так сколько...

— Две люрии.

— Сколько?! — невежда подпрыгнул, будто в него молния ударила. — За эту дуристику?! Правда?! Не шутите?!

Проклятье... Сколько раз нужно повторять, сперва мысль, затем слово! Даже этот бездарь может что-то заподозрить, если предложить слишком хорошую цену.

— Слушайте, а вот это вы не купите? — тщедушный простак вынул из кармана скромный кристалл. — С виду барахло, знаю, но с какого-то овса, в некоторых местах он начинает светиться! Точно волшебный!

Поверхностный осмотр кристаллика не дал результатов. Простой обломок пещерного сталагмита или нечто в этом роде.

— С прискорбием должен признать, что моя компетенция слишком скромна, для занятий геологическими или магическими диковинками.

Примитивное лицо посетителя вытянулось в недоумении, но спустя мгновение, тень понимания все же промелькнула в глупых глазках.

— Ну... Попробовать стоило. — небрежно закидывая хлам с прилавка обратно в линялый мешок, он нервно облизнул губы. — Кажется, вы упоминали о двух золотых за книженцию?

В ответ на уверенный и вежливый кивок посетитель вновь продемонстрировал свои плебейские манеры. Бесцеремонно почесывая гладко выбритый подбородок с едва заметными кусками овечьей шерсти на щеках, он принялся изображать задумчивость и нерешительность, в надежде набить цену.

Борясь с поступающим гневом, хозяин со всей возможной учтивостью, присущей его статусу почетного горожанина, предложил двадцать серебрянных монет сверху.

— Э-эх! Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Ладно, беру все розами и по рукам!

Жадный блеск хитрых глаз сменился недоумением, когда на прилавок лег красиво заполненный бланк.

— Это еще чего?

— Вексель на предьявителя. Обратившись с ним в местную гильдию авантюристов, вы непременно получите свои две сотни серебрянных роз. По девяносто за люрии и двадцать сверху.

— Э-э-э... А может лучше монетами? Я с этими векселями как-то не очень...

— Как вам будет угодно. Однако придется обождать до завтра, прежде чем я обналичу требуемую сумму.

— Э-не! Деньги сегодня нужны! Завтра же праздник, а нам на нем выступать. Ай, ладно, авось до закрытия успею!

— Если поторопитесь, непременно успеете.

— Да уж, лучше бы успеть, иначе сестра мне всю плешь проест! Благодарю за сделку, приятно иметь с вами дело и все такое...

Веселый звон колокольчика и стук двери оставил хозяина наедине с бесценной рукописью. Какие тайны сокрыты на этих страницах? Сколько еще неизвестно таится промеж склеившихся меж собой листов? Досадно, но как бы ни был велик соблазн, погрузится в изучение драгоценного дневника немедленно, сперва необходимо разобраться с делами насущными.

Пусть и глупый, пусть и недалекий, но на свое горе посетитель успел ознакомиться с содержанием «дуристики». И было бы крайне глупо оставлять это без внимания. К счастью, у реставратора и дурнопахнущего козопаса есть кое-что общее.

У них обоих есть сестра.

Глава 21: Лавандовая дымка над водопадом сознания

Городская площадь, по обыкновению бьющая ключом, ныне напоминала замковую кладовую после возвращения лорда из похода. Ни торговых прилавков, ни горожан, ни глашатая — даже у фонтана ни одного водоноса не нашлось.

Только десяток утрюмых стражников разбирали то, что осталось от праздничного убранства. Поредевший парад столов, лавок, навесов, равно как и сцена, красовался вырванными досками и следами топоров. Гонимые ветром по мощеному камню бесчисленные щепки словно служили немым напоминанием о грядущей зиме. Холодные ночи, дорожающие дрова, редкие ночные патрули...

О судьбе праздничных нагромождений бочек с выпивкой да корзин с едой и спрашивать не стоит.

Пройдя через площадь и миновав еще пару кварталов, Аллерия остановилась возле валяющегося у дороги крупного каменного обломка, по форме напоминавшего кусок фонтана.

— Были же времена... — едва слышно протянула она, невольно залюбовавшись расположившимся впереди памятником имперской архитектуры.

Резные колонны, плитка из белого мрамора, золотящийся осенний сад и цветные витражи впечатляли своей монументальностью даже под хмурым осенним небом. Лишь решетки на окнах да новенькая неказистая дверь портили наследие имперских времен, что в насмешку было превращена дикими захватчиками в роскошный бордель. А впрочем, нет, не только решетки...

— Етить, и впрямь доспех напялила! Твою налево, опять вечернюю чарку проиграл! — сплюнул стоящий у входа бородатый дружинник, недоверчиво оглядывая высокую воительницу.

Запахнув темный балахон поплотнее, дабы не блестеть броней на всю округу, она громко потребовала прохода. Народная молва переоценила необучаемость снеговиков и, после протяжных вздохов, караульные убрали рогатины, позволяя приблизиться к двери.

По-видимому, на этот раз до северян, наконец, дошло, что Аллерия является чемпионом ее светлости леди Жиннет, и имеет право вступать в княжескую резиденцию, когда пожелает. И ей вовсе не нужно демонстрировать княжескую печать! Тем более, что в порыве гнева она ее сожгла, а другой у князя не нашлось...

— То-то же! — самодовольно кивнула девушка, обрадовавшись, что ей не пришлось громогласно объявлять о своих полномочиях на всю округу в шестой раз за три дня.

Насладившись физиономиями невоспитанных варваров, чьи недоверчивые переглядывания, четко свидетельствовали как им неловко в обществе истинного рыцаря, девушка зашла внутрь.

— Я же говорил, в усмерть простуженная! Та сиреневая малявка и рядом не валялась... А теперь, гони монету! — донесся голос второго дружинника с улицы.

Обойдя внушительную воронку в полу и даже ни разу не запнувшись, Аллерия наткнулась на насмешливые взгляды дежурящей в холле тройки северян.

— Кто таков?! А, это ты... — тут же расслабился дружинник, кладя на стол короткий меч и вновь подбирая кости со стола. — Эх, жалко припозднилась! Мы с мужиками тебе товарку нашли! Такая же студенная, но помельче шибко и волосы пурпуром мажет. Вы бы скорешились, как пить дать.

— Свои недостойные пари оставьте при себе. Аптекарь еще здесь?

— Сказано же, ушла она! Про леди-миледи твою сказали, та она лишь отмахнулась. Мол, здорова княгиня твоя. Ладно, иди-иди! Не отвлекай! — отмахнулся другой бородач и, уставившись на свои кости, нервно облизнул губы.

— Что значит «отмахнулась»?! Кто посмел отмахнуться от ее светлости?! Да как вы допустили?! Кто эта неучтивая дрань?! И где аптекарь?!

— Чтоб тебя... Сказано же, заболел твой аптекарь! Помощница его захаживала. Все чин по чину, печать, расписку предъявила... Зашла, посуетилась у кукушонка, повязки там и все такое...

— Не припоминаю, чтобы у гильдейского аптекаря водился помощник! Тем более настолько наглый!

— Да бесова сила, женщина, ну свали ты уже по-хорошему! Весь фарт гробишь! Дуй давай к своей леди-миледи, не мешай службу нести... — заворчал проигравший дружинник нехотя доставая из-за нагрудника тугой кошель. — От одной простуженной отделаешься, так другая нарисуетя... Чтож за день-то, а?!

Наградив северян презрительным взглядом, на что они ответили тем же, Аллерия уверенным шагом двинулась по коридору. Излишне наглой аптекаршей она займется завтра.

Наполнявшие княжескую резиденцию хмурые лица и усиленная охрана нисколько не шли особняку на пользу. На стенах виднелись выцветшие алые разводы, в коврах хрустела каменная крошка, а огромная дыра в потолке у входной двери заставляла задаться вопросом «как?», а главное — «зачем?».

Однако, она излишне поспешна в своих суждениях. Какими бы дикарями северяне не были, но за четыре

неполных дня подобную разруху навести не способны. Вероятно, в половине окружающего бардака был повинен монстр, павший от руки наемника с неделю назад.

Мысли о Себастьяне участили хруст битого мрамора под подошвами обитых заклепками сапог.

В широком зале с лестницей, ведущей на второй этаж и заколоченной дверью в подвал, она повстречала свою госпожу в компании юного бастарда. Расположившись за столиком у одного из окон, благородная леди с присущей ей энергичностью демонстрировала некие книжные иллюстрации скучающему парню.

Завидев рыцаря, Геннаро немедленно подскочил с кресла и замер в почтительном поклоне:

— Для нас честь лицезреть вашу блистательность, миледи... — сияя синяком на пол-лица, заулыбался он.

— «Нас»? Уж не госпожу ли ты подразумеваешь?! — вспыхнула девушка и тут же обругала себя за недалёковидность.

Расплывшись в очаровательной улыбке, юнец заговорил томным голосом:

— Отнюдь никак не о ее светлости дерзнул я помянуть, а лишь о своем измлевшем сердце, моей трепещущей душе и моим глазам, ослепленным вашей неподражаемой красотой!

Вспыхнувшее раздражение Аллерии, затихло в отблеске объемного синяка на лице красноречивого мальчишки.

Первый же день, проведенный в резиденции князя, едва не закончился смертоубийством. Геннаро, преисполнившись храбростью, вступился за честь рыцаря, в ответ на насмешки дружинников про «овцу в доспехах» и «южного содомита». К сожалению, силы были слишком неравны и одного северного кулака хватило, чтобы потушить пламя справедливости. И если бы не кожаная плетка герцогини, меч Аллерии и команда князя — одним синяком несчастный не отделался. Отморозки очень не любят, когда им возвращают должки и называют в ответ бородатыми мужелюбами... По словам оскорбленного дружинника «за такие шутки у них в Калинпосте убивают, нахрен».

Чувствуя себя обязанной за тот случай, Аллерия решила проигнорировать вызывающее поведение мальчишки:

— Ты слишком добр. — отделалась она дежурной фразой и обратилась к госпоже. — Миледи, если будет позволено, я взяла на себя смелость прикупить для вас некоторые лекарства. Рыбий жир, ромашковый настой и джем из шиповника...

— А я уже выздоровела! И мы как раз собирались поглядеть на рисунки человечков в библиотеке... Пока ты не пришла! — холодно бросила светловолосая Жиннет и недовольно поджала губы, уставившись на молодого авантюриста.

С появлением Аллерии, тот напрочь позабыл про юную госпожу, не замечая ее недовольства. Не помогало даже надетое на юную девушку роскошное платье, найденное в закромах резиденции.

— Миледи, не позволите ли составить вам компанию? — улыбнулся «оруженосец» — Я ведь верно понимаю, что вы намереваетесь посетить покои сира?

— Да... То есть, нет. То есть, я действительно собираюсь проведать Себастьяна, но тебе не стоит утруждаться. Я сама как-нибудь. Одна. — немного подумав, она снова добавила. — Без компании.

В прошлый раз, по своей наивности, она согласилась на его общество, что привело к целому часу высокопарных комплиментов и томных взглядов. Флирт фиктивного оруженосца заставил ее всерьез заскучать по грубому тону наемника и помянуть добрым словом оскорбительные эпитеты про «овцу» и «блондинку». Проклятье, да еще чуть-чуть и она бы просочилась сквозь решетку и выпрыгнула в окно, лишь бы не слушать все эти слащавые комплименты!

Пресекая любые возражения, Аллерия порекомендовала бастарду составить компанию повелительнице Молочного холма в ее книжном вояже. Сир Аарон и так три шкуры спустит за проживание герцогини в блудном доме и гарнизоне отморозков. Общество выроodka сущий пустяк по сравнению с этим.

Однако кровь Клеберов проявился себя и здесь. Парнишка начал выкручиваться:

— Но миледи выздоровела и навряд ли персоне ее ранга подобает тратить время на бастар...

— А вот и нет! Я больна! И мне нужна ваша помощь, чтобы добраться до книжного зала! — передумала герцогиня, пару раз кашлянув для убедительности.

Глаза бастарда вспыхнули досадой, но нужно отдать его семье должное — они хорошо вышколили парня, научив его не перечить титулованным особам.

— Если ее светлости так будет угодно... — смиренно поклонился он, когда девичья ладонь требовательно ухватила его за рукав.

Аллерия бы начала беспокоиться об излишней привязанности своей госпожи к едва знакомому бастарду, если бы не горестной вздох, вырвавшийся из груди парня — компании ее светлости он желал еще меньше чем книг. И никакие непристойные рисунки этого не исправят.

Аллерия могла понять, почему смазливый юнец так увлекся спасшей его воительницей. Именно она подняла его с земли, не давая обезумевшей толпе затоптать несчастного. Именно ее кулак свернул челюсть тому

коротышке, что на лету врезался в парня, сшибая его с ног. Именно благодаря ней, острый кинжал не достал шею Геннаро. Да, она могла понять, почему юный отпрыск Виридикса воспылил страстью к своей отважной защитнице. Тем более, что Аллерия молода, красива, весьма обаятельна и, что важнее не лишена таких женских благодетелей, как скромность и терпеливость. Еще как не лишена!

Но понимание причин никак не помогает выносить последствия. И ему стоит оставить приторные ухаживания при себе, иначе никакое патронство со стороны Себастьяна не уберезет парня от праведного гнева Чемпиона ее светлости.

Проводив взглядом свою госпожу, скрывшуюся в коридоре вместе с расстроенным юнцом, Аллерия решила, что сюзерен достаточно здорова, раз находит силы для ревности. Пожалуй, лекарства могут и подождать.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, она прошла по короткому коридору и вошла в главный зал. Монструозная, украшенная обломанными трубами дыра в полу, опрокинутые пыльные столы и целая прорва бородатых мужчин. Вопреки обыкновению, они не рассредоточились по залу, играя в кости, обедая, выпивая или мирно сопя на стульях — напротив, десяток дружинников сгруппировавшись у сцены, с интересом слушали спонтанное выступление одноногого старика:

— Лысый весь, штаны в клочья, одежда такая в квадратный горошек... Подходит и говорит: Мужики, вы петуха не видели?! В реке потерял!

От взрыва басовитого хохота рассказчик шутливо поклонился и, приложившись к серебряному кубку, продолжил рассказывать какую-то историю.

К счастью, он был слишком увлечен аудиторией, чтобы заметить проشمывавшую мимо Аллерию. Иначе бы она точно не сдержалась.

Проклятый старик... Поначалу, она восприняла его как отца Себастьяна, однако, по словам одноногого: никакого родства между ними нет, быть не может и вообще — его покойный сын был раза в два раза симпатичнее, выше и никогда не бил пожилого героя плеткой.

Девушка едва успела познакомиться со стариком, но уже начала испытывать к нему симпатию. Он напоминал ей странную помесь покойного стюарда и оружейного мастера. От первого в нем присутствовал пронзительный взгляд мудрых глаз, а от второго — тяга к женщинам, выпивке и сквернословью.

Только в праздничный день Аллерия поняла, почему наемник был так суров со стариком — тот оказался настоящим мерзавцем! Открыв ему о благородном происхождении девочки, рыцарь и представить не могла, что северянин обо всем разболтает князю!

Под предлогом «гостеприимства», знаменитый своей жестокостью «Разоритель» немедленно заключил Жиннет под арест в резиденции. «Для ее же блага» и «ты совсем дурная ее по блудильням таскать?!» звучали так же лживо, как и обещания передать миледи сиру Аарону, едва тот вернется в Перекрестный замок из Живанплаца.

Но следует отдать дикарям должное — с госпожой они обходились не в пример лучше ее родного дяди. Позволяли свободно передвигаться по резиденции, исполняли любые пожелания и даже не сквернословили в ее присутствии. Аллерия же, будучи чемпионом герцогини, была единственной, кто мог свободно входить и выходить из особняка. За исключением старого аптекаря, посещавшим комнату наемника утром и вечером.

Миновав зал и пройдя мимо кабинета покойного хозяина салона, из которого доносился княжеский голос, распекавший какого-то сотника, Аллерия оказалась у искомой двери.

В залитой полуденным светом комнате вместо забористого духа винного уксуса и разномастных припарок, в воздухе витал едва уловимый аромат лаванды.

Наемник, как и прежде, лежал на большой кровати у окна. Широкая грудь мерно вздымалась, демонстрируя свежие повязки, многочисленные шрамы и развитую мускулатуру. Ощувив, как щеки заливаются краской, девушка неловко натянула сползшее одеяло и, сняв ножны, заняла место в кресле. Третий день он лежал без сознания. Третий день она проводила в его комнате свободные минуты.

Пожилой аптекарь, предоставленный главой местной гильдии, сделал все, что было в его силах. Остановил кровотечение, извлек обломки клинка, застрявшие промеж ребер, обработал раны. По его словам, любой другой уже три раза бы издох. Но Себастьян не был бы собой, не прояви свое упрямство и здесь. Вопреки неутешительным прогнозам аптекаря и мерзким мазям, которыми обмазывал его раны одноногий старик, он остался жив.

И с каждым новым днем, цвет его лица становился все румянее, а из горла то и дело доносились приглушенные хрипы да едва различимые слова на незнакомом Аллерии языке.

Былое беспокойство о его жизни уступило место успокаивающему уюту этой комнаты. Спокойное мужское дыхание, странный зеленый френч с незнакомым трехцветным гербом и тишина. Почему-то только здесь она ощущала уверенность за себя и герцогиню. Только здесь, вдыхая запахи лекарств, украдкой считая мужские шрамы и гадая об их происхождении, она чувствовала себя уютно. Впервые за долгие годы.

— Знаешь, а тебе идет... Ну, с щетиной. — обратилась Аллерия к мужчине. — Мне никогда бороды не нравились, но если немного... Выглядит мило. — тихо заключила она.

Засмутившись, девушка быстро переключила тему разговора на общие темы. Про напуганных горожан, про запрет князя покидать дома после заката, про склянку меда с дегтем, что она купила дабы, наконец, смыть уже ненужную краску с волос.

Забавно, но она не находила ничего странного в этих беседах. Напротив, разговаривать с лежащим без сознания Себастьяном было куда проще. Во всяком случае, в этом состоянии он не обзывал ее овцой, не потешался над рыцарскими обетами и не глядел на нее глазами полными глубокой и необъяснимой грусти, так напоминавшими ей о господине.

Такие же глаза были у старого герцога. У опытного, статного мужчины, прожившего долгую жизнь. Кто-то сказал бы, что лорд Гилберте не отличился ни ратными подвигами, ни великими свершениями. Что чести дома и благоволению сюзерена он предпочитал сытых подданных и покой своих земель. Аллерия не отрицала этого.

Но те, кто знал его лично, не могли винить пожилого герцога в излишней осторожности или эгоистичности. Он и так отдал Пределу самое дорогое. Наследники пали во втором Северном походе у Калинова моста и у Грисби, брат пропал без вести во время Визжащего шторма, супруга умерла при рождении леди Жиннет.

Именно чудом рожденная на старости лет дочь стала для лорда соломинкой, удерживающей его от пропасти отчаяния. И его погибелью.

Барон Робусте, до гибели племянников не смеющий претендовать на титулы старшего брата и уже загрезивший о роли герцога, вдруг вновь оказался отодвинут в очереди наследования.

Сперва он предлагал помолвку с кем-нибудь из своих многочисленных наследников, затем, набивался в воспитатели. Наконец, после загадочного покушения на юную леди, барон предложил ей защитника из числа своих рыцарей. К всеобщему удивлению, герцог согласился.

Понимая, что преклонные годы не позволят ему оградить дочь от явных и скрытых угроз, герцог организовал праздник, приуроченный к именинам еще совсем юной леди Жиннет.

В грандиозном турнире за почетный титул, победу одержал рослый и широкоплечий рыцарь из земель Робусте. Однако, из-за номинального нарушения неких правил, ставленника барона исключили из состязания, а роль чемпиона наследницы Молочного холма досталась дочери простого домашнего гвардейца.

Склонившись перед мечом герцога, Аллерия пыталась возразить лорду, что едва закончила обучение, только-только вступила в гвардию, и вообще — едва удержалась на ногах в общей схватке, не дойдя до финала. Однако тот был непреклонен и девушка, которой едва исполнилось шестнадцать, вдруг обзавелась личным гербом и почетной должностью, которая и не снилась ее отцу.

Аллерия рьяно взялась за возложенные титулом обязанности. Дарованный герцогом надел, и пухлый кошель позволил обзавестись доспехами и мечом, достойными звания чемпиона. Госпожа восприняла защитницу за старшую сестру и часто, тайком от слуг, пробиралась к ней по ночам, дабы вместе почитать или обсудить замковые сплетни. Миледи училась у Аллерии верховой езде на любимом пони, письму у нелюбимого стюарда, и наукам у многочисленных замковых магистров, которых юная госпожа всеми силами избегала. Так и прошли ее юные годы.

Спокойная служба и эйфория от полученного титула закончились после трагической смерти лорда. Стюард замка, назначенный главным воспитателем леди Жиннет, развеял фантазии Аллерии о собственной исключительности. Титул чемпиона достался ей лишь потому, что она родом из замка, знает с какого конца братья за меч, как надевать доспех и, самое главное — она женщина. Ей можно доверять, она выглядит подобающе своему титулу и злые языки никак не смогут обвинить ее в недостойной связи с подопечной. К тому же, девушка не лишена красоты — дабы услаждать взор благородных особ, жизнелюбия, — чтобы понравится своей госпоже, и глупости — дабы быть не способной извлечь из этого выгоду. Идеальный кандидат на роль спутника розовощекой герцогини.

А для настоящей службы, есть стюард, присяжные рыцари и вся мощь Молочных холмов. Так думал покойный герцог. И ошибся.

Занявший положение регента при юном сюзерене барон, немедленно ограничил ее свободу, под предлогом все учащающихся покушений заговорщиков. Заговорщиками, конечно же, стали фигуры, наиболее верные прежнему лорду. Но сколько бы арестов не проводилось, регулярность несчастных случаев в замке не сбавлялась. Вассалы не были дураками и прекрасно осознавали положение дел, но куда барон был щедр к сторонникам и жесток к врагам — всех все устраивало. Лишь лорды подобные сиру Грисби, ни за что не признавшие бы притязания барона на титул, сдерживали его пыл. И скрипя зубами, регенту все же приходилось поддерживать хотя бы видимость закона, то и дело предьявляя сохранность леди Жиннет многочисленным вассалам и редким инспекторам.

Скребущее ощущения обмана и несправедливости уступило место долгу. Несмотря на разочарование в себе, Аллерия находила в себе силы противостоять регенту. Из ходячей мебели и довеска к госпоже, она превратилась в настоящую опору. Вместе со стюардом, они каждый раз находили поводы отказывать в помолвке, добиваться

аудиенций с госпожой, раз за разом пытались прервать заключение герцогини из башни и без конца запрашивали инспекторов. Но кто они, а кто регент...

Последняя мера, письмо стюарда к великому Мюрату не исправили положения, а лишь усугубили.

Внезапная болезнь Жиннет, не менее неожиданный турнир, требующий присутствия чемпиона в Мапре и незнакомый высокий северянин, протянувший Аллерии запечатанный пергамент, едва она взялась за турнирное копьё. Вместе с неровными строками поспешного письма, рыцарь понял, что затянувшийся паритет закончился.

Барон не позабыл претензий на титул усопшего брата и вот-вот собирался обручить герцогиню со старшим сыном. Турнир — всего лишь способ избавиться от Аллерии с помощью изношенных стремян и стального стержня в копьё противника. Все из-за того, что лишь чемпион миледи имеет право отказывать в брачных союзах своей подопечной, пока та не достигнет совершеннолетия.

Стоит ли удивляться, что отправивший письмо стюард был уже мертв по прибытию рыцаря? Но свой долг он выполнил — назначенная помолвка так и не состоялась.

Следующие два года в замке прошли в постоянном напряжении. Бесчисленные покушения приучили девушку спать с открытыми глазами и обедать лишь трижды перепроверенными блюдами только собственного приготовления. Аудиенций у госпожи становились все реже, сколь меньше знакомых лиц оставалось в домашней гвардии.

Перед самым совершеннолетием госпожи, к Аллерии явился отец. Сияя посеребренными ножнами и новеньким чеканным гербом барона, он молил дочь о благоразумии. Заклинал от вмешательства в грядущую свадьбу, сулил золотые горы и замужество с самым младшим из сыновей регента. Воплощение голубой мечты любого рыцаря — породниться с благородным домом, как и слова отца о золотых горах, лишь подтолкнули защитницу к отчаянному решению. Воспользовавшись тайным ходом, указанным еще покойным стюардом, Аллерия выкрала недоумевающую госпожу.

Далее следовало паническое бегство по ночному лесу, утомительный трехдневный поход, сломанная нога верного скакуна, и разочарование у самых стен города. По словам встреченного дровосека, лорда Грисби в замке уже с месяц как не было, а когда он вернется, простолюдинам не докладывают. Быстрый марш до Живанплаца был не по силам госпоже, большую часть жизни проведшей взаперти. Рисковать и наведываться в замок, Аллерия так же не решилась, предпочтя подыскать небольшую деревеньку недалеко от города. Если бы только не эти проклятые «томатные дни» у подопечной...

Внезапная встреча нос к носу с гвардейцами, короткая схватка и бегство по ночному городу. Пропахшие мочой переулки, грязные шалаши, единственное на весь район не разрушенное здание... И он, хмурый наемник в старом залатанном гамбезоне. Один из тех, о существовании которых не принято вспоминать в приличном обществе. Жадный, жестокий и подлый продажный меч вдруг оказался благороднее всех присягнувших герцогу рыцарей, охотно закрывающих глаза на козни регента и заточении госпожи.

Ни секунды не колеблясь, он вступился за выбившихся из сил беглянок, дал им убежище и, что стало полным шоком, расстался со всеми сбережениями, чтобы приглушить алчность хозяйки блудного дома.

С появлением его фигуры, роль Аллерии вдруг отошла на второй план. Теперь он стал чемпионом и защитником, немедленно завоевав сердце госпожи, а рыцарь осталась лишь довеском и «безмозглой овцой», которая все делает невпопад. Ревность и обида боролись с благодарностью и... Интересом. С какой стороны не запрягай, а Себастьян никак нельзя назвать ординарным мужчиной. То есть, наемником!

— Но... — девушка вдруг осеклась и, отвернувшись от кровати к окну, глубоко вздохнула.

Пожалуй, теперь она подобралась к настоящей причине своих разговоров с молчаливым слушателем.

— Когда все случилось... Когда тот медведь в человеческой шкуре напал на тебя и у сцены зазвенела сталь... Я бросила тебя. Не струсил, нет! Но госпожа... Пойми, как бы мне не хотелось прикрыть твою спину, что бы, не обязывало меня вступить за тебя, но госпожа всегда на первом месте. Я просто не могла оставить ее посреди взбешенной толпы...

— Да твою-то мать! Ты можешь заткнуться?!

Вздвигнув, девушка переключилась с зеленоватого окна на внезапно пришедшего в себя наемника. Лежа на кровати, он раздраженно шлепал ладонью по лбу:

— Меня твои истории задолбали уже! — на полтона тише, чем обычно, но с привычным напором в голосе Себастьян едва не сыпал искрами. — Одна история очешуительней другой просто! Про герцогов, блин, про какую-то херню, молофью, рыцарей... Че ты несешь-то вообще?! У меня уже не глаз дергается, у меня сейчас шишка встанет, и стены долбить начну! А я-то думал госпитале хреново было, когда срочники у меня курево каждые пять минут стреляли...

— Себастьян, ты очнулся!

Никакое неуважение к рыцарям и крепкие словечки не могли унять радость в девичьем голосе.

— Нет, я тронулся! Башкой и наглухо! Твоя болтовня и мертвого доконает! Господи помилуй, какого черта ты

мне это все рассказываешь! Я думал, ладно, сейчас пять минут поболтает и свалит, но нет, это же блондинка, ее хрен заткнешь! Да чтоб тебя, где сигареты?! — выругался он и, похлопав себя по груди, безвольно откинулся на подушки. — Блин, опять двадцать-пять... Еще и имя это дебильное.

Глава 22: Иногда лучше жевать, чем говорить

Первая моя командировка закончилась пулей в брюхе и целым годом реабилитации. Три месяца в госпитале, шесть восстановления и еще три бюрократии. Потерял тридцать килограмм веса, едва-едва избежал списания на пенсию и приобрел нервный тик на правом глазу. Что из этого стало следствием пули, а что бумажной волокиты — догадаться несложно.

А вот от удара стилетом отделался лишь тремя днями в отключке и ощущением похмелья. Забористого такого, как после дня офицера.

Конечно, огнестрел сильно убойнее всяких мечей, кинжалов и кулаков, но не настолько же? Нет, мне приятно считать себя таким крутым перцем, которого ни клинки, ни пули не берут, но все же странно. Даже пугающе. Особенно, если учесть, что местные врачи всем лекарствам предпочитают уксус и карательную уринотерапию.

Да и галюны эти, пока в бессознаке отдыхал... С хрена ли мне луна фиолетовой мерещилась? И с чего вдруг тот танк вообще вспомнился? Я же про тот день давно позабыл, а тут вдруг вспомнил...

Может это и есть знаменитое: «вся жизнь перед глазами»? Если да, то могли бы показать что-нибудь поинтереснее испепеляющих взрывов и зубастых петухов! Детство там вспомнить, родителей, или хотя бы имя настоящее... Достал этот «Себастьян»! И черт меня дернул его в анкете написать!

Короче, ну их нахрен, флешбеки эти.

Стилет оказался явно китайским, ибо нисколько не помешал противостоять напору радостной блондинки. Что хорошо, ибо иначе точно задушила! Девка-то она симпатичная и пахнет от нее приятно, но пообниматься можно и в другой раз. А то я слишком много крови потерял, чтобы и на «колышек», и на все остальное хватало.

Угомонившись, барышня попыталась заново завести свою пластинку «за время вашего отсутствия» и утопить меня в водопаде своего сознания, но я вывернулся. Честно сказал, что очухался на моменте, где блондинка пересказывала, как отбила Гену от какого-то коротышки на празднике. Просто спящим прикинулся. Думал переждать, пока она заткнется и свалит подальше, дабы я смог спокойно посетить ближайший сортир. Заткнется она, как же... И в кого я такой наивный?

В итоге отделался обиженными глазками, обвинениями в «бесчувственности» и «отзывом приглашения в свой надел». Что бы это, блин, не значило...

К счастью, на романтический вояж до сортира женская обида не распространялась, и рыцарша любезно согласилась предоставить мне услуги гида. Ну, почти. Сперва она попыталась всучить подозрительно булькающую ночную вазу, но никакие «ой, да что я там не видела», «ой, то есть я не смотрела, но...» и даже «ой, ну конечно я за дверью подожду!» не потушили моего острого желания оторвать задницу с кровати. Весь копчик отлежал!

Да и уж слишком хорошо я себя чувствовал. На удивление хорошо! Даже смог самостоятельно встать и одеться, игнорируя зардевшиеся щечки блондинки. Слабость и головокружения присутствовали, но... Блин, что-то тут нечисто! И магией не оправдаешь! Настоящие целители у местных туземцев ценнее аспирина после попойки. Волшебников, способных исцелять болезни или серьезные раны, настолько мало, что они не по улицам шарятся, а сидят в замках у самых-самых понтовых феодалов. И под «самыми», подразумеваются всякие Мюраты, Рорики и прочие Дюморши, а не шелупонь, типа Грисби. Ну, может герцоги еще подобным трофеем похвастаться могут, но малявка не при делах — трижды у рыцарши уточнил.

Моцион до единственного на весь салон работающего сортира, сопровождался парадом ошарашенных северных рож. Коли за каждый услышанный синоним слова «колдун» мне давали по рублю, то к вечеру бы замок из монеток отгрохал. Не знаю, сколько эти дружинники закладов о мою жизнь проиграли, но сияющий ярче солнца дед, подозрительно звенел при каждом шаге.

Остаток пути до туалета пришлось слушать их с Аллерией перепалку. Рыцарша ябедничала на старого, мол, тот предателем оказался, а пенсионер лишь вяло отбрехивался про «лицом мила да головой пуста». Причиной недовольства блондинки оказался князь. Не успели мое едва живое тело доставить до резиденции, как старпер уже разболтал, что у него дома живет аж целая герцогиня. Чем огромный северный метросексуал с гладкой бородачкой немедленно воспользовался. Дед клялся, что малявке ничего не угрожает и князь сдержит свое слово — отдаст ее лично в руки Грисби, едва тот вернется, но Аллерия не верила. Да и, честно говоря, я тоже.

Плохо понимаю, каким боком дед оказался знаком с князем, но какая бы история их не связывала, северный феодал шанса не упустит. Поллюбому женит девчонку на ком-нибудь из своих вассалов. Или, у северян нет вассалов? А хрен знает, на себе женит, если на то пойдет! Блин, да если бы не устав и разница в возрасте, я бы и сам на ней женился! Целое герцогство в придачу дают! Впрочем, лично мне ничего точно не светит, ибо армии спиной не имею. Но вот князю...

Впрочем, присоединиться к рыцарше и катить бочку на старика я не стал. Вместо этого, наехал на саму блондинку.

— Что?! То есть как это, «сама виновата»?! — от негодования, она едва не вырвала дверь в библиотеку.

Прошмыгнув в проем первым, и осмотрев углы в поисках бабаек, я дождался остальных и двинул промеж книжных полок:

— А кто, мать твою, на всю площадь про «ледю» блял?! Кто в доспехе да с мечом прибежал?! Что еще маразматiku оставалось? Ты же по-любому ее у нас дома оставила! Еще, поди, и Гену «охранять» приставила, чтобы он за тобой не ломанулся! Или ты реально думаешь, что северяне наглухо контуженные, и не проверят, что там за баба в доспехах про какую-то герцогиню орет?! Блин, помянешь черта... — фыркнул я, уставившись на пацана с малявкой.

Сидя на креслах в углу промеж библиотечных полок, они обложились целой кипой книг явно порнографического содержания. Вернее, герцогиня обложилась, а горе-оруженосец с прискорбным видом скучающе тербил ножны со сломанной рапирой. Заметив Аллерию, он тут же преобразился. Аж с кресла подскочил, сияя счастливой улыбкой. Но едва его глаза скользнули по моей бледной туше в потертом пикселе и расшнурованных берцах, радость несколько погасла.

Чего это он? Решил, что я буду его за площадь отчитывать? Пф... Уж на кого-кого, а на него я и не рассчитывал. Кстати, а чего у него синяк в пол рожи?

Оторвавшись от разглядывания картинок, герцогиня заулыбалась и немедленно заявила, что очень рада моему выздоровлению от простуды, хоть и сильно разочарована, что ее «снежного рыцаря» сразила такая «жалкая болезнь». Да еще и на целых три дня. Но это ничего, ибо мой «оруженосец» любезно развлекал девушку в мое отсутствие. Гена же ограничился учтивым поклоном, стараясь не смотреть на Аллерию.

Я хотел рассказать малявке все, что думаю о ее разочарованиях и простудах, но все же сообразил, что про болезнь придумали, дабы ее не травмировать. Башкой-то она совсем как ребенок, даром, что порнуху рассматривает. Ну и ладно, простуда, так простуда. С меня не убудет.

Начавшийся обмен любезностями, прервался не выдержавшей Аллерией. Гневно зыркнув в мою сторону, она никак не желала признавать очевидное:

— Если он от безысходности все выдал, то отчего же твой одноногий подонок ни слова про это не сказал?! Отчего же отмалчивается да обзывается?! Ты просто выгораживаешь этого мерзкого, одноногого...

— Слушай, просто забей, ладно?! Проехали! Не понимаешь и не понимаешь! Хватит уже!

— А, так уже «хватит»? Что, нечем больше оправдаться?! Нечем этого пьяницу одноногого выгородить?! И нечего меня овцой называть, ты сам виноват, раз доверился этому склизкому...

Вместо женской щеки, ладонь глухо впечаталась в библиотечную полку — еле сдержался! Грохот посыпавшихся книжек и вспышка боли в пробитой ножом руке, чуть приглушила злость, и вернула дар речи:

— Дурой он тебя выставить не хотел! Соль на рану сыпать, что ты и там и тут обосралась! Ни меня не прикрыла, ни девку свою не укрыла! — как бы я не старался, снизить тон, но все же командирские нотки эхом прокатывались по небольшому залу. — Научись в себе проблемы искать, овца полоумная! Авось, их поменьше станет!

Ну не люблю я, когда на деда бочку катят! Тем более эта овца! Старик, конечно, тот еще маразматик и говнюк, но все же со своими принципами. Это я могу над ним прикалываться и подсрачники в воспитательных целях навешивать. А никак не напыщенная залетная рыцарша, которую я знаю меньше недели!

— Хотел бы он тебя сдать, давно бы уже в петле у своего барона болталась! Мы с ним, блин, два года прослужили! Он мне, между прочим, жизнь на площади спас! И если ты еще раз, лошадь крашенная, раззявишь свое хайло на... — кипящее раздражение прервал крепкий старческий подзатыльник.

Но было уже поздно. Наградив меня поджатыми губами, влажными голубыми глазами, и коротким: «купальня за этой дверью», рыцарша, едва не срываясь на бег, загремела доспехами в противоположную сторону.

Герцогиня нервно вжалась в кресло, стараясь не встречаться со мной взглядом, а Гена яростно засопел, крепко стискивая ножны. Он явно хотел мне что-то высказать, но притронувшись к украшенной синяком щеке, бросил эту затею и бросился за обиженной.

— Эй! Ты чей оруженосец вообще?! И эта еще... Тоже мне, рыцарь! Как ребенок, чес-слово... А еще и ты, пень старый руки распускаешь! Будто я не правду говорю! — фыркнул я, почесывая ушибленный затылок и едва сдерживаясь, чтобы не вернуть любезность насупившемуся деду.

— Не всякую правду надобно озвучивать! Особливо перед всеми!

Поглядев на испуганно дрожащую малявку, прячущую лица за книжкой с какой-то местной «Камасутрой», я шумно выдохнул.

Ну, психанул немного, с кем не бывает? Тем более, Аллерия и впрямь накосячила. Хотя, я и так знал, что она дура. Даже дед промолчал, мог бы и сам сдержаться.... А уж перед малявкой сцену устраивать точно не стоило. Сдается мне, попробуй я обложить любого другого рыцаря при господине, то все закончилось бы чьей-нибудь смертью...

— Ну, виноват-виноват... Хорошо глазеть! Потом извинюсь или куплю ей цветов каких-нибудь! Не сахарная она, не развалится! — оборвал я вновь раскрывшего рот старика.

И так нервы ни к черту. Если сейчас идти разбираться — только хуже сделаю. И без бабских обидок голова кругом идет. Не в том состоянии, чтобы за девками бегать.

— Умные мысли порой преследуют меня, но я быстрее. Да? — подмигнул я чуть повеселевшей герцогине и двинул до указанной двери.

«Поссать и родить», как дед говорит...

Остаток дня прошел более-менее нормально, если не считать дедовских нотаций и чертовых флешбеков. Первые парили мозг на тему «не умеешь ты с бабьем ладить, так бобылем и помрешь», а вторые всплывали картинками исполинской твари с козлиной башкой и гениталиями во все тело. Эти долбаные северяне даже кровь со стен в общем зале не смыли! То ли не замечают, то ли им так больше нравится. Такие-то узоры!

Одно радуется — проститутки разогнались. Сунули по кошельку, дали время шмотки собрать и вышвырнули пинком под зад. Местные наверняка углядели в этом очередной пример жестокости снеговиков, но, по-моему, тут дело в другом. Любого офицер скажет, что размещать подразделения, не то что посреди, а даже рядом с борделем — крайне хреновая затея. Да что там борделем — несчастный ларек с пивом, уже серьезная угроза дисциплине! Уж сколько историй, где ночных ходоков за водяров в плен брали... Короче, этот князь умеет не только марафет с бородачкой наводить, но и военном деле что-то да смыслит. Во всяком случае, порядок в расположении поддерживает.

Так что в салоне нынче тишь, покой и никаких стонов. Холодно только, ибо главный котел нифига не починили, а второй совсем мелкий.

Уже под самый вечер, когда я сидел в выделенной мне комнате и осматривал мастерски заштопанную Аллерией стеганку да примерял к ней покоцанный стилет, в дверь без стука ворвался незнакомый дружинник. Или знакомый — хрен поймешь. С этими бородами они чисто ваххабиты.

Нисколько не впечатленный моим фирменным взглядом, он потребовал немедленно собираться и дуть в опочивальню хозяина. Мол, князь зовет.

На вопрос, на кой ляд князь захотел видеть меня в своей спальне и понадобится ли вазелин — бородач лишь насупил и, погрозив кулаком, кинул на кровать красный кафтан с новенькими штанами. Типа, нечего в моих обносках перед Рориком представлять. Чай не лорд какой, а младший сын самого светлейшего князя. Типа принц, короче.

Рассудив, что все не так уж плохо, — раз снеговики наряжают меня в свои шмотки, то казнить или пытаться точно не будут, — я переоделся и вышел в общий зал. Дружинник провел меня вокруг дыры от фонтана между нагромождениями столиков и кивнул на дверь, расположенную аккурат напротив сцены:

— Дурковать удумаешь... — вместо окончания фразы он многозначительно указал древком рогатины на толпу тусующихся в зале сослуживцев, и отчалил в неизвестном направлении.

Поглядев на бородатые рожи, здоровенную трубу у стены и словив еще пару неприятных образов из прошлого, я нехотя взялся за ручку из белой кости.

Кабинет ныне покойного управляющего салоном, ожидаемо заставил задуматься о социальном неравенстве. Seriously, тут даже плинтуса посеребрены! А за цену пары этих кресел можно целую деревню отстроить вместе с мельницей и парой сотен коров. Блин, ну почему меня не занесло в тело какого-нибудь Мюрата?! Или хотя бы обедневшего дворянина! Почему в этих чертовых азиатских мультиках у всех все есть, а мне сраные наемники достались?! Будто я и без того не навоювал! Эх, нет в жизни справедливости...

Едва дверь за спиной беззвучно закрылась, как на меня уставилась пара хмурых серых глаз. Кроме князя, наряженного в бледный шерстяной камзол, в помещении больше никого не было.

— Явился таки... Неспешно и вразвалочку. Дерзить удумал, верно? Показывать, что князь тебе не указ? — холодно бросил громила и снова склонился над столом, украшенным позолоченными фигурами.

Всякие львы, птицы, скорпионы... А, мантикоры изображены, походу. Странно, никогда не слышал, чтобы такие твари в их мирке взаправду водились. Впрочем, про генитального демона я тоже не слышал, да и баллисты-переростки они тоже не просто так называли.

Сообразив, что слишком долго рассматриваю старинную мебель, я быстро отмазался:

— Дык меня не на допрос, а в гости приглашали. Нельзя же перед такой персоной абы как представлять?

— Это смотря кто приглашает... Я позову, так на всех четверых поспевают. — наконец Рорик отложил украшенную драгоценным камнем косточку на чернильницу и перевел взгляд от пергамента на меня. — Ладно, посчитаем, что лезть твоя попала в цель. Прощаю на первый раз.

Ох уж эта аристократия колхозная... Ну не могут сразу к делу перейти, обязательно власть покажут, пощупают, поглядят, прогнетса, али нет. Тьфу! И не стыдно ему, что я лет на десять старше!

Сдержав протяжный вздох, я без приглашения плюхнулся в кресло напротив стола, старательно игнорируя нахмуренные брови хозяина:

— Так у нас по распорядку уроки этикета или сразу к допросу перейдем?

Князь тупо моргнул и через мгновение расплылся в довольной улыбке:

— Экий ты лихой... Однако, чего еще от продажного меча ожидать? Тем паче, от подмастерья старикана.

Подмастерья? Нет, ну дед реально нарывается!

— Ну чтож, коли у нас блажь да взаимопонимание, не будем жечь лучину с дурного конца да к делу перейдем... Рассказывай.

Прелюдию в стиле «что рассказывай?» — «ну это самое.», я решил опустить — и так все понятно. Князь хочет услышать мою версию «Алого листопада». Да-да, именно так горожане окрестили резню на недавнем празднике. Говорю же, местных хлебом не корми, дай прозвище позаковыристее выдумать! Поди, если глашатай со своего помоста грохнется, это событие нарекут днем, «Низвергнутых вестей».

Поглядев в серые глазки, я не удержался от тихого стога. Хрен мне сегодня, а не ужин...

Глава 23: Случайности случаются случайно

Князь все сыпал вопросами, типа: как я в городе оказался, что на сцене забыл и с какого рожна за мной тот слабоумный бегал да что-то «вернуть» требовал. По-моему, подобными интервью он уже всю стражу задолбал. Полдня у кабинета очередь сидела.

Скрипнув зубами из-за бесповоротно пропущенного ужина, я устроился поудобнее. Судя по его липкому взгляду, ловящему каждое мое движение — это надолго...

Когда я дошел до момента со стариковским протезом и нахальными ухаживаниями мертвого полубороного, князь не выдержал:

— Ну, полно тебе дурку валять! Шелуху ты другим оставь, а мне орехи надобны!

— Я что, на белку похож?! — развел я руками.

Каких нафиг орехов он от меня хочет?! И так всю правду выложил, даже про убитых гвардейцев и появление Аллерии в клоповнике сказал!

После пикировки в стиле «а ну колись!» и «да не знаю я ничего!» метросексуал наконец сдался:

— Проклятье, ну и норов у тебя! Ни словечка не вытянешь! Я словно вновь за отцовским столом... Ладно, пс с тобой, будь по твоему. — тяжело вздохнул князь и скептически поглядел на плотно закрытую дверь.

Здесьняя шумоизоляция ни шла, ни в какое сравнение с клоповником и из зала практически ничего не было слышно. Однако северянина это не устроило. Поднявшись с кресла и сверкнув мешками под глазами в свечном пламени, он жестом поманил меня за собой на балкон.

Ночной осенний воздух заставил невольно замечать о лете. Не дай бог придется зимовать в этом городе... Стыдно сказать, но за два года в этом полоумном мире я уже порядком отвык от настоящих холодов.

— Итак... — заметно тише, чем прежде, начал он и обвел ладонью вид ночного Грисби. — Есть город, что достался Простору пять лет назад. Есть перемирие, что навязал Гранд-лорд из-за Куриного шторма. Есть любопытное положение — на воротах и улицах стоят просторцы, но земли все еще считаются за конелюбами. Отец-то перемирие подписал, а вот завоеванные земли уступать отказался. Как и этот жирный куролюб из замка. Интригующее начало, верно?

— Да не особо, если честно...

Мои мысли куда больше занимал просочившийся запах жареного мяса, чем урок краеведчества, пусть и в исполнении благородного великана. Если в мире и есть вещь, еще менее интересная чем местная политика, то я про такую не слышал.

Но князь воспринял мои слова по-своему:

— Конечно, нет. Иного от тебя не ожидал. Интриги и история интересны лишь тем, их не творит, а нам... Так вот, к делу.

И опять по новой. Князь все впаривал мне про терки между Рориками и Мюратами, которую он провел еще аж с имперских времен. Говорил про злопамятность сира Грисби, про вероломство южан, про тучи, что повисли над городом... Пришлось отвернуться и пялиться на ночные улицы, чтобы не гнеть благородного индюка своим дергающимся глазом. Черт, еще и рана подтекает...

— И тут... Чу! — великан гулко щелкнул пальцами. — Что-то пошло не так. Неведомая тварь, подстерегавшая в резиденции? Пуф! Испарилась! Будто дымка над заледенелым озером! Тот мерзкий козленок, который по недомыслию занял место положенца и вместо дворца знаний и искусств, превратил мою резиденцию в... «Салон»! Еще и оправдывался в письмах, мол «вы же сами приказали горожанам угодить! А что, может быть более угодным нежели...». Тьфу! Еле выгнал этих баб срамных!

От резкости в голосе северянина, я аж отвлекся от мыслей о теплой койке. Чего это он так к бабам холоден? Уж не из «этих» ли? Бороденка-то подходящая...

— Но ничего, козленка тоже не стало. Что случилось? Наемник случился. Мимо проходил. Потом наемник прошел мимо гарнизона и, совершенно случайно, предотвратил еще одну оказию. Ведь все знают, про запрет на казни? А сотнику также ведом и мой наказ — и пальцем не трогать никого из замка! Да только он «запамятовал». Но ничего, и без меня напомнили. Наемник напомнил. А потом наемник прошел мимо праздника и... Тут и так все ясно как в студеной полдень. Ах да! Совсем про Клебера запамятовал!

Громила демонстративно перекрестил пальцы на правой ладони:

— Про десницу дражайшую, про правдоруба, честолюбца напыщенного. Про рыцаря образцового, который никогда, ни за что, и никому бы не соврал! Чьему слову, несмотря на клеймо позора легшее на его род, охотно бы поверили, расскажи он, что видел на площади. А что бы он увидел?

Сообразив, что это был вопрос, я быстро пожал плечами и вернулся к разглядыванию ночного города. Спать охота...

— А узрел бы он — толпу грязных мужиков с тесаками да вилами, вдруг накинувшихся на князя! И сказал бы, что, то не заговор подлый, а гнев народный! Устали горожане горемычные! Довели их северяне лютые! Произволом городских, грабежом у ворот, дурацкой куклой «Куролюба» и насмешками «Разорителя»! Эх, а как бы сладко сия песня прозвучала, если бы в городке еще и дражайшая миледи Гилберте сгнула... Если бы затаившаяся тварь кавардак в резиденции устроила, коли бы казнь у ворот состоялась, и ежели бы меня на площади прирезали... Ух как бы старому пердуну из замка эта песня понравилась, верно? Но не вышло. Наемник мимо прошел и на горло певцам наступил. Да так наступил, что конелюб аж с городу сдристнул! Сам сдристнул, а бастарда позабыл. Так наступил, что сотнику казнь обломалась, что головорезы костей не собрали, и что тварь лютая вместе с козленком в колодец канула! И все это совершенно случайно, само-собой.

В глазах северянина плясали веселые огоньки, а губы растягивались в самодовольной улыбке. Он напоминал школьника, только решившего задачку и ждущего заслуженную конфетку.

Но мне было не до конфеток. Слушая его бред в пол уха, я вдруг начал что-то понимать. В голове словно все сложилось воедино. Подобно осколки изрезанной картины каждое событие находило свое место, образуя целостное полотно. Но лишь мимолетно. Уподобляясь воздушному замку, картина растворилась, едва я обратил внимание на детали.

— Ну, во-первых, да, случайно. — поднял я первый палец. — А во-вторых... — поднял второй. — Герцогиня тут вообще не при делах. И кстати, ты меня едва не зарубил! Делай я все это специально, разве подставился бы под клинок?! Короче, все фигня!

Здоровяк лишь рассмеялся, словно услышал анекдот:

— Ну, довольно из меня дурака лепить! Ты не смотри что я добряк, ведь и гневаться умею! Будто я не сообразил, что ты нарочно под «Конеруба» подставился! — воровато отведя глаза, соврал князь. — Дабы личину свою всему городу не выдать и изобразить, будто все по недомыслию вышло! Загодя ту штуковину волшебную за пояс воткнул, загодя дурку у помоста валял! Что, скажешь ряженного городского «случайно» зашиб? Или ты сейчас промолвишь, что и тупаря студеного тоже «случайно» от меня отвлекал? Будто я не видел, как ты его вокруг сцены за собой увлекал, не позволяя на меня кинуться, да нарочно под рогадины подставлялся, чтобы никто и ухом не повел! Ну, до поры... — князь болезненно притронулся к бороде, под которой проглядывались темные пятна ушибов.

— Э-э-э... Ну окей. — только и выдохнул я, решив, что про слабоумного рассказывать не стоит.

Во-первых, — князь не поверит, во-вторых — большая мозоль. Вместо обидок Аллерии, странно-фиолетовой Луны или прошедшего праздника, я полдня думал про этого увальня и чертов магнит. Ведь если бы не моя гребанная привычка, хватать все что плохо лежит, парнишка был бы жив. Впрочем, тогда князь был бы мертв. Ведь не стукни меня дурачок, я не влетел бы в полубородого и тот сумел бы тайком вскочить на сцену и пырнуть князя стилетом еще перед тем, как из толпы посыпали головорезы. Походу, наемники неправильно истолковали начавшуюся у сцены свару, а потом уже было поздно.

Во всяком случае, мне кажется, что план был именно таким. Правда, причем тут писюкастый демон и почему князь его именно себе приписывает, а не, скажем, его эскорту? Кстати... А ведь логично! Такая тварь легко смогла бы всю дружину перебить, попытайся она в резиденции оборону занять! Точняк, ведь помри князь на празднике, остатки дружины полюбому отступили бы к салону! К «заминированному» салону! Это же была натуральная бомба с клешнями и пискьями! Только вот, часовая, сенсорная или дистанционная? И кто ее сюда поставил, и почему она раньше времени «бахнула»?

— Опять случайно... — вздохнул здоровяк. — С тобой спорить, что дома из снега строить! Работа есть, результата нет! И ту деваху из замка ты тоже ненароком от бердыша уберег? Мимо проходил и такой «дай-ка я жизнью рискну, незнакомку от столба уберегу!», так что ли?

— Ну, вообще-то...

— Ох, ну и упертый ты... Ладно пусть будет «случайно». Случайно ты заговор вскрыл, случайно козни сорвал, случайно на предателей среди сотни указал... Что смотришь? Поди, как рыжий сотник, тоже думал, что князь дурак и ничего не понимает? Ха! А ведь мне ведомо, что погибла вся десятка городских, дежурящих на площади! И знаю, что, по совершенно умопомрачительному совпадению, в этой десятке оказались все те, кто застал южный бросок и взятие города! Не считая одного безусого новобранца... — его сияющее самодовольство чуть подпортила тень непонимания. — А еще ведаю, что теперь в городских нет ни одного бывшего дружинника, ни одного ратника, кто делил со мной хлеб в походе... Удивил тебя таки! Ха! Поди, тоже думал, что юн князь да глуп? Сам не докумекает? А вот вам! — громадный мужик вдруг скрутил фигу и сунул мне под нос.

— Раньше не думал, но теперь, точно начну. Воистину, князь от народа... — проворчал я, отстраняясь от здорового кулака.

Зря я так. Надо сдержаннее быть. Казни у них, может и запрещены, но все кости переломают за милую душу. Да и великие дома, типа тех же Рориков, все же имеют право бошки рубить.

К счастью, хозяин резиденции то ли не услышал, то ли списал все на шутку:

— Ну? Так что, будешь и дальше про свои «случайности» голову морочить? Или как на духу признаешься, что тебя отец подослал? Или брат? А может сестрица? А знаешь что? Все равно! Будь ты хоть инспектором и действуй по велению самого Хрен-лорда — плевать! Пока благую службу служишь, надевай личину хоть наемника, хоть рыцаря, хоть заморского содомита! Ну да пустое, что я тебя томлю... Ты ведь, поди, уже докумекал, что тебя не просто так ночью сдернули?

По правде, я докумекал только то, что являюсь каким-то Джеймсом Бондом самогонного разлива, а князь пересмотрел сериалов про шпионов. Ну, или книжек начитался. Впрочем, нужно отдать ему должное — все эти случайности до одури подозрительны. Может у меня и впрямь был какой-то хитрый план, да я про него забыл? Не, вряд ли. Моя контузия еще не настолько разрослась. Надеюсь.

— Я, по сердцу сказать, поначалу раскусить не мог, чего ж ты в гильдию вступил. Там же сплошь напыщенные бездари да молокососы. В городские пойти было бы сподручнее... Но теперь все встало по местам! — князь вынул из рукава и сунул мне вскрытый конверт со штампом гильдии.

Под эмблемой фонаря и метлы значился адресат: «Себастьян Перейра».

Елки-палки, опять это имя...

— В обед приволокла парочка проходимцев. Как караул доложил — один в угрях, другая с палкой. Оба с жетонами. Но не в «розанах» дело, тем паче, что они лишь посыльные.

Судя по тону и возбужденному блеску серых глаз, князь искренне перся от всех этих загадок да тайн, и был не прочь напустить еще немного тумана.

— А в чем же? — нехотя подыграл я.

Один хрен он его уже вскрыл, так пусть перескажет. Хоть какая-то польза.

— В том, что тебя, дерзкий мой «случайник», за каким-то бесом просят явиться в замок. Уж поди нечто лютое стряслось, коли стюард «Курощупа» до «розана» опустился... Но-но, не хмурься! Я же знаю, что для тебя эти жетоны, всего лишь еще одна личина. И очень удобная на сей раз!

Ждать от князя нормальных объяснений было бы так же наивно, как надеяться, что дед отложил для меня мяса из общего котла, а посему я молча принял протянутый конверт. Стандартное извещение о предложении персонального контракта. Заказчиком выступает какой-то: «Себас», а товаром «Себастьян Перейра». Только внизу незнакомая печать с гербом пламенного солнца и приписка, что подателя сего письма и жетона на имя «Себастьяна Перейры», нужно пропустить в замок без промедления.

М-м-м... А жетончик-то в гильдии остался. Вместе с одной наглухо поехавшей алкоголичкой. Отстой.

Когда я закончил чтение, князь перестал нетерпеливо тарабанить пальцами по белоснежным перилам из дорогой кости и приступил к инструктажу. Мол, поди, в замок, выведай, чего там стряслось и, главное, выуди доказательств, что Грисби замешан в заговоре против князя. Стандартное: найди, роди, укради, слугу подкупи, но результат князю в карман положи. Блин, я как будто снова в армии...

— А нафига ему это? Грисби и в городе-то нет. Он же с месяц как в Живанплаце.

— Нет... Конечно нет! Наемников нанял, сотника купил, помощников науськал, а сам будто и не при делах. Курощуп все затеял, как пить дать! Дабы просторцев прогнать да вновь с города подати трясти. А то, что это к новой войне приведет... Ему-то что? Он своих ратников и раньше не считал, с чего бы переменятся? Однажды из-за тупой гордыни он весь город чуть не положил. Всех бы с собой в могилу утянул, лишь бы знамя не спустить! Что ему еще одна война да чужие души?! Он всех заживо сожжет, лишь бы своего добится... — как-то грустно закончил громила и потрянул головой, будто отгоняя воспоминания.

В этот момент я увидел перед собой не высокого и богато одетого феодала из фантастического мирка, а очередного срочника. С поломанной психикой и посттравматическим расстройством. Война она везде война, и одинаково калечит, что вчерашних школьников с автоматами, что феодалов с мечами. Мда...

Заметив мой озабоченный взгляд, северный принц чуть улыбнулся. По-простому, без былого бахвальства и выражения «я начальник, ты говно».

— Ну, ты же и сам знаешь, «наемник». Что бы произошло, настигни клинок мою глотку? Думаешь, отец такое с рук спустил бы? Обратку бы дал! Ну а «Курощупу» что? Он уж старый, терять нечего. Кроме своей больной чести и жадности. Я же ему с самого южного похода поперек горла! Он же спать не может, зная, что его шестнадцатилетний парень уделал! А тут такая возможность! И отомстить и вотчину к рукам прибрать. Он как думает? Гарнизон — тьфу! Сотня городских, нежных, что твои подснежники! Да полсотни моих ратников. Уж исподтишка да с перевесом город бы он взял! А там, глядишь, и другие лордики присоединятся. Авось и сам Мюрат знамена поднимет. Новую войну они, конечно, проиграют, ибо «где бы не встали, устоим», но... Когда это конелюбов останавливало? — хмыкнул он, вновь притрагиваясь к свежему синяку.

— Ладно-ладно, я понял. — голова шла кругом и все о чем я мечтал, так это теплая кровать — Но я-то тут причем? Мне оно нафига? В смысле, моя-то доля где? — ляпнул я, прежде чем прикусить язык.

Но вместо справедливого гнева мне достался лишь залиvistый смех и дружеское похлопывание по плечу:

— Талант! Актерище! Ни на столечко из роли не выходишь! Так и знал, что не ошибусь в тебе! — продемонстрированный большой палец шел вместе с распахнутой дверью.

Зайдя внутрь и подышав на замерзшие ладони, я едва не получил в лоб увесистой шкатулкой. Тяжелой и приятно позвякивающей.

— Это че это? — только и ахнул я, глядя на целую россыпь золота внутри.

— Доля. Ты же наемник? Вот я тебя и нанимаю! Пролезешь в замок, выведаешь, что-почем и сразу ко мне! Уж с тобой я того пердуна прищучу! — заметно громче, чем нужно, заявил князь, обращаясь больше к двери в зал, чем ко мне.

— Э-э-э... А если откажусь, то...

— Голова с плеч, само-собой. — весело подмигнул он, все еще воспринимая мои слова за притворство.

Его глаза видели во мне шпиона, прикидывающегося наемником. Жаль, что на самом деле я всего-навсего офицер, притворяющийся человеком. Хотя, деньги-то хорошие. Отличные даже. На такую горку золота можно не то, что домик, можно собственный отряд сколотить! Впрочем, нахрен мне отряд?

— Блин, еще и за жетоном идти придется... — выдохнул я, не обращая внимания на самодовольную улыбку хозяина и ощупывая подтекающий бок.

Хоть бы недельку отлежаться дали, интриганы недоделанные! И нафига я вообще в гильдию вступил... Ай, ладно. Все равно не выкрутится. Все эти доморощенные феодалы терпеть не могут отказов. Особенно, от простых людей, типа меня. Шутки-шутками, но башку и впрямь отрубить может.

Только чую я, добром оно не кончится...

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net